

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Том 1

КАТЕГОРИИ И МЕХАНИЗМЫ

Ответственный редактор *А. В. Зеленщиков*

1269920

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1997

БОЛДЖОДСКАЯ

УДК 801.5+802.0

ББК 81.2 Англ.

A43

Авторы: В. В. Бурлакова (ч. 1, гл. 4), А. И. Варшавская (ч. 2, гл. 3), П. Джоунс (ч. 1, гл. 3), О. В. Емельянова (ч. 1, гл. 2), А. В. Зеленщиков (ч. 1, гл. 1), А. А. Масленникова (ч. 2, гл. 2), Т. П. Третьякова (ч. 2, гл. 1)

Ответственный редактор: канд. филол. наук, доц. А. В. Зеленщиков

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. О. И. Бродович (С.-Петербург. ун-т), канд. филол. наук, проф. Ю. П. Третьяков (Кафедра ин. яз. Рос. АН)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского университета

Актуализация предложения: В 2 т. Том 1: Категории и механизмы / В. В. Бурлакова, А. И. Варшавская, П. Джоунс, О. В. Емельянова, А. В. Зеленщиков, А. А. Масленникова, Т. П. Третьякова; отв. ред. А. В. Зеленщиков. — СПб., Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. — 236 с.

ISBN 5-288-01581-3 (т. 1)

ISBN 5-288-01625-9

Коллективная монография является первым томом двухтомного издания. В нем анализируется ряд грамматических категорий, несущих основную ответственность за обеспечение адекватной речевой репрезентации и интерпретации актуализированного предложения. Модальность, дейксис и референция рассматриваются как способы отражения и представления в речи «позиции» говорящего субъекта относительно обозначаемого в высказывании положения дел и как средства регуляции процессом понимания предложения в конкретной коммуникативной ситуации. Взаимодействие «буквального», «скрытого», «клишированного», коммуникативного и ситуативного смыслов высказывания составляет основное содержание тома.

Для лингвистов, занимающихся вопросами теоретической грамматики, а также для специалистов в области английского языка, преподавателей, аспирантов и студентов.

Темплан 1996 г., № 190

ББК 81.2 Англ

ISBN 5-288-01581-3 (т. 1)

ISBN 5-288-01625-9

© А. В. Зеленщиков, В. В. Бурлакова, Т. П. Третьякова и др., 1997

© Издательство С.-Петербургского университета, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

Выделение в значении предложения двух составляющих — модуса и диктума, или модуса и пропозиции, принятое во многих современных лингвистических работах как удобный способ описания языкового материала или как отражение реального функционирования языковой системы, неизбежно приводит к вопросам об обоснованности подобного разделения, казалось бы, единого целого, представленного в речевых высказываниях, о способе и критериях такого разделения и, наконец, о взаимоотношениях выделяемых частей.

Различие между диктумом и модусом, как полагает автор теории актуализации Ш. Балли, отражается в логической форме, лежащей в основе предложения, и определяется различием между «представлением, воспринятым чувствами, памятью или воображением» (например, *дождь*, *выздоровление*), и некой «психической операцией», которую производит над представлением мыслящий субъект (Балли 1955: 44). Мысль, выражаемая посредством языка через предложения, становится, таким образом, «субъективной реакцией на представление» (там же: 56), актом реагирования на представление, существование которого, видимо, «виртуально», объективно и независимо от индивидуального «мыслящего» субъекта. «Логическая форма», опосредующая переход от психологии к более или менее эксплицитному выражению мысли, и соответственно предложение состоят из двух частей. Часть «эксплицитного» предложения, коррелятивная представлению, образует диктум. Другая же, главная, часть предложения, «без которой вообще не может быть предложения», содержит «выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» над представлением. Модальность выражается «модальным» глаголом (типа *думать*, *радоваться*, *желать*) и его модальным субъ-

ектом, которые «вместе образуют модус, дополняющий диктум» (там же: 44).

По убеждению Ш. Балли, между модусом и диктумом существует отношение взаимообусловленности в том смысле, что «не может быть объекта уверенности без самого акта веры» (там же: 46) и «не может быть мыслимого представления без мыслящего субъекта и каждый мыслящий субъект о чем-нибудь думает» (там же: 47). Однако в результате совершения над представлением, как если бы оно обладало независимым существованием, мыслительного (психического) акта представление актуализируется: виртуальные понятия — «чистое порождение ума» (там же: 87) — связываются с соответствующими им в действительности предметами или процессами (там же: 93). <Именно актуализация дает возможность знакам языка, выражающим понятия, соответствующие представлениям какого-нибудь одного рода (вещь, процесс или качество), стать членами предложения, которое «по преимуществу является актом речи» (там же).> Таким образом, по Балли, генерация предложения является непосредственным проявлением функции актуализации, которая «заключается в переводе языка в речь» (там же). Язык в таком случае есть система виртуальных понятий, способная посредством определенного набора приемов «актуализаторов» или «грамматических связей» (там же) превратить виртуальные понятия в актуальные; собственно актуализация при этом является субъективным, «психическим» актом, реакцией, направленной на «представление», имеющей целью связать виртуальное с действительным и использующей для этого соответствующие языковые грамматические связи.

Аналогичным образом для Г. Гийома (1992) «выражение происходит на основе представления» и «представляемое — это язык, составляющие его акты представления, каждый из которых есть *единица потенции*, называемая СЛОВО» (там же: 91). Представление «относится исключительно к мыслимому»; «оно его делит, подразделяет, внутренне организует, систематизирует... и результатом этих систематизирующих операций является язык» как «интегральное представление мыслимого с некоторой внутренней систематизацией» (там же: 94). Выражаемое же есть «речь (discourse), составляющие ее акты выражения, каждый из которых по завершении называется *единицей реализации*» (там же). Акт речевой деятельности состоит в «акте перехода от мысли к ее выражению» (там же: 81), т.е. в «передаче из языка в речь (*discourse*) семантем и морфем, к которым прибегает мысль для самовыражения» (там же: 82). В отличие от слов (семантем и морфем), «устоявшихся (*l'institue*)», «потенциальных единиц языка, принадлежащих представлению», предложения являются «реализованными единицами речи, принадлежащими выражению» (там же: 90—91). Если учесть, что «предметом выражения в речи является об-

думанное (Je pense)», «построенное в данный момент на основе мыслимого» (там же: 94), то можно, по-видимому, сказать, что как для Ш. Балли, так и для Г. Гийома процесс актуализации виртуального, или реализации потенциального, составляющего сущность собственного языка, заключается в мыслительном акте, позволяющем перейти от «мыслимого в представлении... к выражению обдуманного» (там же: 95). Для обоих авторов предложение оказывается единицей речи или *результатом* процесса актуализации: именно в предложении и его функционировании как высказывании в конкретной речевой ситуации находят свое выражение актуализаторы — грамматические связи и категории, используемые для преобразования некоего абстрактно-виртуального представления в конкретный смысл, принадлежащий данному моменту и данной, действительной, речевой ситуации.

Авторы настоящей монографии, напротив, исходили из положения, что предикативная конструкция — предложение — является единицей языка, поскольку, говоря словами Л. Ельмслева, «существование системы не предопределяется существованием процесса» и, следовательно, «процесс текста (т. е., в частности, процесс генерации предложения. — А. З.) виртуален» (Ельмслев 1960: 298) и как всякий текст предложение, так же как и слово, является возможностью, заложенной в самой системе (так, любая модель игры по определенным правилам является не реализацией или «актуализацией» самой игры, но лишь представлением возможностей, предусмотренных данными, вполне виртуальными, правилами). В качестве основного, но не единственного отличия языка как системы от речи авторы принимают факт, отмеченный Н. Д. Арутюновой, что речь отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения своей истинности или ложности, к языку истинностная оценка неприменима» (Арутюнова 1990: 414). Процесс актуализации с этой точки зрения заключается не столько в совершении над «представлением» (или виртуальным, родовым понятием) определенного «психического акта», выражаемом с помощью соединения модуса и диктума в едином предложении, сколько, во-первых, в «объективизации» субъективного, конкретного, контекстуально обусловленного смысла посредством языковых структур — предложений (напомним, что, по В. Гумбольдту, язык «есть средство преобразования субъективного в объективное» — Гумбольдт 1984) и, во-вторых, в представлении его в речевой единице — высказывании адресату-партнеру по речевой ситуации для интерпретации. Такая теоретическая установка определила не только выбор рассматриваемого материала, но и структуру самой работы.

В первой части монографии рассматриваются некоторые основные языковые категории, которые необходимо используются в процессе образования предложения и для «подготовки»

его к «переводу» в речевое высказывание. Такими категориями, по нашему мнению, являются, в частности, категории модальности, референции и дейксиса, каждая из которых несет свою, определенную, часть ответственности за процесс «соотнесения» предложения с действительностью и контекстом произнесения или, иначе, за процесс порождения высказывания, подлежащего интерпретации. Рассмотрению (во многих местах дискуссионному) этих категорий посвящены соответствующие главы первой части настоящей работы.

Основной темой второй части монографии является понятие «смысла», которое рассматривается в работе как исходное индивидуальное ментальное образование, подлежащее «актуализации» в высказывании и интерпретации в процессе речевой коммуникации. Смысл как интерпретируемое и одновременно интерпретирующее является и способом и целью человеческого общения, динамической, диалектической сущностью, обуславливающей само существование и функционирование языковой системы. Механизмы образования и процедуры выявления смысла высказывания, смысла как представленного эксплицитно, так и не получившего по различным причинам языкового выражения, но извлекаемого из высказывания при адекватном понимании в момент речевого общения или же, напротив, зафиксированного в стереотипизированных высказываниях, составляют основную часть процедур порождения и интерпретации высказывания, обусловленных внутренней структурой ментальной «картины мира» индивида, основанной на содержании его социально-определенного комплекса знаний.

Авторы надеются, что их работа окажется небесполезной и может вызвать интерес у достаточно широкого круга лиц, интересующихся проблемами современной лингвистики.

Авторы выражают глубокую признательность рецензентам книги доктору филологических наук, профессору О. И. Бродович и кандидату филологических наук, профессору Ю. П. Третьякову, которые взяли на себя труд ознакомиться с работой и высказали ряд полезных замечаний и конструктивных предложений.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ

Глава I

ПРОПОЗИЦИЯ, МОДУС И МОДАЛЬНОСТЬ

1.1. МОДАЛЬНОСТЬ В ЛОГИКЕ

Категория модальности определяется взаимодействием понятий возможности и необходимости. Мы свободно рассуждаем о том, что можно сделать в той или иной ситуации, что, возможно, было бы, если бы некоторые обстоятельства сложились по-иному, почему необходимо сделать то, а не другое, даем советы о том, что нужно делать, или объясняем, что данная ситуация является неизбежным результатом того, что происходило раньше. Когда мы планируем свои действия, строим догадки, высказываем предположения, отдаем приказы и распоряжения, просим или советуем, выражаем желания или надежды, оправдываемся или упрекаем, мы делаем как раз то, что так или иначе связано с понятиями возможности и необходимости. Однако любые попытки более или менее строго определить эти, казалось бы, интуитивно ясные понятия и что вообще понимается под термином «модальность» предполагают решение двух тесно взаимосвязанных, но различных по существу вопросов: что представляет собой «возможность» или «необходимость» и что означают выражения «быть возможным» и «быть необходимым» или, иначе: каково концептуальное содержание этих понятий и каковы их функциональные особенности.

Различные области науки по-разному относятся к решению этих вопросов. Философы стремятся определить, являются ли возможность и необходимость метафизическими понятиями, отражающими природу вещей, или же они представляют собой своего рода металингвистические понятия, которые мы связываем с определенными свойствами наших утверждений. Отношения возможного, необходимого, невозможного и действительного составляют основу различий между многими философскими направлениями. Логика намеренно уходит от «онтологического» вопроса и, принимая модальные понятия как неопределяемые далее конститuenty логических исчислений, стремится

определить их роль в формализованных системах аргументации. Лингвистика видит свою задачу в определении статуса модальности в системе лингвистических категорий и в последовательном описании способов выражения необходимости и возможности в языке и их использования в речи.

В категорию модальности включаются многие различные понятия — от абстрактно-универсальных «возможности» и «необходимости» до так называемых пропозиционных отношений типа знания, мнения, веры, желания, восприятия и т. д., от общего отношения говорящего к содержанию своего высказывания или некоторого подкласса речевых актов до значения ограниченного класса лексических единиц языка.

Если в логике принимается понятие «пропозиции» как сущности, аналогичной или сопоставимой с фрегевским понятием «мысли», что не является, конечно, единственным способом рассмотрения «пропозиции», то для экспликации «возможности» и «необходимости» используется так называемая семантика возможных миров. Возможный мир — это формальный и функциональный конструкт, воплощающий в теории наши обычные представления о том, что любая ситуация действительного мира могла бы быть иной. Мы постоянно используем подобные представления и, в сущности, никакое практическое рассуждение, планирование или объяснение не может обойтись без контрфактических предположений — предположений о ситуациях, альтернативных существующим. Основное назначение «возможного мира» в логическом анализе состоит в том, чтобы дать истинностное значение пропозициям модализированных предложений: предложение *Возможно, что на Марсе есть жизнь* представляет пропозицию (*на Марсе есть жизнь*), которая считается истинной в некотором «возможном мире», т. е. данное предложение перифразируется в предложение *Существует возможный мир, в котором «на Марсе есть жизнь» является истинным утверждением*. Отношение между мирами, в которых данная пропозиция является возможной, и миром или мирами, в которых она истинна, определяется как отношение «достижимости». Таким образом, понятие возможности эксплицируется как отношение достижимости, определенное на множестве возможных миров. Отношение достижимости, по крайней мере, рефлексивно, поскольку пропозиция p , истинная в некотором мире W_j — (p, W_j) , является также а fortiori, возможной (Mp) в этом же мире, т. е. $(p, W_j) \rightarrow (Mp, W_j)$. Пропозиция в высказывании с модальным оператором «необходимости» (например, *Необходимо, что 9 больше 7*) является истинной во всех мирах, возможных (достижимых) по отношению к миру или мирам, в которых данная пропозиция является необходимой. Так как отношение достижимости рефлексивно, то, следовательно, пропозиция p , необходимая (Np) в мире W_j , является одновременно истинной в W_j , т. е. $(Np, W_j) \rightarrow (p, W_j)$.

Понятия возможности и необходимости являются взаимоопределимыми: $Mr = \sim N \sim p$, и $Np = \sim M \sim p$, где « \sim » — знак отрицания.

При введении дополнительных ограничений на отношение достижимости понятия возможности и необходимости получают интерпретацию, совместимую с соответствующим ограничением. Так, если установить, что отношение достижимости не только характеризуется свойством рефлексивности, но также свойствами транзитивности или симметричности, то образуются различные системы модальной логики, оперирующие различными наборами аксиом. Если достижимость ограничивается совместимостью с тем, что (мне) известно, или с тем, что составляет содержание (моих) мнений, то выражение Mr интерпретируется в эпистемическом смысле, т. е. «нет противоречия между p и тем, что известно» или «представление или предположение, что p , не приводит к противоречию в системе (моих) знаний или мнений». Заметим также, что Mr может интерпретироваться не только в эпистемическом, но и метафизическом смысле, как «существует возможное положение дел, такое, что p является истинным» (т. е. мир мог бы быть таким, что описываемое положение дел имело бы место в этом мире). Деонтическая интерпретация модальностей образуется в результате ограничения отношения достижимости системой этических, моральных или юридических законов: необходимость и возможность определяются относительно того, что является обязательным или разрешенным с точки зрения заданной системы моральных и социальных норм.

Модальные понятия могут относиться не только к пропозициям (или утверждениям), но и к субъекту пропозиции, которому при этом приписывается некоторое модальное свойство. Высказывание *Необходимо, что 9 больше 7* (или *Во всех возможных мирах 9 больше 7*) семантически отличается от высказывания *9 необходимо больше 7* тем, что область действия модального оператора в первом случае распространяется на всю пропозицию в целом, а во втором только на предикат *больше 7*. Так, если на соревнованиях кто-то из участников обязательно окажется победителем, то нельзя сказать, что именно тот, а не иной участник непременно одержит победу. Модальность, относящаяся к пропозиции в целом, обычно называется модальностью *de dicto*. Приписывание модального свойства субъекту пропозиции составляет основную характеристику модальности *de re*. Обе модальности и их соотношение были предметом рассуждений на протяжении всей истории философии (см. Kneale 1962; Knuuttila (ed) 1981.). Модальность *de dicto* создает интенциональный контекст, в котором нарушается правило подстановки имен *salva veritate*, в соответствии с которым при замене имени объекта в утверждении на другое имя того же объекта истинностное значение утверждения не изменяется.

Так, если на основании тождества *Число планет — 9* считать, что *число планет* и *9* являются именами (сингулярными термами) одного и того же объекта, то истинностное значение утверждения *9 больше 7* не изменится при подстановке имени *число планет* вместо *9*. В интенциональном контексте, однако, такая подстановка невозможна: утверждение *Необходимо, что число планет больше 7* является явно ложным. Модальность *de re*, в свою очередь, исключает не только возможность подстановки однореферентных имен, но и приводит к нарушению обычного правила экзистенциального обобщения, допускающего вывод из утверждения *9 больше 7* формы с квантором существования: *Существует по крайней мере один x такой, что x больше 7*, или $(\exists x) (x \text{ больше } 7)$. Применение этого правила к модальному (*de re*) утверждению *9 необходимо больше 7* дает форму $(\exists x) (x \text{ необходимо больше } 7)$, интерпретация которой, однако, оказывается проблематичной (Quine 1953: ch. 8). Действительно, ее истинностное значение изменяется в зависимости от выбранного имени объекта: если x — число планет, то утверждение *Число планет необходимо больше 7* является очевидно ложным, но при x — *9* та же логическая форма становится истинным утверждением *9 необходимо больше 7*. По мнению У. Куайна, единственно допустимой модальностью является модальность *de dicto*; модальность *de re*, предполагающая квантификацию модализированных высказываний, должна быть признана неприемлемой, поскольку ведет к принятию по крайней мере сомнительного положения, что индивиду можно приписать необходимые, сущностные признаки, независимо от способа его обозначения. То, что разговор о необходимых свойствах объекта имеет смысл, только если соответствующая пропозиция обладает свойством аналитичности (г. е. является истинной не в силу каких-либо положений дел в мире, но лишь в силу языковых особенностей, связывающих наименование объекта и его предикат), У. Куайн иллюстрирует это известным примером о математике и велосипедисте (Quine 1969: 179—180). Так, вполне разумно считать, что велосипедист необходимо должен иметь две ноги, тогда как для математика гораздо более важным признаком является «рациональность»; но если один и тот же человек одновременно и велосипедист и математик, то выбор любого одного из этих признаков на роль «необходимого» или «сущностного» свойства не имеет каких-либо достаточных оснований.

В терминах семантики возможных миров эта проблема сводится к проблеме так называемой трансмировой идентификации индивидов: каким образом можно указать на объект x , который в соответствии с рассматриваемым утверждением обладает данным свойством во всех возможных мирах (необходимо). Если нечто — « x » — обладает каким-либо необходимым свойством, то с помощью какой процедуры, отличной от процедуры выбора

объекта, заложенной в значении предиката, можно определить субъект пропозиции так, чтобы она была истинной во всех мирах? Предлагалось несколько решений этой проблемы. Одно из них (Сагпар 1956: ch. 5) состоит в том, чтобы вслед за Фреге принять, что в модальных контекстах переменные квантификации не имеют референтов и обозначают «индивидуальные концепты» — интенциональные сущности, определенные только смыслом обозначающих их выражений языка, или, иначе говоря, признать, что модализированные предложения опираются на языковые свойства имен и, следовательно, «х» в *de re* предложениях заменяется индивидуальным концептом, не меняющим своего содержания во всех мирах; истинность утверждения в таком случае зависит только от соотношения смысла имени в субъектной позиции предложения и его предиката (правда, при этом предполагается существование «индивидуальных концептов» — *Существует х такой, что...* — против чего, собственно, и возражает У. Куайн, но мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе). Другим решением проблемы, возникающей в связи с модальностью *de re*, является предложение (Follesdal 1986; Engel 1991) считать, что основным условием тождественности объекта в различных возможных мирах является его имя — «действительно сингулярный терм», подобный «твердому десигнатору» С. Крипке (Kripke 1972) и обозначающий один и тот же объект во всех возможных мирах независимо от свойств или дескрипций, которые можно ассоциировать с этим объектом. Суть данного предложения заключается в том, чтобы, во-первых, установить различие между двумя типами сингулярных термов — дескрипциями и действительно сингулярными термами, не сводимыми, по расселовской процедуре, к дескрипциям, и, во-вторых, показать, что проблема *de re* модальности состоит не столько в том, что эта модальность, по-видимому, вынуждает признать существование «сущностных» свойств объекта, независимых от способа его обозначения, сколько в отказе многих логиков согласиться с фактом, что ряд имен, обозначая один и тот же индивид в различных мирах, сохраняют свою референциальную «прозрачность» в модальных контекстах. Дескрипция «число планет» в отличие от имени «9» в разных мирах может относиться к разным объектам, и именно по этой причине утверждение *Число планет необходимо больше 7* является ложным.

Модальности *de dicto* и *de re* в логике не являются следствием каких-либо чисто формальных операций, допустимых или недопустимых в той или иной логической системе. Когда Аристотель описывает способы опровержения софистических умозаключений, один из которых строится на умышленно ошибочном толковании неоднозначных предложений типа *Сидящий (человек) может ходить* или *Черный предмет может быть белым* (Аристотель 1978: 539), он, в сущности, проводит лингви-

стический (семантический) анализ, выделяя две интерпретации подобных предложений («разделенный» и «неразделенный» смыслы). Это противопоставление, широко обсуждавшееся в средние века и более известное сегодня как противопоставление модальностей *de dicto* и *de re*, отражает обычную практику использования модальных выражений во многих языках.

1.2. МОДАЛЬНОСТЬ В ЛИНГВИСТИКЕ

В многочисленных теоретических работах, посвященных анализу модализированных предложений в английском языке, в практических нормативных грамматиках неизменно описывается различие в значении между предложениями типа *You must be careful* и *You must be careless*, с которым связывается и неоднозначность высказываний, подобных *He must be in the library now*. Нельзя, однако, сказать, что авторы единодушны в подходах к описанию и тем более к объяснению этого противопоставления. Даже при обозначении указанной дихотомии разными авторами используются различные термины. Если для М. Халлидея (Halliday 1970) это противопоставление является противопоставлением между «модальностью» и «модуляцией», а для Дж. Лича (Leech 1971) — различием между «фактуальной» и «теоретической» модальностью, то Дж. Андерсон (Anderson 1971) для его обозначения предпочитает использовать термины «сложная» и «не-сложная» (*complex/non-complex*) модальность. По-прежнему, несмотря на возражения, употребляются термины «субъективная» и «объективная» модальность (Золотова 1973; Панфилов 1982). В последнее время, однако, особенно после работ Дж. Лайонза (Lyons 1977: ch. 8) и Ф. Палмера (Palmer 1979), указанное противопоставление часто описывается как дихотомия между «эпистемической» и «деонтической» модальностями. Термин «деонтическая» нередко заменяется термином с большим понятийным объемом «неэпистемическая» или же «корневая (*root*)» модальность.

Различными оказываются и общие определения соответствующих модальностей. Дж. Лайонз связывает эпистемическую модальность со знанием и мнением говорящего, подчеркивая как ее отличие от атлетической (логической) модальности, которая рассматривает модальные утверждения с точки зрения их объективного отношения к истинности и ложности выражаемой пропозиции, так и близость к ней. Дж. Коутс, напротив, включает алетическую модальность «в строгом логическом смысле» в содержание эпистемической модальности (Coates 1983: 22). Значением «субъективной» модальности может быть «отношение говорящего к содержанию высказывания» (Золотова 1973: 142) или указание на «степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию» (Панфилов 1982: 164), или же «степень принимаемой говорящим ответственности за истинность (*commit-*

ment) того, что он говорит» (Palmer 1986: 51). Деонтическая модальность, в свою очередь, ассоциируется с понятиями должностования, разрешения, обязательности или с «необходимостью и возможностью действий, выполняемых морально ответственным субъектом» (Lyons 1977: 823). Ф. Палмер использует термин «деонтическая» модальность «в широком смысле» для обозначения «всех типов модальности, которые в соответствии с характеристикой О. Есперсена содержат элемент воли» (Palmer 1986: 96; см. Есперсен 1958: гл. 23). Еще в более широком смысле, включающем понятия общей необходимости и способности выполнить действие, понимают значение второго (не-эпистемического) типа модальности Дж. Лич (Leech 1971), Дж. Коутс (Coates 1983), М. Перкинс (Perkins 1983), Д. Болинджер (Bolinger 1989) и др. Еще одним элементом, отличающим не-эпистемическую (деонтическую, корневую, динамическую или объективную) модальность от эпистемической или субъективной, признается ее отношение не столько к выражаемой пропозиции, сколько к обозначаемому положению дел, ситуации или действию (Lyons 1977; Perkins 1983). Объективная модальность, например, обычно определяется как отражение «характера объективных связей, наличных в той или иной ситуации...» (Панфилов 1982: 164). Следует подчеркнуть, что именно этот аспект значения не-эпистемической модальности представлен и в самом названии логической модальности *de re*.

Большинство лингвистов, рассматривавших феномен существования этих двух типов модальности, с большой осторожностью говорят о попытках объяснения совмещения столь разнородных значений в семантике определенного, довольно ограниченного, класса лексических единиц (модальных глаголов в английской языке), используемых для выражения модальных понятий возможности и необходимости. Как правило, этот факт принимается как проявление полисемии (или омонимии), присущей лексической системе любого языка. Полагают, что подобно обычным неоднозначным или многозначным словам, модальные глаголы реализуют то или иное из своих значений в зависимости от контекста. При этом сторонники моносемантического подхода к анализу языковых единиц, которые исходят из известного принципа «одна форма — одно значение», говорят о прагматически обусловленном расширении единого, центрального значения глагола или о смене ряда контекстуальных параметров, вызывающих соответствующее изменение интерпретации семантики предложения. Например, Д. Болинджер (Bolinger 1989) предлагает выделить по крайней мере четыре, по видимому вполне равноправные (судя по приведенной в статье схеме), области прагматической вариативности основного значения *may* — оптатив (*May the best man win*), императив (*May we now sing Hymn No. 76*), пермиссив (*You may hold the baby*) и спекулятив (*It may have rained*), только одна из которых —

спекулятив — очевидно относится к эпистемической модальности; три остальные области, как можно полагать, связываются с деонтическим типом модализированных предложений. М. Перкинс (Perkins 1983) представляет многообразие смысловых вариантов глаголов *can* или *may*, проявляющееся в их различных употреблениях, с помощью формулы $K(C \text{ does not preclude } X)$, где K обозначает физические, социальные или рациональные законы, C — эмпирические обстоятельства или «логические» основания для высказывания и X — описываемое событие или истинность выражаемой пропозиции. Различие деонтического и эпистемического в значении глаголов, таким образом, эксплицируется как различие между объективно существующими физическими законами (или социальными нормами) и законами мышления, и между эмпирическими и логическими основаниями, на которых говорящий строит данное высказывание. Лингвисты, отдающие предпочтение полисемантическому подходу к анализу многозначных языковых единиц (см., например, Leech 1971; Leech, Coates 1980; Coates 1983), настаивают на невозможности сведения рассматриваемых значений к единому смысловому ядру, подчеркивая, что деонтическое и эпистемическое значения глаголов принадлежат разным уровням абстракции и обусловлены принципиальным различием между соответствующими объектами модальности: если глагол употребляется в эпистемическом значении, то выражаемая им модальность направлена на пропозицию (или «смысл») предложения, но если высказывание интерпретируется деонтически, то объектом модального оператора является описываемое предложением событие: нельзя запретить или разрешить «смысл» предложения, но можно сомневаться или быть уверенным в том, что высказанная в предложении мысль истинна или ложна. Однако констатация рассматриваемой дихотомии и ее та или иная интерпретация не могут, разумеется, служить способом объяснения, почему язык для выражения столь различных значений использует одни и те же лексические единицы, причем эта особенность характерна не только для английского, но и для многих других языков мира (см. Palmer 1986). Как заметил Ф. Палмер, «нет очевидных оснований полагать, что одни и те же формы должны употребляться как для выражения степени уверенности говорящего в истинности сказанного, так и для того, чтобы управлять действиями других людей» (Ibid.: 123) и можно было бы рассматривать соответствующие типы модальности как различные категории, если бы они не были представлены одними и теми же языковыми единицами (Ibid.: 96).

Одной из немногочисленных попыток установить мотивированную связь между деонтической и эпистемической модальностями в языке является предложение Дж. Лайонза рассматривать алетическую и эпистемическую модальность «в терминах концептуальной модели, в которой возможность и необходи-

мость трактуются по аналогии с деонтическими понятиями „дать разрешение” и „возложить обязательство”» (Lyons 1977: 844). Основанием для такого предложения служит уверенность Дж. Лайонза, что «наше понимание утверждений типа *Некоторое положение дел возможно* интуитивно базируется на нашем понимании того, что позволяет сделать это положение дел возможным» (Ibid.). Ничто, кажется, не мешает, далее, интерпретировать *сделать нечто возможным* как «разрешить некоторому положению дел существовать» и соответственно *сделать нечто необходимым* — как «обязать его существовать». Подобная «деонтическая или динамическая» интерпретация эпистемической модальности связывается с деперсонифицированным источником модальности, делающим определенную ситуацию возможной, аналогично тому, как источником объективной деонтической модальности («так должно быть») является некий общий закон, требующий осуществления данного положения дел. По существу, предложение Дж. Лайонза сводится к указанию на существование возможности реинтерпретации одной (эпистемической) модальности в терминах другой и, следовательно, скорее ставит проблему, чем дает какое-либо ее решение.

Гипотезой, направленной на установление *мотивированной связи* между не-эпистемическим (деонтическим, динамическим) и эпистемическим, является предположение Е. Сунтцер (Sweetser 1990), в соответствии с которым отношение между типами модальности, представленное в значении модальных глаголов, отражает факт существования широкой и внутренне структурированной системы метафор, лежащей в основе нашего постоянного использования лексики внешнего, социофизического мира для представления в речи отношений, присущих нашему внутреннему — эмоциональному, психическому и когнитивному — миру (подобно *grasp* = ‘схватывать’/‘понимать’ или *raise the anchor/raise one’s hope*). Деонтическая (не-эпистемическая) модальность в такой интерпретации ассоциируется с представлением о физических или социальных силах, вынуждающих или (не)препятствующих осуществлению действия, с представлением, которое при метафорическом отображении в область ментального сохраняет свою абстрактную, топологическую структуру и создает базис, на котором строится наше понимание процессов рассуждения как «путешествия через (логическое) пространство», где роль вынуждающих или препятствующих сил играют известные говорящему факты, превращающиеся в предпосылки логического умозаключения. Если предложение *John may go* с деонтическим *may* рассматривается как структура, в которой говорящий (или иное авторитетное лицо) устраняет или указывает на отсутствие возможного барьера, не позволяющего Джону уйти (= *John is not barred from going*), то предложение *John may be there*, в котором глагол *may* имеет эпи-

эпистемическое значение, интерпретируется аналогично как указание говорящим на отсутствие в его знании предпосылок, которые могли бы помешать ему сделать заключение, что Джон находится там (Sweetser 1990: 61). Таким образом, различие модальностей является естественным следствием общей метафоричности нашего мышления, следствием осмысления когнитивных процессов в терминах (каузальных) связей и отношений, существующих во внешнем, объективном мире.

При всей оригинальности (и привлекательности) концепции Е. Суитцер, которая, конечно, заслуживает более подробного изложения и анализа, она как и другие предложения, касающиеся связи между эпистемической и деонтической (корневой) модальностью, строится на положении, принимаемом как данное, что это противопоставление воплощено в лексическом значении модальных глаголов. Независимо от того, рассматриваются члены дихотомии эпистемическое/не-эпистемическое как варианты некоторого общего значения или же как отдельные значения неоднозначного глагола, не сводимые к единому целому, исходным пунктом анализа всегда выступает имплицитно предполагаемая и потому не обсуждаемая аксиома, что различие между эпистемическим смыслом предложения (He must be in the library 'Он, должно быть, в библиотеке') и его же деонтическим смыслом (He must be in the library 'Он обязан быть в библиотеке') ассоциировано со значением модального глагола. С нашей точки зрения, это противопоставление *не* является проявлением неоднозначности лексем и *не* составляет основы для выделения различных значений модальных глаголов, потому что оно, в отличие от понятий возможности и необходимости, *не имеет прямого отношения* к лексической семантике. Как мы попытаемся далее показать, есть существенные основания полагать, что обсуждаемое противопоставление является противопоставлением двух различных модусов семантического (и прагматически релевантного) представления в высказывании пропозиционального содержания предложения. Основой различия эпистемического и не-эпистемического смысла высказывания является способ, посредством которого некоторое пропозициональное содержание или, точнее, пропозициональный концепт реализуется (актуализуется) в предложении, используемом для выражения данного содержания в конкретном высказывании.

1.3. ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ И КОНТЕКСТ

Необходимо принять несколько более или менее очевидных положений относительно природы языкового значения. Одно из таких положений заключается в том, что значение (или смысл) языкового знака является производным от взаимодействия двух фундаментальных факторов или модусов опыта —

материального, охватывающего всю область воспринимаемого внешнего мира, и идеального, накладывающего или устанавливающего порядок в потоке воспринимаемых ощущений. Если мир нам дан в наших ощущениях, то посредством знака создаются и фиксируются осознаваемые различия и тождества, аналогии и ассоциации между воспринимаемыми предметами и событиями, их качественными и количественными, пространственными и временными характеристиками, создаются причинно-следственные связи, формируется и опосредуется отношение человека к окружающему его миру. Способность сознания к рефлексии, составляющая, по сути, саму его природу и в полной мере присущая, видимо, только человеку, обуславливает возникновение противоречия между материальным модусом опыта, представленном в непосредственном восприятии мира, и его восприятием, опосредованным активным, рефлектирующим сознанием. Значение создаваемого человеческим сознанием языкового знака оказывается своего рода проекцией одной формы, или модуса, опыта на другую (Halliday: 1992) и используется в качестве надежного и эффективного способа разрешения этого противоречия. По-видимому, можно сказать, что значение имеет смысл рассматривать как результат взаимодействия ментального и материального, осуществляемого «под контролем» понятия истины, т. е. с конечной целью установления соответствия между отображаемой ситуацией (объектом) реального мира и ее ментальным отображением, представленным в значении предложения (слова). К понятиям «истины» и «истинности» мы еще вернемся, когда будем обсуждать категорию модальности и ее роль в актуализации и употреблении предложения в процессе вербального общения. Здесь же кратко остановимся на рассмотрении того, какие аспекты такого глобального явления, как «значение», важно учитывать в первую очередь при анализе его структуры, если полагать, что порождение языкового значения действительно основано на взаимоотношении между внешним миром и его отображением в сознании человека.

Средневековые философы, следующие теории Фомы Аквинского (Nuchelmans 1980; 1983), считали, что первое действие разума по постижению мира — *apprehensio simplex* — есть определенный акт мышления, направленный на конкретный объект, существующий независимо от сознания и представляющий собой единство субстанции (материи) и формы. Действие активного интеллекта при этом состоит в абстрагировании формы объекта от материи, в «очищении» формы от индивидуализирующих обстоятельств и превращении ее в нечто умопостигаемое — абстрактную форму, обладающую иным, интенциональным (*esse intentionale*), в отличие от материального (*esse naturale*), видом бытия.

Абстрактная интенциональная форма познаваемого объекта

рассматривается как способ его представления в сознании познающего субъекта и как таковая приводит к созданию имманентного «внутреннего» объекта, обычно называемого в теории Фомы Аквинского *intentio intellecta*. Образование этого внутреннего объекта — концепта или образа — объясняется прежде всего тем, что по теории, восходящей еще к Платону, мышление является невозможным без предмета мысли: ни о чем не думать значит не думать вообще (Платон 1968). И, следовательно, разум необходимо формирует свой предмет как содержание интенциональной формы, потому что иначе оказывается невозможной мысль об объектах, не воспринимаемых в данный момент, о вещах, существовавших в прошлом, как и о предметах, которые, может быть, появятся в будущем.

Если верно, что «можно думать то, что не имеет места» (Витгенштейн 1985: 121) и если, далее, согласиться с тем, что «то, про что кажется, что это должно существовать, принадлежит языку» (там же: 102), то будет, наверно, понятно, почему роль внутреннего объекта не ограничивается тем, что он образует конечный собственный продукт (*terminus intrisecus*) деятельности (акта) мышления, направленного на постижение внешнего объекта. Дело в том, что он также выполняет еще одну крайне важную функцию. являясь *verbum mentale*, «внутренним словом», фиксирующим и представляющим концептуальное содержание мыслительного акта, которое, в свою очередь, может стать предметом или целью мыслительной деятельности. Семантические или репрезентативные свойства внутреннего слова, как утверждается, основаны на тождестве формы объекта, которая, с одной стороны, представляет собой один из аспектов внешнего предмета, а с другой, абстрагируясь от субстанции, приобретает в сознании новый модус существования и как интенциональный объект-отображение способствует образованию концептуального содержания мышления.

Так как концептуальное содержание по способу образования является одновременно как интенциональным отображением формы реальных объектов внешнего мира, так и собственным продуктом деятельности мышления, то, пожалуй, нет ничего удивительного в том, что Фома Аквинский и его последователи, рассматривая интенциональный объект, выделяли в нем два аспекта, которые во многом напоминают современные логико-семантические понятия смысла и значения, интенционала и экстенционала. Так, в силу своей двойственной природы внутренний концепт может и должен рассматриваться с двух противоположных сторон — со стороны как его присущности разуму, так и со стороны его отношения к отображаемому реальному объекту. По отношению к мыслящему субъекту концептуальное содержание составляет вполне определенный абстрактный объект — образ, создаваемый интеллектом в акте осознанного восприятия и обладающий внутренним модусом существования

(*in*esse). Концепт в этом случае определяется как «акцидент» субъекта, как его внутреннее свойство, в котором проявляется как раз то, что делает субъект действительно мыслящим существом. По отношению же к познаваемому объекту концепт выступает как средство, обеспечивающее связь познающего субъекта с внешним объектом и задающее способ представления объекта в сознании. В этом качестве благодаря тому, что сам концепт представляет собой (интенциональную) форму познаваемого объекта, он направляет акт мышления на соответствующий объект (объекты) внешнего мира (*ad aliud esse*).

Выделяя, таким образом, в процессе постижения внешнего мира три сущности, а именно: а) материальную или естественную форму реального конкретного объекта, б) концепт как внутреннее, имманентное, содержание интенциональной формы и, наконец, в) концепт как абстрактную форму, направляющую мыслительный акт на внешний объект как способ представления или отображения (репрезентации) объекта в сознании, средневековая философия далее обосновывает необходимость введения еще одного понятия — *conceptus objectivus* или *esse objectivus*, определяемого как реальный объект, рассматриваемый лишь в том отношении, в котором он представлен в отображающем его сознании.

Даже это по необходимости краткое, лишенное многих интересных деталей изложение позволяет говорить о возможности выделения в ситуации, представляющей необходимые и достаточные элементы, в системе которых функционирует языковой знак (в дальнейшем — «знаковая ситуация»), нескольких аспектов, взаимодействие которых образует то, что в самом общем смысле называется значением знака. Привлекая некоторые термины и понятия, используемые в современных семантических исследованиях, можно сказать, что значение языкового выражения (слова или предложения) включает два основных компонента — объективный и субъективный (интенциональный), каждый из которых, в свою очередь, представляет сущности, допускающие их анализ как с функциональной, так и с концептуальной (субстанциональной) точек зрения. Под функциональной точкой зрения здесь понимается такой аспект рассмотрения сущности, который отражает ее роль во взаимодействии с другими сущностями в заданной ситуации. Концептуальный аспект, соответственно, учитывает только собственную природу рассматриваемого элемента, взятого вне множества отношений с другими элементами, участвующими в ситуации.

Объективный компонент значения языкового знака субстанционально представлен существующим, конкретным, действительным объектом внешнего мира. Именно такой объект в его целостности и независимости от отражающего его сознания является референтом знакового выражения и составляет внешнюю конечную цель направленного на объект акта мышления. Хотя

он участвует в знаковой ситуации лишь постольку, поскольку на него как на цель обозначения указывает языковой знак, именно это и делает его «референтом» или концептуальным представителем объективного аспекта значения. Множество возможных референтов данного знака образуют его «экстенционал». С функциональной точки зрения объективный аспект значения представляет собой «денотат» (*conceptus objectivus*), т. е. реальный объект как носитель ряда признаков, выделенных, ограниченных и используемых языковым знаком в знаковой ситуации. Говоря о денотате, мы имеем в виду не столько обозначаемый предмет в целом, сколько ту его сторону, которой он представлен в знаковой ситуации. Иными словами, это то в объекте, на что собственно указывает знак, используемый для обозначения своего референта; это то в объекте, благодаря чему конкретный предмет оказывается способным выступать в качестве референта данного знака. Например, слова *отец* и *директор* могут корректно употребляться по отношению к одному и тому же человеку, но для разных знаков релевантными являются разные наборы признаков из тех, которыми этот человек объективно обладает (и/или наделяется субъективно пользователем знака). Грубо говоря, человек как отец — это не тот человек, который является директором. Таким образом, обозначаемый объект с точки зрения языка является денотатом знака; с точки зрения внешнего мира референт есть выделенный посредством языкового выражения (с помощью денотата) реальный объект.

Субъективный аспект значения, рассматриваемый с концептуальной точки зрения, соответствует «сигнификату» знака или внутреннему объекту (*intentio intellecta*) как имманентному концептуальному содержанию акта мышления и охватывает множество признаков, как конвенциональных, социально-значимых, так и субъективных, личностных ассоциаций, включаемых в образ, посредством которого внешний объект репрезентируется в сознании. Функционально — в знаковой ситуации — тот же внутренний объект представляет собой уже не просто некую совокупность отвлеченных признаков и ассоциаций, но совокупность признаков, потенциально предназначенную и используемую знаком для репрезентации условий выделения и ограничения соответствующего множества объектов, удовлетворяющих этим условиям. Очевидно, что этот аспект значения соответствует тому, что в современной лингвистике принято называть интенционалом языкового знака. Интенционал — это та часть внутреннего объекта-концепта (сигнификата), которая актуализируется и используется знаком для репрезентации сигнификата в знаковой ситуации. Подобно тому, как денотат является представителем объекта в знаковой ситуации, интенционал оказывается в той же знаковой ситуации представителем или репрезентантом концептуального содержания акта мышления, направленного на данный объект.

Можно представить результаты этого этапа рассмотрения проблемы значения в следующем виде:

Вид анализа	Аспект значения знака	
<i>концептуальный</i> <i>функциональный</i>	<i>объективный</i> референт'экстенционал денотат	<i>субъективный</i> сигнификат интенционал

Значение языкового знака, таким образом, можно отождествить с функцией репрезентации или идентификации (знак представляет (репрезентирует) объект в своем значении; знак, используемый для обозначения объекта, выполняет функцию идентификации), которая, с одной стороны — со стороны соотношения языка и действительности — характеризуется направленностью на обозначаемый объект (*ad aliud esse*), а с другой — со стороны соотношения языка и мышления — направлена на ассоциированный с объектом внутренний концепт (*in esse*). Различие между денотатом и интенционалом заключается прежде всего и только в различии направленности функции репрезентации (идентификации). (В дальнейшем будем говорить о «положении дел» как референте предложения и о «пропозиции» как его денотате; интенционал предложения будет называться пропозиционалом, а его сигнификат — пропозициональным концептом; поскольку «пропозиция» и «пропозиционал» являются различными аспектами одной и той же функции, для ее общего обозначения будет использоваться термин «пропозиция»).

До сих пор речь шла о внутренней структуре значения и об отношении способа представления обозначаемого объекта в знаке к самому объекту. Ясно, однако, что для более полного рассмотрения проблемы языкового значения необходимо поставить вопрос, касающийся еще одной стороны знаковой ситуации. Действительно, если сигнификат-концепт является результатом некоторого акта мышления, то создают ли различные мыслительные акты, направленные на один и тот же реальный объект, различные сигнификаты? Каково в принципе соотношение между концептом и ментальным актом, его порождающим, и каким образом свойства самого акта отражаются на характеристиках его концептуального содержания?

Возможны два крайних подхода к решению подобных вопросов. Утверждая, что существование концепта определяется деятельностью сознания (его бытие, как было сказано, состоит в том, что концепт «мыслится», т. е. его существование есть субъективное внутреннее или «интенциональное» бытие содержания акта мышления), школа Фомы Аквинского придерживалась взгляда, что внутренний объект как имманентный результат деятельности сознания необходимо отличать от собственно мыслительного акта как такового, содержанием которого он является. Одним из оснований для такой точки зрения служит, в частности, тот факт, что люди могут выражать различные мнe-

ния по поводу одной и той же мысли, например, утверждая или отрицая существование первопричины мира, сомневаясь или веря в то, что количество звезд на небе четно. Иначе говоря, возможность выражения различных отношений к заданному (пропозициональному) концепту позволяет разделить, по крайней мере теоретически, собственно мыслительный акт как факт деятельности сознания и содержание этого акта: внутренний объект, являясь объектом различных пропозициональных отношений, очевидно, обладает «собственным» существованием, независимым от направленного на него мыслительного акта.

Другая точка зрения состоит в том, что концепт неотделим от мыслительного акта его образования и составляет вместе с включающими его актами (так сказать, актами второго порядка) сомнения, согласия, отрицания и т. д. единое, неделимое целое, направленное на реальное положение дел в мире. Поэтому отдельного пропозиционального концепта как одного и того же объекта различных пропозициональных отношений не существует; каждый акт выражения того или иного мнения по поводу какого-либо положения дел имеет или создает свое собственное содержание, свой «собственный» внутренний объект. Хотя по существованию или, точнее, по созданию такого объекта нельзя сделать вывод о действительном, независимом от разума существовании отображаемого объекта или положении дел (поскольку, в частности, таких внутренних объектов-содержаний соответствующих мыслительных актов оказывается по крайней мере столько же, сколько совершается актов), он может, тем не менее, составлять означаемое предложения и выступать в качестве носителя его истинностного значения «истина» или «ложь».

Как видно, основное различие между этими двумя точками зрения заключается в приписывании различного статуса (пропозициональному) концепту, внутреннему объекту, продукту и содержанию, возникающему в результате мыслительного акта. Как легко заметить, сторонниками одной теории подчеркивается субъективный аспект значения предложения (слова), утверждается необходимость признать относительную независимость его существования от акта его создания и, следовательно, отдается предпочтение рассмотрению концепта в его отношении к субъекту мыслительной деятельности (т. е. субъективному и концептуальному аспекту значения знака), тогда как сторонники второй точки зрения прежде всего обращают внимание на отношение денотата к отображаемому (обозначаемому) положению дел, приписывают ему как способу представления объекта особый вид существования (*esse objectivus*) и тем самым, абсолютизируя объективный и функциональный аспекты значения знака, подчеркивают связь денотата с внешним, реальным, независимым от сознания миром.

Итак, если говорить о значении предложения как способе

разрешения противоречия между ментальным и материальным или как о проекции одной формы опыта на другую, то особое внимание будут привлекать два типа отношений — отношение знака и его значения к тому, что является конечным объектом языкового отображения, т. е. к объекту или положению дел во внешнем мире, с одной стороны, и отношение языкового значения к субъективным внутренним процессам его образования и использования, с другой. Значительно опрощая общую картину, можно сказать, что отношение знака и его референта определяется известным положением Г. Фреге, что смысл языкового выражения (пропозиция предложения) детерминирует его значение (референцию или экстенционал). Совокупность всех указанных отношений можно отнести к концептуальной составляющей знаковой ситуации.

Вторым, не менее важным положением, которое будет принято в работе, является вполне тривиальное уже утверждение, что значение языковой единицы зависит от контекста ее употребления. Значимость этого утверждения очевидно зависит от содержания, вкладываемого в понятие «контекст». Под «контекстом», в самом, пожалуй, широком смысле этого слова, будем понимать конкретную, с заданными пространственными и временными параметрами, ситуацию употребления языкового знака, т. е. контекст — это конкретная, реализованная знаковая ситуация, которая, как было сказано выше, включает все необходимые и достаточные факторы, определяющие значение данного знака (так как сейчас рассматривается не столько внутренняя структура знака, сколько совокупность отношений между знаком и контекстом его употребления, можно говорить не только о значении языковой единицы, но и о ее интерпретации).

В чем же состоит детерминация значения языкового выражения контекстом? Разве мы не можем понять значения любого выражения вне контекста? Разве фразы, подобные *Возьми ложку. Он пришел сегодня поздно* или *Кто знает, где живет Дед Мороз?*, темн, для которых родным языком является русский, могут восприниматься только как простой набор звуков, лишенный всякого смысла, подобно фразам, произнесенным на не известном слушающему иностранном языке? Даже в том случае, когда произнесенная или прочитанная фраза относится к области знаний, с которой слушающий или читающий не знаком и потому не владеет в достаточной степени понятийным и категориальным аппаратом, необходимым для адекватного понимания существа дела, ему все равно доступно некоторое поверхностное понимание встретившихся предложений, основанное на знании значений слов и синтаксических конструкций. (Разве не понятны в некотором смысле фразы типа *Глокая куздра...*?) Трудно не согласиться с утверждением Ф. Джонсона-Лэрда, что «говорящим на родном языке почти невозмож-

по подавить процесс идентификации слов и выявления некоторых синтаксических конструкций» (Джонсон-Лэрд 1988: 235). Однако при всей справедливости подобных утверждений думать, что «поверхностное» понимание, о котором идет речь, составляет саму суть всего процесса смысловой интерпретации языковых выражений, означало бы ограничивать работу интерпретатора только поиском и осознанием соответствующих синтаксических структур и лексических значений составляющих высказываний слов. (Это также означало бы, в частности, что в качестве адекватной теории, объясняющей феномен понимания языка, принимается некоторый вариант семантической теории, основанной на семантических постулатах или на «маркерах», т. е. на семантических единицах, которые фиксируют компоненты значения лексем и комбинируются по определенным правилам в сложные иерархические структуры, репрезентирующие, по мнению авторов этой теории, смысл языковых выражений.) Тот очевидный факт, что носитель языка понимает вне какого-либо контекста любые выражения на своем языке и что адекватное понимание, однако, требует дополнительных знаний помимо знания языковых правил и закономерностей, можно рассматривать лишь как свидетельство существования различных уровней понимания, на каждом из которых действует своя система категорий, трансформирующая данные, полученные на предыдущем уровне обработки языкового материала. Поверхностное (внеконтекстное) понимание высказываний, составляющее, очевидно, первый или начальный уровень понимания, основано на интерпретации перцептивного (фонетического) ряда и является результатом действия фонологических и лексико-синтаксических правил языка, интуитивное знание которых составляет основу знания языка вообще. Языковая компетенция проявляется, в сущности, как раз в способности «понимать» высказывания вне контекста. Однако введение в лингвистическую теорию понятия языковой компетенции и его использование для объяснения языковой коммуникации, как известно, имело смысл только в сочетании и противопоставлении с другим не менее важным понятием, а именно понятием использования или употребления или, может быть, точнее, исполнения (performance) языка. Нет нужды подчеркивать наличие определенной аналогии между оппозицией «язык/речь» и противопоставлением языковой компетенции и использования/исполнения языка. Важно другое, а именно то, что понятие «использование/исполнение» языка повлекло за собой введение еще одного понятия — компетенции использования языка (performance competence; см.: (Hymes 1971)), которое включает в себя в конечном счете весь комплекс факторов, связанных с полной интерпретацией высказывания и обеспечивающих успешность общения и отсутствие коммуникативных неудач. Следует особо подчеркнуть, что компетенция использования языка

представляет собой не столько сам контекст, в котором употребляется то или иное выражение, сколько интуитивное знание и применение правил, конвенций и традиций в использовании элементов контекста для интерпретации или воссоздания смысла данного высказывания.

Естественно задать вопрос, что же представляет собой смысл высказывания в контексте и чем он по существу отличается от информации, получаемой на первом, поверхностном уровне понимания. Простой анализ фразы *Кто же ходит по газонам?* показывает, что информации, заключенной в лексических значениях слов и в использованной синтаксической конструкции вопросительного предложения явно не достаточно для объяснения, например, следующих фактов. а) Данная фраза может и часто употребляется в ситуации, когда субъект действия «ходит по газону» хорошо известен говорящему; поэтому б) приведенное высказывание не требует ответа на вопрос о субъекте действия и, следовательно, вопреки своей же синтаксической форме, коммуникативно не является вопросом. в) Используя это высказывание, говорящий не интересуется ни субъектом действия, ни всеми возможными газонами, но его очевидно интересует явное нарушение правил, запрещающее кому бы то ни было ходить по газонам, включая данный конкретный газон, по которому прохаживается адресат высказывания, поэтому г) это высказывание обычно используется для выражения упрека слушающему, который, как правило, и является субъектом описываемого действия.

Если коммуникация должна быть успешной, то все участники ситуации общения обязаны знать, что в данной культурно-социальной среде ходить по газонам запрещено правилами общественного поведения и может быть предметом осуждения. Только в этом случае (т. е. только в этом контексте) рассматриваемое предложение может получить адекватную интерпретацию как выражение упрека за совершение обычно осуждаемого действия. Хотя использование множественного числа существительного для обозначения места действия «по газонам» и несовершенный вид глагола в настоящем времени нередко можно рассматривать как один из возможных способов отображения обобщенной (общереферентной) ситуации, выбор из по крайней мере двух альтернативных интерпретаций данного высказывания «кто именно ходит?» и «тебе не следует этого делать» существенно зависит от выбора толкования значения и смысла слова *кто*, которое, в свою очередь, оказывается непосредственно подчиненным правилу соотнесенности предложения-высказывания с наличной ситуацией произнесения и, следовательно, как с конкретным положением дел, обозначаемым или отображаемым в предложении, так и со знанием (или пониманием) данной ситуации, которым обладает (должен обладать) адресат высказывания. Так, первая интерпретация свя-

зана с наличием в семантической структуре предложения экзистенциального квантора — «имеется по крайней мере один человек, который ходит по газонам» — и задача говорящего при этом состоит как раз в определении (идентификации) этого человека. Вторая интерпретация этого высказывания, очевидно, основана на семантической структуре, в состав которой входит не только универсальный квантор, но и модальный оператор запрещения, т. е. второе значение высказывания должно включать структуру типа «любому человеку запрещено ходить по газонам». Заметим, что это, в сущности, формулировка той самой нормы поведения, которая должна быть известна адресату высказывания до возникновения данной ситуации общения. Актуализация этого знания происходит в результате нерелевантности или абсурдности интерпретации высказывания как вопроса, направленного на идентификацию известного говорящему субъекта. В этом случае целью высказывания становится, конечно, не определение референта местоимения *кто*, но, скорее, выражение оценки по поводу нарушения существующего в обществе и имплицитно представленного в семантике высказывания определенного правила поведения. Действительно, если дано, что никому нельзя совершать некоторое действие, то вопрос о том, кто же его совершает, может потерять свой обычный смысл как требование идентификации субъекта действия. Основным фактором, влияющим на выбор той или иной интерпретации данного высказывания, является наличие в конкретной ситуации общения информации о том, а) известен ли субъект действия говорящему или нет и б) имеется ли у адресата — нарушителя запрета — представление о соответствующей норме поведения. Поскольку такая информация очевидным образом не дана в самом предложении и составляет определенную часть самой ситуации, в которой это предложение употребляется, постольку контекст или, точнее, контекстуальная информация (то в сознании коммуникантов, что является существенным и релевантным в данных условиях общения для выбора корректной интерпретации высказывания) необходимо оказывается на соответствующем уровне понимания фактором, определяющим действительный смысл предложения.

Можно полагать, что контекст высказывания включает несколько типов информации. Во-первых, это социокультурный фон данного факта общения, который должен быть известен коммуникантам и правильно ими использован для установления действительного смысла данного высказывания. По-видимому, сюда относится тип общественного отношения к описываемому положению дел, время и место ситуации общения, а также относительный социальный и коммуникативный статус говорящего и адресата. Во-вторых, контекст не может не содержать «внутренних миров» участников коммуникативной ситуации, т. е. их энциклопедических, фоновых и эпизодических зна-

ний, их мисний, верований и допущений (когнитивная составляющая контекста), осуществляемых на фоне и в рамках текущих психологических состояний — желаний, намерений, настроений и установок (см., например, (Богданов 1990)), которые образуют психологическую составляющую контекста и совместно с когнитивной составляющей определяют не только отношение говорящего к описываемому положению дел, но и предполагаемое говорящим отношение слушающего как к собственно описываемому положению дел, так и к факту и способу его представления в речи говорящего. Наконец, в-третьих, наряду с ситуацией произнесения высказывания со всеми ее когнитивными, психологическими и социокультурными параметрами к контексту следует также отнести некоторое релевантное множество ситуаций, предшествующих акту произнесения данного высказывания и последующих за ним. Ведь очевидно, что то, что происходило до произнесения высказывания, может явиться причиной его произнесения, а то, что за ним следует, нередко оказывается его целью. Знание первого и некоторые допущения относительно второго, конечно, необходимы говорящему для порождения высказывания и слушающему для его корректной интерпретации.

Все перечисленные выше типы контекстуальной информации, составляющие в совокупности межличностный аспект знаковой ситуации, можно представить так: внешний (объективный): социокультурная составляющая, множество смежных ситуаций; внутренний (субъективный): когнитивная составляющая, психологическая составляющая.

1.4. КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ

Ни одна из существующих различных теорий речевой деятельности не может обойтись без понятия коммуникативной интенции. Как всякая деятельность вообще, деятельность говорящего в ситуации речевого общения характеризуется тремя основными параметрами — ориентировкой в условиях общения, включающей мотив, цель и программу вербального действия; осуществлением конкретного речевого акта в соответствии с установленной программой и обратной связью, обеспечивающей контроль за эффективностью действия в корректировку процесса его осуществления (см., например (Теоретические и прикладные проблемы речевого общения 1979: 153—154)). По-видимому, нет особой необходимости доказывать, что именно коммуникативная интенция или целенаправленность речевого акта оказывается фактором, определяющим как программу действия и процесс его осуществления, так и, естественно, выбор средств, используемых для достижения поставленной цели.

По некоторым данным психологических исследований целенаправленность общения возникает уже у детей в возрасте

8—9 месяцев, причем одновременно появляется возможность выделить два типа социального интенционального поведения, связанных с характером использования конвенционализируемых сигналов (в том числе и вербальных). Один из таких типов поведения, в котором наблюдается «интенциональное использование людей-агентов в качестве средств к достижению несоциальной цели (достать игрушку или открыть кошелек, например)», назван протоимперативом (Бейтс 1984: 53). В другом типе поведения цель действия ребенка состоит в том, «чтобы разделить вместе со взрослым внимание, направленное на какой-либо референт» (там же), что позволяет говорить о «протодекларативной» форме интенционального общения. Как подчеркивает автор, указанные типы использования сигналов в общении различаются направленностью интенций: если протоимператив является некоторой последовательностью действий, «характеризующихся направленностью от человека к объекту», то интенция в протодекларативах направлена от объекта к человеку (там же: 56), поскольку задачей в таких ситуациях является не использование взрослого как орудия для достижения каких-либо целей, но, напротив, использование какого-либо объекта для привлечения внимания взрослого. (О двух формах, принимаемых сознанием при взаимодействии с материальным модусом опыта, одной из которых является «рефлексия» — I think, а другой — «действие» — I want, говорит и М. Халлидей (Halliday 1992: 21). Рефлексия представляет мир таким, каким он есть, действие же представляет мир таким, каким он должен быть.)

Хорошо известно, что фундаментальным понятием теории речевых актов и иллокутивной логики является понятие иллокутивной силы — статуса высказывания как определенного акта или действия (просьбы, утверждения, приказа и т. д.), осуществляемого в ситуации общения и реализующего коммуникативную интенцию говорящего. Иллокутивная сила составляет часть общего значения высказывания и квалифицирует пропозициональное содержание, представляя (репрезентируя) его в речевом акте в соответствии с интенцией говорящего. Значение высказывания, таким образом, тесно связывается с целью говорящего, являясь результатом его речевых действий. Однако из этого, видимо, не следует делать вывод, что высказывание вообще получает какое-либо значение лишь только в том случае, если оно как речевой акт совершается с интенцией произвести на слушающего определенный эффект. Подобная интенция при совершении речевого акта является лишь интенцией говорящего показать адресату высказывания, что от него ожидают осознания целевого назначения высказывания, подобно тому, как интенция использовать какой-либо объект в роли знака должна осознаваться в качестве таковой тем, кому этот знак предъявляется для интерпретации (Grice 1957).

Коммуникативная интенция говорящего, как полагает Дж. Серль (Searle 1983: 165), должна рассматриваться только как намерение довести до адресата высказывания речевую репрезентацию некоторого положения дел и тем самым воздействовать на его поведение или ментальное (когнитивное и/или психологическое) состояние. Достижение подобного эффекта, как и стремление его достичь, очевидно отличается от другой интенции говорящего, а именно от интенции сказать что-то, т. е. представить определенным образом в словах, то, что является прежде всего предметом речи, ее содержанием и лишь затем (или одновременно) частью способа достижения конечной цели в коммуникативной ситуации. Произнесение вопросов, утверждений и высказываний других иллокутивных типов может быть иногда совершенно не обусловлено ни желанием говорящего быть понятным, ни даже желанием быть услышанным. Речевой акт не связан необходимой связью с коммуникативной ситуацией и наличием адресата высказывания. Внутренние монологи / диалоги, разговоры с самим собой, в значительной мере лишены того, что в нормальной ситуации общения составляет коммуникативную интенцию, если, разумеется, под коммуникативной интенцией понимать только стремление говорящего добиться от адресата понимания или осознания, что данный речевой акт (с данным содержанием) совершается с соответствующей иллокутивной силой. Для рассмотрения проблемы значения высказывания более важным фактором, чем таким образом понимаемая коммуникативная интенция, оказывается стремление говорящего репрезентировать в речи свои внутренние психологические состояния (мнение, желание, убеждение, опасение, надежду и др.), которые являются проявлениями общего фундаментального свойства ментальной и психологической организации человека — интенциональности.

Интенциональность в теории Дж. Серля определяется как «то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которого они направляются на объекты и положения дел внешнего мира» (Searle 1983: 1). Направленность интенциональности на внешний мир определяет ее репрезентативный характер, обуславливая «содержательность» соответствующих психологических или, шире, интенциональных состояний: мы думаем о чем-то, мы надеемся, если надеемся на что-то, и мы желаем, когда мы желаем чего-то (напомним, что этот принцип — принцип содержательности ментальных состояний — имеет долгую историю в философии). Содержание интенционального состояния репрезентирует внешний объект или положение дел и, следовательно, определяет условия истинности или выполнимости (conditions of satisfaction) данного интенционального состояния. Структура интенционального состояния $S(p)$ определяется его психологическим модусом S , в котором заключено пропозициональное (или шире, репрезентативное)

содержание р. В теории Серля основными функциями психологического модуса являются детерминация «условий искренности» речевого акта и детерминация направления соответствия (direction of fit) между пропозициональным содержанием интенциональности и внешним миром.

Речевой акт строится на основе интенциональности, и высказывание поэтому обладает только «производной» интенциональностью в том смысле, что высказывание выражает некоторое интенциональное состояние, репрезентируя его в речи посредством соответствующей иллокутивной силы. В процессе совершения речевого акта, таким образом, реализуются два уровня интенциональности. К первому уровню относится психологическое состояние, выражаемое в высказывании и определяющее его «условия искренности»; если в утверждении выражается убеждение, мнение или надежда, что завтра будет хорошая погода, то наличие этого убеждения, мнения или надежды как соответствующего психологического (интенционального) состояния у говорящего необходимо для того, чтобы это утверждение (как речевой акт) было искренним. (С условиями искренности речевого акта обычно связывается некоторое обобщение так называемого парадокса Мура, в соответствии с которым высказывания типа *Идет дождь, но я не верю, что идет дождь* являются, очевидно, не корректными.) Второй уровень — уровень, который Дж. Серль называет уровнем интенции значения (meaning intention), включает интенцию репрезентации и коммуникативную интенцию. Интенция репрезентации является интенцией, с которой, собственно, и совершается данный речевой акт, репрезентирующий данное интенциональное состояние в своем иллокутивном (ассертивном, экспрессивном, декларативном и т. д.) статусе. Так, в высказывании-утверждении выражается некоторое мнение (1-й уровень интенциональности) и совершается иллокутивный акт утверждения (2-й уровень интенциональности). Намерение репрезентировать интенциональное состояние в речи является основной частью интенции значения и заключается в том, чтобы «физические события, которые составляют часть условий выполнимости (в смысле того, что требуется) интенции, сами обладали бы условиями выполнимости (в смысле требования)» (Searle 1983: 167—168). Иначе говоря, звуки, производимые мной в соответствии с моим желанием выразить мое интенциональное состояние путем совершения соответствующего иллокутивного акта, во-первых, удовлетворяют мое желание произнести высказывание и, во-вторых, сами приобретают способность представлять (благодаря своей семантико-синтаксической структуре) условия выполнения, аналогичные условиям выполнимости моего выражаемого в иллокутивном акте интенционального состояния, которые удовлетворяются, если положение дел, репрезентир-

важное в моем интенциональном состоянии и, следовательно, в моем высказывании, действительно имеет место во внешнем мире. Коммуникативная интенция — стремление довести иллокутивный акт до адресата высказывания — составляет вторую, и, как мы уже видели, не самую главную часть интенции значения.

Итак, именно интенция репрезентации интенционального состояния создает высказывание, обладающее способностью выразить психологическое состояние говорящего по поводу какого-либо положения дел посредством соответствующего иллокутивного статуса. Только в результате возникновения такой интенции, т. е. второго, производного, уровня интенциональности, и, следовательно, в результате дублирования условий выполнимости интенционального состояния в высказывании, физический объект — звуковая речь — приобретает значение. Двойная репрезентация пропозиционального содержания (в интенциональном состоянии и в иллокутивном статусе высказывания) оказывается, тем самым, основным требованием, выполнение которого необходимо для того, чтобы речевое высказывание обладало значением (Ibid.: 163 и сл.).

Понятию репрезентации, несмотря на его значимость в теории, Дж. Серль уделяет не очень много внимания, указывая только, что это понятие для интенционального состояния имеет тот же смысл, что и понятие репрезентации для речевого акта: интенциональное состояние репрезентирует свои условия выполнимости так же, как иллокутивный акт репрезентирует свои условия выполнимости (Ibid.: 11—12), которые по теории должны быть аналогичными условиям выполнимости выражаемого в акте интенционального состояния. Мы не будем специально останавливаться на этом вопросе, но отметим, что репрезентация пропозиционального содержания в высказывании (второй уровень интенциональности) осуществляется созданием соответствующих фонологических и семантико-синтаксических структур, существование которых на первичном уровне интенциональности по крайней мере проблематично.

Если учесть то, что было сказано выше о структуре значения языкового выражения, то нельзя не заметить, что пропозициональное содержание, репрезентированное на первом уровне интенциональности, но рассматриваемое в отвлечении от психологического модуса, является конкретизацией пропозиционального концепта — сигнификата предложения. Второй уровень интенциональности, связанный с интенцией значения и реализующийся при актуализации предложения в высказывании, представляет пропозицию как репрезентанта пропозиционального концепта и как функцию детерминации условий истинности (или выполнимости) содержания предложения.

1.5. ПРОПОЗИЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА

Особое внимание следует обратить на понятие, теснейшим образом связанное с репрезентацией пропозиционального концепта, а именно понятие «направление соответствия» между пропозициональным содержанием интенционального состояния (и речевого акта) и условиями его выполнимости, т. е. некоторым положением дел в мире. Направление соответствия отражает тот факт, что репрезентация необходимо содержит указание на способ выполнения представленных в содержании условий выполнимости: либо пропозициональный концепт соотносится с существующим в мире положением дел, либо требуемое положение дел создается в соответствии с условиями, заданными в пропозициональном содержании интенционального состояния (речевого акта); либо мир выступает в роли заданного критерия или «точки отсчета» истинности слов, либо же слова, точнее, пропозициональное содержание высказывания, рассматриваются как своего рода модель или проект, в соответствии с которым строится новое положение дел в реальном мире. Понятие направления соответствия между миром и отображающими его словами не является чем-то совершенно новым в лингвистике, психологии и философии (см., например (Anscombe 1957)). В качестве примера, демонстрирующего различие в направлении соответствия, обычно приводится ситуация, в которой один человек покупает в магазине продукты, перечисленные в списке, а другой составляет свой список, в котором указывает те продукты, которые купил первый (Searle 1969). С нашей точки зрения, подобные примеры демонстрируют лишь один из способов установления направления соответствия, когда в силу некоторого имплицитно заданного, ситуативного требования субъект «вынужден» выполнять и выполняет определенные действия (в приведенном примере — покупает те или иные продукты), но высказывание, представляющее это требование, выполнив свою функцию и создав «императивную» ситуацию, отошло в план прошлого (аналогичную ситуацию можно представить и без соответствующего императивного высказывания); поэтому в момент непосредственного выполнения действия имеется только перечень действий (продуктов) и соответствующий императивный контекст.

В качестве примера, иллюстрирующего другой способ реализации направления соответствия между «словами и миром» можно привести, скажем, различное толкование предложения *Пассажиры занимают места согласно купленным билетам*, которое может использоваться либо для того, чтобы направлять действия пассажиров при посадке в самолет, либо для описания того, что при этом происходит. Различие между этими двумя интерпретациями одного и того же простого декларативного

предложения обусловлено только особенностями ситуации произнесения данного предложения: контекст, в котором высказывание рассматривается как способ управления действиями пассажиров, включает имплицитный вопрос, какие места в салоне можно занимать или какова норма поведения пассажиров в данном конкретном случае; высказывание, если оно выполняет требование релевантности по отношению к существующему контексту, функционально оказывается общим ответом на этот вопрос. Описание действия в подобных контекстуальных условиях прагматически представляется как описание выбранной цели или конкретизации действия адресата. Отвечая на вопрос, что делать, посредством декларативного предложения (с глаголом в настоящем времени), говорящий описывает последующие действия адресата, не предоставляя последнему возможности самостоятельного выбора; ср.: *Что мне делать завтра? — Ты едешь на дачу.* Вне императивного контекста это значение не возникает: *Я не знал, что ты завтра едешь на дачу.*

Третьим видом установления направления соответствия, свободным от прагматических, контекстуальных наслоений, является использование соответствующей формы предложения, которая грамматически специализирована для представления в высказывании требуемого направления соответствия между пропозициональным концептом и миром. Подобной формой, которая предназначена для выражения соответствия с направлением от пропозиционального содержания к условиям его выполнимости (к миру), является, например, повелительное предложение. Интерпретация императивных высказываний как высказываний, содержание которых включает указание на выбор или создание условий выполнимости для реализации истинностного значения пропозиционального концепта, не зависит от контекста произнесения высказывания и обусловлена способом репрезентации пропозиционального содержания, т. е. пропозицией, выраженной посредством грамматической формы предложения.

Если пропозициональное содержание высказывания репрезентируется говорящим (и соответственно интерпретируется адресатом) как модель-указание для создания нового положения дел, то его направление соответствия — это направление «от слов к миру», в котором исходным, заданным пунктом является пропозициональное содержание высказывания: если мир приводится в соответствие со словами, то условия выполнимости пропозиционального содержания удовлетворяются. Если же высказывание представляет собой описание существующего (в настоящем, прошедшем или будущем) положения дел или происходящего события в мире, то, следовательно, репрезентация его пропозиционального содержания осуществляется с направлением «от мира к словам», где начальным, заданным пунктом выступает внешний мир (точнее, представление говорящего о реальном мире, т. е. то, что, как он полагает, может

иметь или действительно, с его точки зрения, имеет место в мире): высказывание оценивается как истинное или ложное в зависимости от выполнения (или невыполнения) его условий истинности, представленных (детерминированных) смыслом используемого в высказывании предложения. В дальнейшем будем говорить о «креативном» модусе репрезентации пропозиционального содержания высказывания, когда его направление соответствия является направлением «от слов к миру», и о «дескриптивном» модусе репрезентации содержания высказывания при направлении соответствия «от мира к словам». Таким образом, именно пропозиция как репрезентант пропозиционального концепта задает соответствующий модус репрезентации. Понятия дескриптивного и креативного модусов представления пропозиционального концепта предложения при его актуализации в высказывании играют существенную, если не центральную, роль в интерпретации модализированных предложений и составляют базис такого фундаментального различия, о котором принято говорить как о различии между эпистемической и деонтической/динамической (корневой) модальностью.

Пропозиция как результат представления пропозиционального концепта в креативном модусе выступает в виде способа, модели или формы, используемой для создания, выбора, преобразования, изменения, трансформации, поиска или перекомбинации положений дел в некотором множестве возможных миров (МИР). Она является «руководством», «инструкцией» или своеобразным «планом работы» по созданию мира (положения дел), которого в определенном смысле ранее не было. Креативный модус оказывается необходимо связанным с «историей МИРА, его динамикой, развитием и изменением. Креативная пропозиция (в дальнейшем — К-пропозиция, или Рк), обладая направлением соответствия «от слов к МИРУ» накладывается на МИР как формирующее начало или как критерий создания положения дел, соответствующего условиям выполнимости (истинности), заданным в пропозиции. Поэтому область применения К-пропозиции благодаря креативному модусу репрезентации ограничена таким образом, что она оказывается не отражением того, что существует в том или ином мире, но, скорее проекцией определенных условий, предъявляемых ко (всему) множеству возможных миров. Смысловой потенциал такой пропозиции содержит не только, и не просто некоторую схему какого-либо положения дел, но и включает своего рода инструкцию ее применения при создании положения дел, необходимого для удовлетворения условий выполнения пропозиции.

Дескриптивный модус репрезентации пропозиционального концепта (Д-пропозиция, или Рд) является отображением положения дел, существующего в (возможном) мире. Это пропозиция, которая служит для представления (или «предъявления») адресату найденной, созданной, выбранной, существующей или

предполагаемой ситуации, которая отвечает условиям истинности (выполнимости) пропозиции. Она фиксирует момент (период) времени в настоящем, прошлом или будущем развитии МИРА, статически, как факт, изображая то, что при этом имеет место. Если выполнение условий К-пропозиции устанавливается только тогда, когда создается (в действительном мире) требуемая ситуация, условия истинности Д-пропозиции удовлетворены (в каком-либо возможном мире) по определению и требуется лишь определить, является ли Д-пропозиция истинной (или же только возможной) в действительном мире, т. е. действительно ли положение дел, описываемое высказыванием, таково, как оно представлено в Д-пропозиции используемого предложения, или, иначе, принадлежит ли действительный мир к множеству возможных миров, в которых данная пропозиция является истинной.¹

Модус репрезентации пропозиционального концепта определяет ряд структурных, семантических и прагматических особенностей предложений, используемых для выражения соответствующих пропозиций. Так, синтаксической конструкцией, предназначенной для выражения К-пропозиция, является простое императивное предложение (*Get out of there at once*). Императив часто определяется как структура, посредством которой мы выражаем команду, требование, просьбу или инструкцию. Хотя директивное значение императива считается настолько очевидным, что нередко оказывается важнейшим, если не единственным, средством определения этой синтаксической категории, императивные предложения характеризуются рядом чисто структурных особенностей, отличающих их от всех других типов предложений. Как полагает Р. Квирк с соавторами (Quirk et al. 1972), императивные предложения не имеют подлежащего (субъекта) и содержат глагол в императивном наклонении, т. е. «императивный личный глагол (основную форму глагола без окончаний числа или времени)» (Ibid.: 402). Еще одним важным признаком императива следует признать использование глагола *do* для образования отрицательных предложений или для эмпазы даже в тех случаях, когда основным глаголом конструкции является глагол *be* или *have* (ср.: *Do be ready on time. Don't have eaten everything before I get there*) (Davies 1986: 7). Основываясь на грамматичности предложений типа

¹ Различие между модусами представления пропозиционального концепта, между Д-пропозицией и К-пропозицией, непосредственно связано с различными видами истины: «Под истиной понимают прежде всего то, что я знаю, как нечто существует. Это, однако, истина лишь по отношению к сознанию, или формальная истина, это — голая правильность. Истина же в более глубоком смысле состоит, напротив, в том, что объективность тождественна с понятием. Об этом-то более глубоком смысле истины идет речь, когда говорят об истинном государстве или об истинном произведении искусства. Эти предметы истинны, когда они суть то, чем они должны быть, т. е. когда их реальность соответствует их понятию» (Гегель 1974: 401).

You / Somebody / Everybody go outside, Э. Дэвис утверждает, что императив факультативно может иметь подлежащее, ограниченное небольшим рядом возможных форм (Ibid.).

Императивные конструкции, видимо, не употребляются в позиции придаточного предложения (Sadock, Zwicky 1985), но К-пропозиция может выражаться посредством придаточных конструкций (that—clause) с глаголом в сослагательном наклонении (или с глаголом should). Ср., например, He insists that she (should) leave now и He insists that she left at 5, или He agrees that she (should) leave now и He agrees that she left at 5 (примеры взяты из (Tregidgo 1982)). Предложения с глаголом agree, значение которого не связано с «директивностью», являются, с нашей точки зрения, показателем того, что рассматриваемые придаточные конструкции с глаголами в сослагательном наклонении обладают в известной степени самостоятельным значением, не зависимым от семантики глагола в главном предложении. Преимущественное использование этих форм с главными глаголами и прилагательными, выражающими требование, инструкцию, совет и т. д., отражает хорошо известный факт семантического согласования между лингвистическими единицами — членами синтаксического единства.

Придаточное предложение в подобных условиях допускает замену на инфинитивный оборот (to-infinitive clause), образуя предложения типа It is important for him to come on time и в зависимости от семантической характеристики субъекта пропозиции типа It is important to come on time (= It is important for us to come on time или It is important for everyone to come on time). Инфинитивные структуры не являются формой, специально предназначенной только для выражения К-пропозиции, но характерно, что именно они используются наряду с придаточными предложениями с глаголом в сослагательном наклонении при необходимости выразить содержание требования, желания, рекомендации или совета. Фразы типа It is possible for her to leave или It is necessary for her leave, как правило, используются в различных работах по семантике модальных глаголов для интерпретации их деонтического значения и противопоставляются фразам с придаточными индикативными конструкциями It is possible that she left / will leave или It is necessarily the case that she left / will leave, которые, как принято считать, демонстрируют эпистемическое значение тех же глаголов. Кажется, нет достаточных оснований полагать, что значение прилагательного possible в предложении It is possible that she will leave soon отличается от значения того же прилагательного в предложении It is possible for her to leave soon. Поэтому регулярное использование таких форм для экспликации различия деонтического и эпистемического значения в лексической семантике самих модальных глаголов можно рассматривать как результат убеждения, что неоднозначность предложе-

ний типа *She may leave soon* заложена только в значении модального глагола *may*, что более важно, как следствие принятого понимания природы пропозиции как такого содержания предложения, которое способно быть только содержанием утверждения (Ф. Кифер, например, утверждает, что предложение *John is probably sick* не выражает никакой пропозиции, потому что оно не может занимать место придаточного предложения в **Bill asserts that John is probably sick* (Kiefer 1987)).

Простое предложение с сослагательным глаголом, как с условно-уступительным (*Come what may*) значением (такие предложения обычно, интерпретируются с помощью перифраз с «деонтическим» или, скорее, «динамическим» глаголом *may* — *Whatever may come*), так и с оптативным значением (*Suffice it to say; So be it*), также можно, с нашей точки зрения, отнести к особым конструкциям, выражающим К-пропозицию. Помимо перечисленных конструкций К-пропозиция содержится, конечно, в деонтических (динамических) предложениях с модальными глаголами и в придаточных конструкциях цели (*in order to...; so that he could...*).

Дескриптивная пропозиция может выражаться, по существу, всеми, за исключением императивных предложений и (придаточных) предложений с глаголом в сослагательном наклонении, пропозициональными синтаксическими конструкциями. Это означает, что Д-пропозиция в отличие от К-пропозиции ассоциирована с личным глаголом в индикативе и, следовательно, выражается предложениями, которые обычно не относятся лингвистами к разряду предложений, рассматриваемых как предложения, маркированные по модальной шкале. Индикатив используется в декларативных предложениях, используемых для утверждения или представления положения дел, соответствующего знанию или мнению говорящего, и, как подчеркивает Дж. Лайонс, "прямое утверждение факта... можно рассматривать как эпистемически немодальное утверждение" (Lyons 1977: 797). Придаточные предложения с индикативом представляют Д-пропозицию независимо от характера глагола в главном предложении. Даже в тех случаях, когда семантика главного глагола указывает на отсутствие каких-либо обязательств со стороны говорящего относительно истинности пропозиции, выраженной в придаточном предложении (типа *I wonder if Bill is coming*; или *I don't think that Bill is coming*), форма глагола в подчиненном предложении свидетельствует о дескриптивном модусе репрезентации пропозиционального концепта. На том основании, что форма глагола в подобных подчиненных предложениях остается той же формой, которая регулярно используется в декларативных (немодальных) предложениях, Ф. Палмер предлагает считать декларатив эпистемически немаркированной или нейтральной категорией (Palmer 1986: 29). Ясно,

что декларатив в такой интерпретации представляет собой не столько тип речевого акта, сколько «грамматическую форму, которая обычно используется для выражения утверждений», которые, как полагает говорящий, являются истинными (Ibid.: 26). С нашей точки зрения, предложения с личным глаголом в индикативе служат для представления дескриптивной пропозиции и именно в этом смысле могут рассматриваться как эпистемически нейтральные. Модификации смысла предложений посредством модальных элементов (глаголов, наречий, модальных слов и др.) осуществляются в рамках, заданных Д-пропозицией, и составляют множество значений, организованных в эпистемическую (или статическую) подсистему языковой категории модальности. Эпистемическое значение модализированных предложений, таким образом, ассоциировано с наличием в общем содержании предложения дескриптивной пропозиции или с дескриптивным модусом репрезентации пропозиционального концепта. В свою очередь, императив, как типичную форму представления креативной пропозиции, следует рассматривать, аналогично декларативу в эпистемической подсистеме, в качестве нейтрального члена деонтической (или, может быть, точнее, динамической) подсистемы категории модальности в английском языке. Для Ф. Палмера императив нейтрален в том смысле, что «слушающий судит о силе своей обязанности выполнить указанное действие по обстоятельствам» (Ibid.: 108).

Необходимо подчеркнуть, что индикатив и императив жестко связаны с соответствующими морфологическими формами глагола и являются той основой, на которой строятся соответствующие коммуникативные типы предложений. Сослагательное наклонение и интеррогатив, однако, отличаются от индикатива и императива тем, что если сослагательное наклонение определяется как некоторая особая форма глагола, но не может выступать в качестве базы отдельного коммуникативного типа предложения, то интеррогатив, напротив, составляет вполне определенный тип предложений с отчетливо выделяемым типом речевого действия, но не ассоциируется с какой-либо специфической морфологической формой глагола, специально предназначенной для выражения вопросов. Закрепленность формы глагола в индикативе и императиве за выполнением определенных типов коммуникативных актов нельзя не считать одним из важных оснований для утверждения, что оба указанных наклонения предназначены в языковой системе для представления соответствующих типов пропозиции — дескриптивной и креативной — и являются базовыми (немаркированными или нейтральными) грамматическими формами выражения пропозиционального концепта в соответствующем модусе его репрезентации в предложении.

Семантические особенности конструкций с К-пропозицией в значительной мере обусловлены тем, что субъект такой пропози-

зиции оказывается субъектом действия или агентом только в результате наложения на него соответствующих «полномочий» по построению мира. Выделенность субъекта К-пропозиции определяется его особым статусом в семантической структуре предложения как объекта, на которого направлен акт «потенциализации»: предложение с К-пропозицией может быть построено только с учетом того, что субъект пропозиции рассматривается не столько как исполнитель действия, сколько как субъект, способный (с точки зрения говорящего) к выполнению данного действия. Говорящий либо предполагает наличие такой способности у субъекта и использует это предложение, побуждая субъект к выполнению действия, либо непосредственно указывает, что субъект способен в данных условиях поступить определенным образом. Потенция для выполнения действия накладывается на субъект предложения «извне» говорящим или же выявляется как внутреннее свойство, присущее субъекту в силу его собственной природы. Подобный семантический статус субъекта креативной пропозиции позволяет говорить о своего рода «разделенности» субъекта предложения и его предикативного признака (действия): осуществление действия, представленного предложением, ставится в зависимость от реальной способности и воли субъекта. Если указанное действие все-таки выполняется, это обычно происходит в момент времени после произнесения высказывания и может стать новым положением дел, репрезентированным отдельным предложением. Поэтому текст *"Петя, откройте окно. Через некоторое время Петя встал и открыл окно"* отвечает требованиям текстовой связности в отличие от текста с начальным предложением с дескриптивной пропозицией; ср.: **Петя открыл окно. Через некоторое время Петя встал и открыл окно.* С семантической точки зрения субъект К-пропозиции принадлежит некоторому миру m_i , тогда как описываемое положение дел — миру m_j ; задача К-высказывания состоит в том, чтобы установить (или указать на) отношение достижимости между этими мирами.

В предложениях, представляющих Д-пропозицию, субъект предикативного признака является непосредственным исполнителем соответствующего действия или носителем описываемого состояния и вопрос о его потенциальных качествах, позволяющих ему создавать представленное в предложении положение дел, не ставится, и следовательно, не является ни целью, ни предметом обсуждения в высказывании. Если описываемое положение дел по определению представлено как имеющее место в действительном или возможном мире, то субъект оказывается не потенциальным, но актуальным агентом-носителем соответствующего предикативного признака. В высказываниях с общей формой 'X сделал / делает / будет делать (Y)', выражающих дескриптивную пропозицию, связь X с действием / предикатом задана на уровне реализации действия, когда

фактор способности субъекта к действию принимается как данное и не составляет содержания передаваемой информации.

Различие типов пропозиции не может быть независимым от прагматического потенциала языковых структур, используемых для их выражения. Это объясняется уже хотя бы тем, что выбор той или иной формы, модуса или модели для представления какого-либо содержания неизменно обусловлен соображениями, учитывающими целесообразность предполагаемого выбора. Поскольку пропозиция является «формой» или «модусом» репрезентации пропозиционального содержания, то выбор того или иного типа пропозиции необходимым образом предопределяет возможности коммуникативного, целевого использования выбранной пропозиции. Выше уже говорилось, что принятая дихотомия модальностей (деонтическая VS эпистемическая) связывается вполне очевидным образом с различием основных функций языка — дескриптивной и инструментальной, т. е. функцией представления окружающего человека мира в символах или знаках, и функцией управления, преобразования мира в соответствии с интенциями и желаниями говорящего субъекта. Наш подход, однако, предполагает, что указанное различие функций языка ассоциируется не столько с собственно модальными (формальными) модификациями или трансформациями предложения в обычном понимании, сколько с различием в репрезентации пропозиционального содержания предложения, осуществляемой с помощью выбора того или иного типа пропозиции. Д-пропозиция естественно используется в высказываниях, которые по различным вариантам теории речевых актов относятся к асертивному классу, — утверждения, констатации, извещения, заявления, предсказания и т. п. К-пропозиция, в свою очередь, лежит в основе предложений, предназначенных для выражения «директивов» — приказов, требований, просьб, разрешений, советов, рекомендаций и других речевых актов, иллокутивная направленность которых состоит в том, чтобы предопределить (с различной степенью настойчивости) характер будущего действия адресата. Важно помнить, однако, что отношения между типом пропозиции и типом иллокутивного акта, видимо, попадают под определение коррелятивных отношений или отношений с нестрогим характером взаимозависимости: наличие Д-пропозиции в семантической структуре (простого декларативного) предложения, как мы уже видели, может в определенных контекстуальных условиях сочетаться с прагматически «директивным» высказыванием (например, представлением нормы поведения в определенном месте или в ситуациях, которые можно было бы назвать ситуациями «распределения ролей»: ср.: *Ты делаешь X, а ты делаешь Y*) или с речевыми актами типа «декларативов» (*Объявляю вас мужем и женой*) или «комиссивов» (*Хорошо, я сделаю все ко вторнику*), которые обладают своими особенностями, отличающими их от

собственно ассертивов. К-пропозиция, кажется, более жестко связана с «директивностью», чем Д-пропозиция с ассертивами, но в случае с К-пропозицией возможны такие обстоятельства ее использования и такие формы ее выражения, которые могут вызывать интерпретацию высказывания, в известной мере выходящую за рамки обычного понимания «директивности» и сближающуюся с «ассертивностью»: ср., например, формулировки моральных законов типа *Не убий* или общих правил поведения, относящихся к генерализированному, обобщенному, неконкретному адресату: *Всегда говори только правду*.

Модализированные структуры — предложения с модальными (вспомогательными в английском языке) глаголами, наречиями и модальными словами — с семантической точки зрения представляют собой квалификацию пропозиции посредством ее включения в область действия модальных операторов возможности или необходимости, т. е. посредством установления ее модального статуса. Модальный статус пропозиции или, иначе, форма (способ определения) ее истинностного значения, реализующегося в контексте при актуализации соответствующего предложения в высказывании, является категорией, предназначенной для управления процессом интерпретации смысла высказывания: маркер модального статуса пропозиции выступает в качестве указателя «пути» выбора мира интерпретации — возможного (достижимого) мира, в котором данная пропозиция оказывается истинной. Если процесс интерпретации высказывания, как мы видели, неизбежно проходит как системно-языковой, так и контекстуальный анализ высказывания, направленный на установление релевантности высказывания существующему (текущему) контексту, то его истинностное значение является одним из результатов выявленной релевантности высказывания. Маркированный модальный статус выражаемой — креативной или дескриптивной — пропозиции снимает ограничение на выбор мира интерпретации: высказывание с определенным модальным статусом свободно от типической интерпретации немодализированных структур как отображения некоторого положения дел, принадлежащего к развивающемуся во времени действительному миру. Высказывание-утверждение *Он каждый день ходит в библиотеку* описывает ситуацию, имеющую место, по убеждению говорящего, в действительном мире, тогда как высказывание-предположение *Он, видимо, каждый день ходит в библиотеку* описывает положение дел, принадлежащее по крайней мере одному из множества возможных миров, т. е. говорящий не утверждает и не отрицает принадлежности описываемой ситуации действительному миру. Совет «Ходите каждый день в библиотеку», выраженный императивным высказыванием, представляет положение дел, предложенное для осуществления в действительном мире. В модализированном предложении *Вы должны ходить каждый день*

в библиотеку креативная пропозиция «выполняется» во всех мирах, в том числе и действительном мире, т. е. с точки зрения говорящего, хотя адресат высказывания и имеет выбор своей линии поведения (мира), любая из них содержит положение дел, описываемое креативной пропозицией предложения.

Модальность возможности, таким образом, указывает на наличие некоторых миров, по крайней мере в одном из которых (необязательно действительном) выполняется пропозиция, выраженная данным предложением; модальность необходимости указывает на существование некоторого множества миров, в каждом из которых (включая действительный мир) данная пропозиция оказывается истинной. Иными словами, возможность заключается в предоставлении выбора любого из различных, а необходимость — в предоставлении выбора любого из аналогичных возможных миров для интерпретации (для установления истинностного значения) высказывания, причем различие или аналогичность миров задается только относительно представленной в предложении пропозиции.

При дескриптивном модусе репрезентации пропозиционального концепта (Д-пропозиции), модализация, или модальная квалификация пропозиции в предложении, предполагает реализацию следующих интерпретационных схем, построенных на взаимодействии заданого типа пропозиции и ее модального статуса:

Возможность + Д-пропозиция: He may be in his office now = существует по крайней мере один возможный мир из множества миров, который содержит данное положение дел (He is in his office).

Необходимость + Д-пропозиция: He must be in his office now = существует множество (больше одного) возможных миров, каждый из которых содержит данное положение дел.

При креативном модусе репрезентации пропозиционального концепта (К-пропозиции) модализация пропозиции активизирует интерпретационные схемы, которые, конечно, отличаются от указанных выше тем, что в их состав включается фактор «создания» описываемой ситуации:

Возможность + К-пропозиция: He/You may may/can come tomorrow = субъект высказывания создает данное положение дел (He/You come (s) tomorrow) по крайней мере в одном (необязательно действительном) из множества возможных миров.

Необходимость + К-пропозиция: He/You must come tomorrow = субъект высказывания создает данное положение дел в любом из множества возможных миров.

При реализации показателя модального статуса пропозиции в предложении с помощью соответствующей лексической единицы учитывается как ее синтаксические, так и лексическо-семантические особенности. В частности, если модальные слов

(дизъюнкты или сентенциональные паречия — probably, perhaps, maybe, и др.) оказываются единственными лексическими маркерами модальности в предложении, они не могут квалифицировать К-пропозицию: большинство авторов, рассматривавших императивные конструкции, отмечают неграмматичность выражений типа *Maybe / Perhaps / Certainly drive the car. Отсутствие модальных глаголов в повелительных высказываниях *Can / Must drive the car) можно объяснить предназначенностью императивной конструкции для выражения креативной пропозиции, выполняемой (интерпретируемой) в действительном мире.

Нашей задачей сейчас будет показать, что модус репрезентации пропозиционального концепта — креативность и дескриптивность — определяет не только семантику модализированных предложений, но и семантические особенности взаимодействия модальных глаголов с отрицательной частицей. Однако для описания семантики отрицательных модализированных предложений наряду с модусом репрезентации пропозиционального концепта необходимо учитывать еще два фактора, участвующих в детерминации значения подобных высказываний. Во-первых, с логической точки зрения понятия возможности и необходимости являются взаимоопределяемыми через отрицание, т. е. между выражением "возможно не Р" ($M \sim P$) и выражением "не необходимо Р" ($\sim NP$), так же как и между выражениями "не возможно Р" ($\sim MP$) и "необходимо не Р" ($N \sim P$), существует отношение эквивалентности. Иными словами, предложение с общим значением "не возможно Р" может интерпретироваться так же, как и предложение типа "необходимо не Р". Например, предложение *You may not smoke here* ($\sim MP$), как полагают, имеет примерно то же значение, что и предложение *You must not smoke here* ($N \sim P$). Во-вторых, лексическая семантика модальных глаголов в английском языке допускает их разделение на два класса в зависимости от ориентации на субъект предложения. Внутренняя модальность, представленная вспомогательными глаголами *can*, *could*, *need* и глаголом *have to*, отражает в широком смысле возможности или потребности самого субъекта, на которые обращает внимание автор модализированного высказывания, тогда как модальные глаголы *may*, *might*, *must*, *should*, *ought to* представляют, скорее, возможность или необходимость, которые «накладываются» на субъект предложения извне. Внешняя модальность, разумеется, более естественным образом сочетается с дескриптивной пропозицией, чем модальность внутренняя. Если, таким образом, учесть все перечисленные факторы, определяющие семантику отрицательных предложений с модальными глаголами, то структуру взаимодействия модальности и отрицания в английском языке можно представить в виде таблицы (на с. 44).

Форма *may not* нормально интерпретируется либо как «за-

прешение» ($\sim M \equiv$ «не возможно (не разрешено) P », т. е. внешняя модальность возможности с креативной пропозицией), либо — с дескриптивной пропозицией — как «может быть, не P » ($M \sim$): He may/might not be in his room. Интерпретация этой формы «разрешено не P » (You may NOT come, if you wish) возможна только при условии, что частица NOT выделена в высказывании ударением, но, как подчеркивает, например, Ф. Палмер, «формы, которая регулярно и однозначно используется для этой цели, не существует» (Palmer 1986: 98). Поэтому в таблице не приводится и символическое представление данной

Структура взаимодействия модальности и отрицания

Модальность	Креативность		Дескриптивность	
	Возможность	Необходимость	Возможность	Необходимость
Внешняя	$\sim M$	$N \sim$	$M \sim$	$(\sim) N \sim$
Внутренняя	$\sim M$	$\sim N$	$\sim M$	$\sim N$

интерпретации ($M \sim$). Альтернативной формой, которая обычно используется для выражения подобного значения, является needn't, т. е. внутренняя модальность необходимости с К-пропозицией (You needn't come tomorrow if you don't want to). Необходимо подчеркнуть, что needn't служит заменителем may NOT не только потому, что между логическим значением этих форм существует отношение эквивалентности, но и потому, что прагматика разрешения не выполнять какое-либо действие близка (если не тождественна) прагматике сообщения об отсутствии у субъекта (или освобождения от) внутренней необходимости его выполнять.

Форма can't ($\sim M$) при креативной пропозиции не является (даже в пермиссивной ситуации) тождественной по значению форме may not и тем более не способна выступать в роли субститута форм mustn't, shouldn't или oughtn't to ($N \sim$). Таким образом, в случае использования креативной пропозиции, внутренняя модальность необходимости (с отрицанием) выступает средством замены отсутствующей регулярной формы для выражения внешней модальности возможности невыполнения действия, а внешняя модальность необходимости не выполнять действие не может быть выражена с помощью формы, имеющей значение отсутствия внутренней возможности его осуществить.

Если предложение строится с использованием дескриптивной пропозиции, то соотношение модальностей и отрицания оказывается прямо противоположным: в таких условиях не употребляется форма mustn't (но возможно It shouldn't/oughtn't to be difficult to get there), вместо которой обычно может использоваться can't. Ср.: That can't/*mustn't be the postman. (Заметим, что подобно don't want to, формы shouldn't/oughtn't to,

видимо, обладают, так сказать, свойством «прозрачности» относительно отрицания и, соответственно, могут интерпретироваться не только как $N\sim$, но и как $\sim N$.) В свою очередь, *may not* (+Д-пропозиция = *He may/might not be long*) является в языке нетождественной по значению с *needn't/don't have to* в предложениях с дескриптивной пропозицией; ср.: *He needn't/(doesn't have to) be long*. Очевидно, таким образом, что именно модус репрезентации пропозиционального концепта, т. е. креативная или дескриптивная пропозиция, определяет представленную структуру взаимодействия категорий модальности и отрицания в декларативных предложениях в английском языке.

Итак, как мы попытались показать, рассмотрение пропозиции как модуса репрезентации пропозиционального концепта в предложении позволяет, в частности, сказать, что:

а) процесс актуализации предложения начинается не только, или даже не столько с «соединения» модуса (по Балли 1955) с диктумом («пропозицией» в обычном понимании), сколько с выбора модуса когнитивной репрезентации фрегевской «мысли» (или «пропозиционального концепта» в нашем изложении) в семантике предложения;

б) противопоставление креативного и дескриптивного модусов репрезентации пропозиционального концепта основано на различии фундаментальных, базовых функций языка — дескриптивной (референтативной, когнитивной, денотативной), в которой он употребляется для «объективирования описания того, что происходит в определенной предметной области» (Костюк 1985: 128), и инструментативной, в которой язык используется для регуляции поведения человека в процессе преобразования мира;

в) противопоставление К-пропозиция vs Д-пропозиция обуславливает существование, противопоставление и взаимодействие соответствующих языковых структур (например, императивного и декларативного предложений);

г) категория модальности предназначена для определения способа (возможность, необходимость или действительность), посредством которого в процессе интерпретации высказывания устанавливается его истинностное значение «истина»: говорящий указывает адресату «путь» для выбора возможного мира интерпретации высказывания;

д) модальные глаголы мопосемантичны и противопоставление эпистемического и деонтического/динамического (корневого) значений является прямым следствием противопоставления креативной и дескриптивной пропозиций в соответствующих предложениях.

АКТУАЛИЗАЦИЯ И ИМЕННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. ТЕОРИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ. КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Разнообразные подходы к изучению языка можно свести к двум основным направлениям: 1) аналитическому, или статическому, подходу, связанному с описанием плана выражения или плана содержания, и 2) синтетическому, или динамическому, подходу, проявляющемуся в описании процесса перехода от плана выражения к плану содержания, т. е. от формы к содержанию, или в описании процесса перехода от содержания к форме. Вторая разновидность синтетического (динамического) подхода оформилась в языкознании в виде теории актуализации.

Основоположителем теории актуализации по праву считается Ш. Балли. Его работа «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1955), содержащая важнейшие принципы и понятия актуализации, послужила отправной точкой для дальнейших исследований. Несмотря на то что отдельные положения, изложенные в работе Ш. Балли, не раз подвергались критике (напр., Дюкро 1982: 269), сам принцип никогда не ставился под сомнение, а идеи Ш. Балли успешно разрабатываются в связи с бурно развивающейся в последние десятилетия теорией референции.

Как известно, грамматика изучает языковые факты и средства не только на уровне языка-системы, но и на уровне речи, в их реализации. В соответствии с этим, под актуализацией в самом широком смысле понимается использование языковых средств в речи, в том числе и грамматических. По Ш. Балли, большинство лексических знаков языка (напр., *идти*, *цветок*) не вызывает в уме никаких конкретных представлений, а только «виртуальное понятие»; имеющиеся в сознании говорящих виртуальные (потенциальные) знаки в речи актуализируются, т. е. применяются для обозначения конкретных предметов, событий, отношений. Актуализация, или «отождествление с реальным представлением говорящего субъекта», происходит только при употреблении слов языка в речи, например, когда говорят *На столе цветы*. Таким образом, актуализация — это процесс превращения языка в речь, переход единиц с уровня языка на уровень речи, т. е. превращение единиц языка в единицы речи. Если речь идет о предикатном понятии, выражающем процесс, то претворение в действительность требует добавления к глагольному корню показателей времени и вида

(поскольку все, что существует, существует во времени), которые позволяют локализовать рассматриваемый процесс во времени. Если же речь идет об именном понятии, то необходимо придать имени детерминативы, ограничивающие объем понятия (поскольку все, что существует, количественно определено). Актуализация понятия таким образом, связана с его локализацией, и количественным определением. Локализовать понятие значит заключить его в определенные пространственные и временные рамки, ограничив в трех аспектах: по отношению к говорящему, в пространстве и во времени. Осью локализации является соотношение «я — здесь — теперь»; существует, следовательно, три типа локализации: личная, выражаемая местоимениями, глагольными флексиями и др.; пространственная, выражаемая наречиями типа *здесь, там*, указательными местоимениями; временная, передаваемая глагольными формами и наречиями времени (Гак 1992: 80). Для количественного определения понятий язык также располагает системой соответствующих средств: артиклей, числительных, местоимений. Подлинная актуализация совершается в предложении, которое Ш. Балли считал по преимуществу актом речи, что близко к высказыванию; только в высказывании завершается акт обозначения: языковые формы сопоставляются с отрезком действительности. Это имеет самый прямой и непосредственный выход в теорию референции как «отношения актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» (Арутюнова 1982: 6). Актуализация имени, предназначенного для референции, — это ограничение выражаемого именем виртуального понятия с помощью грамматических средств, прежде всего так называемых актуализаторов, или детерминативов. Детерминативы как класс выделяются на том основании, что большинство субстантивных выражений (*house, big house*) всегда сопровождаются некоторыми функциональными элементами (*a house, this house, a big house*) (Блумфилд 1968); субстантивные группы без такого элемента не являются в английском языке знаком чего-либо существующего в мире, это только названия, а не обозначения. С этим связано принципиальное отличие детерминации от определения (характеризации): присоединение определения суживает понятие (ср. *house — big house*), но не сопоставляет его с конкретным элементом действительности. Эта роль отводится актуализаторам, особым приемам, употребляемым для перевода языка в речь, которые индивидуализируют понятие в качественно-количественном отношении, пространственно-временном и в отношении говорящего.

(Согласно теории актуализации, общее имя без актуализатора существует лишь в абстракции; слова при передвижении из языка в речь всегда наделяются актуализаторами, превращаемыми общее имя в актуализированную именную группу,

которая либо предназначена для соотнесения с объектом (референции), либо имеет какой-то другой денотативный статус. Смысл актуализатора — это своего рода инструкция для говорящих относительно того, как обращаться с объектами, входящими в экстенционал общего имени, при поиске референта (Падучева 1985: 85). По мнению Ш. Балли, актуализаторы могут быть прямо выраженными (эксплицитными) и подразумеваемыми (имплицитными). Актуализация полностью имплицитна, если она вытекает только из контекста или ситуации, которые и берут на себя функцию актуализаторов, или в том случае, когда актуализатор содержится в знаке, указывающем на количество. Частично эксплицитной актуализация бывает, если актуальное понятие обозначается знаком, который его локализует, указывает на него или напоминает о нем, либо представляет его, ассоциируя с уже выраженным контекстом. Знак может иметь мимический характер (жест, взгляд).

Хотя сам термин «актуализация» и основные принципы этой теории тесно связаны с именем Ш. Балли, нельзя не сказать о взглядах другого французского лингвиста Г. Гийома: «Слово „актуализация“ было мной предложено и постоянно употреблялось задолго до его использования Балли. И нигде больше актуализация языка, необходимая для производства речи, не была лучше объяснена и показана, как в моей работе по артиклю» (Гийом 1992: 9). Так же как и Балли, Г. Гийома занимает разработка глобальной проблемы язык — речь в виде противопоставления потенции и реализации, потенциальных и актуализированных единиц. Он считает, что язык существует в нас постоянно до любого акта выражения. Я говорю, объясняю с помощью языка. Моя речь, говорение имеет временную природу, а язык существует во мне постоянно, непрерывно. Все, что происходит в речи, определяется проблемами, поставленными языком, виртуальностью языка. Под любой реализацией языка лежит потенция: такой элемент языка, как имя существительное, находится в сознании говорящего в возможности (в потенции), прежде чем появиться в действительности (в реализации). Оформление операции перевода существительного из плана возможности в план действительности (когда человек думает или говорит) связана с другой операцией — операцией «освобождения» ряда грамматических категорий (число, род, падеж) от свойственной им ранее функции перевода возможного (потенциального) имени в имя действительное (реализованное). Следствием этого освобождения, считает Г. Гийом, было создание категории артикля. Не случайно категория артикля долгие годы оставалась в центре его научных изысканий. Язык — это вселенная, состоящая из идей «рассматривающих», которые могут трансформироваться в идеи «рассматриваемые». Рассматривающие идеи являются принадлежностью языка, а рассматриваемые, или рассмотренные, — речи, где они получа-

ют свое выражение с помощью языковых средств. Артикль — движущий агент этой трансформации, при которой возможность рассматриваемой идеи переводится в действительность рассматриваемой. В человеческом языке артикль представляет собой «такое словечко-реализатор, неиспользование которого становится фактором нереализации» (Гийом 1992: 125). Исследователи научного наследия Г. Гийома отмечают и такой момент: говоря об артикле как о достижении работы мысли, ученый выделял французский язык как наиболее развитый. Языки же, не обладающие значением артикля, по его мнению, представляют собой «архаический тип с рудиментарной психологией». Естественно, что реакция на подобные заявления, не раз повторенные Г. Гийомом в его статьях, была резко отрицательной, а автор был признан «шовинистом и националистом» (Гийом 1992: 175—176).

Согласно грамматической концепции Г. Гийома, в процессе порождения речи человеческая мысль движется от универсального к единичному и обратно, т. е. происходит актуализация виртуальных понятий, находящихся в сознании говорящего. Виртуальное имя превращается в актуализированное, которое показывает, какая часть объектов данного класса имеется в виду в акте речи. Гийом различает три степени актуализации: нулевая степень (неактуализированное понятие, вещь или действие в потенции), показатель — отсутствие артикля; промежуточная степень (объект в становлении), показатель — неопределенный артикль; полная актуализация идеи (объект в бытии), показатель — определенный артикль.

Таким образом, при актуализации высказывания для установления соотношенности его с действительностью используются разнообразные способы конкретизации языковых единиц, в том числе именная детерминация. Детерминацию можно понимать как в широком смысле (так обстоит дело в европейской традиции, где под этим термином имеется в виду любой вид модификации имен), так и в узком смысле (это характерно главным образом для американской традиции, где детерминация обозначает референциальную идентификацию, осуществляемую преимущественно грамматическими средствами). В данной работе принято более узкое понимание термина.

Именная детерминация осуществляется при участии детерминативов: грамматических средств, которые индивидуализируют понятие в качественно-количественном отношении, пространственно-временном и в отношении говорящего. Можно сказать, что актуализация как общий процесс перехода системных языковых единиц и их значений в речь осуществляется через детерминацию: детерминатив переводит виртуальный знак в часть речи и член предложения, выражая при этом грамматическую и семантическую детерминацию имени и конкретизируя его референцию. Общим свойством детерминативов считается

выражение детерминации (установки) существительного в предложении. Эта категория признается семантической, так как она отражает знания говорящих о внелингвистическом мире, и вместе с тем синтаксической, так как выступает в организации предложения и текста. Детерминация как частный случай более широкого явления актуализации связана, как уже говорилось выше, с ограничением объема понятий, выбором между всеобщим, частным или единичным, в связи с чем детерминативам приписывается генерализирующее или индивидуализирующее значение. Другой важнейшей функцией детерминативов является выражение известности / неизвестности, или определенности / неопределенности объекта; их назначение — показать степень определенности или неопределенности объекта для собеседника (Гак 1979: 91). Надо сказать, что именно понятия, связанные с выполнением этих основных функций детерминативов (генерализация, индивидуализация и особенно определенность / неопределенность) вызывают наибольший интерес исследователей, получая при этом самые разные, часто противоречивые толкования.

Взаимосвязь таких понятий, как актуализация и референция, совершенно естественна и очевидна. В одном из высказываний Н. Д. Арутюновой, которой принадлежат обобщающие и до сих пор не превзойденные в отечественном языкознании работы в области лингвистической теории референции, о Ш. Балли, «разработавшем наиболее глубоко лингвистическую теорию актуализации (в логической терминологии референции)», фактически ставится знак равенства между этими понятиями. Закономерно и появление нового понятия «референциальная актуализация», под которой понимается процесс установления референциальных отношений между актуализуемой в речи языковой единицей и объектом обозначения и кореферентных отношений между самими вводимыми элементами. Столь же естествен и очевиден набирающий силу процесс, известный как прагматизация теории референции. Уже давно не вызывает споров тезис о том, что «теория референции не может сбросить со счетов прагматику речи» (Арутюнова 1982: 11). В ходе осуществления референции язык ищет путь к действительности, актуализируясь в речи. Весьма показательны в этой связи слова одного из последователей основоположника теории актуализации Ш. Балли, Ж. Шисса, который утверждал: все то, что «в качестве нового реестра понятий» разработала внешняя лингвистика под названием прагматики, было давно уже открыто и описано, в части функционально-коммуникативных разысканий, его учителем, который положил в основу описания говорящего субъекта и сосредоточил внимание исследователей на его отношении к языку (причем в качестве говорящего субъекта рассматривался носитель родного языка, пользующийся спонтанной разговорной речью) (Chiss 1985: 85).

Расширение языковой базы логического анализа за счет включения в нее материала обыденной речи, рассматриваемой не только как реальность мысли, но и как орудие коммуникации, привело к появлению в концептуальном аппарате теории референции понятий коммуникативной установки говорящего, его интенции, фонда знаний собеседников, коммуникативной организации высказывания и т. д. Прагматический фактор обусловил необходимость учитывать все основные типы отношений, определяющих коммуникацию, т. е. перекрестные связи между языком, действительностью, ситуацией речи, говорящим и адресатом (Арутюнова 1982: 11). Особая заслуга отводится Л. Лински, связавшему акт референции с говорящим субъектом. Прагматическая формула значения проникла в теорию референции. Точно так же, как семантическая формула *the word means* «слово означает» была заменена формулой *the speaker means* «говорящий хочет сказать», вместо выражения *the noun phrase (the so-and-so) refers* «именная группа относится к такому-то предмету» стала использоваться формула *the speaker refers* «говорящий имеет в виду такой-то предмет». Вопрос о том, к кому/чему имеет референцию определенная дескрипция, вообще говоря, звучит странно... Референцию осуществляет говорящее лицо, а не языковое выражение (Линский 1982: 164—165). Определение О. Дюкро также выдержано в терминах прагматики: «Референция есть функция намерения говорящего или тех намерений, которые ему приписывает слушающий» (Дюкро 1982: 271).

Несколько иной точки зрения придерживается Ж. Клейбер. Он исходит из существования двух уровней референции: уровня внутренних потенциальных референциальных свойств лексических единиц и уровня актуальной референции в речевых актах, осуществляемой говорящим. При этом доказывается, что актуальная референция слов зависит от их виртуальной референциальной способности, понимаемой как отражение в смысловом содержании слов условий и соотносительности с экстралингвистическим объектом. Подобная трактовка расходится с мнением о том, что референция характеризует употребление языка говорящим и не является свойством самих выражений (Kleiber 1980: 74).

Признано, что референция в полном ее объеме характеризует не предложение, а высказывание: референция совершается говорящим в речевом акте. Поэтому проблемы референции — это проблемы механизмов и средств актуализации предложения, включенного в речевой акт и превращенного в высказывание. Высказывание, по мысли Э. Бенвениста, и есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования (Бенвенист 1974: 265).

Что касается актуализации и ее частного вида — именной детерминации, то здесь прагматический подход, ориентирован-

ный на процесс реальной коммуникации, на отношения между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в рамках человеческой деятельности (Гак 1992: 79), оказался чрезвычайно плодотворным как при рассмотрении целого ряда вопросов, касающихся референциального статуса именных групп, так и при трактовке одной из основных категорий детерминации — категории определенности/неопределенности.

В новейших исследованиях отмечается, что успехи в изучении соотношенности языковых выражений с внеязыковой действительностью, достигнутые за последние годы, позволили поставить вопрос о функционировании категории определенности/неопределенности как референциальной категории, о ее месте среди референциальных категорий, ее отграничения от смежных категорий известности/неизвестности, индивидуализированности/неиндивидуализированности и др. Стало очевидным, что проблема функционирования этой категории не может быть сведена к проблеме выбора определенного или неопределенного артикля (Шмелев 1992: 267). Действительно, категорию определенности/неопределенности до сих пор часто связывают только с артиклем. В соответствии с этим подходом языки, располагающие артиклями, получают и категорию определенности/неопределенности, а языки, в которых нет артиклей, такой категории якобы не имеют. Между тем совершенно очевидно, что артикль существует в языке не изолированно, а входит в систему детерминативов (определителей), которая присуща многим языкам, в том числе и безартиклевому. Отличие артиклевых языков от языков без артикля состоит не в отсутствии в последних категории определенности/неопределенности, а в отсутствии одного из способов выражения этой категории при наличии многих других. Факт наличия в языке артикля является как бы наиболее отчетливым проявлением этой категории. В. Матезиус считал определенность видовой модификацией, т. е. категорией вторичной. Видовой модификацией, по В. Матезиусу, является такое изменение значения слова, при котором основное значение остается незатронутым, тогда как при категориальных различиях значение слова полностью преобразуется. Так, переходность и непереходность в чешском языке — категориальные различия, определенность же в английском — видовая модификация. Видовая модификация в одном языке может быть существенной частью грамматической системы, а в другом — лишь дополнительным средством более точной квалификации значения. Так, существование артиклей в романских и германских языках, считает Матезиус, свидетельствует о том, что категория определенности/неопределенности является для них важной частью грамматической системы, тогда как отсутствие артиклей в древнеславянских языках показывает, что определенность имен существительных была для них случайным признаком (Mathesius 1947: 166—167).

Категория определенности/неопределенности присуща как артиклевым, так и безартиклевым языкам. От языка к языку она обнаруживается в разных формах, переkreшивается с другими категориями, вследствие чего эта категория очень трудно поддается «распределению по полкам». Неоднократно подвергались критике и сами термины «определенность» и «неопределенность» как неясные и расплывчатые. К осторожности в использовании этих слов призывали еще Ш. Балли и Г. Гийом, подчеркивавшие: нет ничего более неясного и, хуже того, бессмысленного, чем традиционное утверждение, что имя, предваряемое определенным артиклем, будет определенным, а имя, предваряемое неопределенным артиклем, будет неопределенным. Разум по традиции принимает эту игру слов без критики, но эти слова не отражают ничего реального, они ничего не говорят о психических процессах, которым артикль обязан своим существованием, о психическом механизме, который составляет смысл его существования (Гийом 1992: 32). Ш. Балли подметил двусмысленность грамматического понятия неопределенности, во всяком случае в отношении семантики неопределенных местоимений, «поскольку все, что мыслится как действительное, понимается как определенное или, по крайней мере, определяемое количественно, даже если это количество нельзя проверить. . . . Когда говорят о нескольких собаках, то число собак бывает или неизвестно или не выражено, но оно не неопределенно» (Балли 1955: 80).

Существует определенная эволюция в интерпретации категории определенности/неопределенности, касающаяся как сущности самой категории и выражаемых с ее помощью значений и отношений, так и формальных средств ее выражения. В более ранних работах преобладает логический подход, что легко объяснимо принадлежностью категории определенности/неопределенности к понятиям как лингвистического, так и философского плана. В философском плане определенность — это категория для обозначения любой формы обособленности объектов в том или ином отношении от других объектов, а также процессов. Неопределенность — это категория для обозначения необособленности объекта в том или ином отношении от других объектов, а также процессов. Согласно одной из распространенных точек зрения суть категории определенности/неопределенности базируется на противопоставлении общего и частного, индивида и рода. Значения общего и частного (отдельного, единичного, индивидуального) присущи имени существительному, они co-существуют в одном наименовании предмета как диалектическое единство противоположностей. Артикль признается лишь внешним показателем данных значений; уточняя значение имени существительного, обозначающего тот или иной предмет, регистрируя появление различных оттенков в значении имени существительного, форма артикля позволяет, таким образом,

представить один и тот же предмет с разных сторон, уточнить, о каком именно предмете данного рода идет речь. Так, грамматическое значение определенного артикля сводят к обобщенному указанию на то, что существительное употреблено со значением частного; оно наиболее отчетливо выступает в выделяющей функции артикля. Что касается неопределенного артикля, то его основное грамматическое значение видят в указании на то, что существительное употреблено со значением общего; оно наиболее отчетливо выступает в назывной функции.

С логическим аспектом категории определенности / неопределенности связан и такой вопрос: является ли эта категория объективной или же имеет субъективный характер? Интересный обзор разных, порой диаметрально противоположных точек зрения дан в диссертации Н. В. Решетниковой (1992: 53—54). Так, Г. Гийом, пытаясь доказать, что категория определенности / неопределенности является психологической, а не логической, исходит из чисто субъективных предпосылок. В его понимании, определенность / неопределенность — категория субъективного плана, специфика которой обусловлена особенностями восприятия познающего субъекта. Многие полагают, что понятия определенности / неопределенности не имеют прообраза в материальной предметной действительности и, следовательно, они представляют собой продукт сознания человека, продукт работы его мозга при познании реальных явлений. Другие вкладывают в эти понятия противоположный смысл, выводя определенность за пределы субъективного мира человека и акцентируя его внимание на объективных характеристиках.

Внимание к категории определенности / неопределенности объясняется не столько тем, что эти понятия могут быть выражены с помощью различных языковых средств, сколько с тем, что эта категория тесно связана с проблемами языкового функционирования, коммуникативным аспектом структуры языкового механизма. Интерес к функциональной грамматике вызвал к жизни расширительное толкование категории определенности / неопределенности. В ее сферу стали включаться не только формальные показатели (артиклы), но и языковые единицы, характеризующиеся как коммуникативные, — местоимения, прилагательные, описательные конструкции и т. д. Было признано, что адекватное описание этой категории невозможно без учета коммуникации, что существует целая область языковых явлений — употребление местоимений, пространственных и временных локализаторов, постановка артиклей, актуальное членение предложения, которые нельзя представить как дотекстовые и внетекстовые; наоборот, эти знаки получают смысл только в коммуникативной ситуации, где одновременно присутствуют и говорящий, и текст, и оформляющийся в нем смысл.

Теоретическое обоснование коммуникативного подхода к категории определенности / неопределенности содержится в пред-

доженном В. Г. Адмони выделении двух типов грамматических категорий: логико-грамматических и коммуникативно-грамматических (Адмони 1988: 36, 65—75). Категории первого типа в обобщенном виде выражают отражающиеся в человеческом сознании предметы, явления, процессы и отношения объективной действительности, например категории логико-грамматических типов предложения. Категории второго типа в обобщенном виде выражают и оформляют отношения говорящего к содержанию своего сообщения и всю ту неразрывную связь, которая существует между содержанием речи и самим процессом речевого общения между людьми, например категория модальности предложения. Признавая теснейшую связь этих двух типов грамматических категорий (логико-грамматические категории одновременно играют важнейшую роль в организации речи, необходимой для возможности осуществить коммуникацию, а коммуникативно-грамматические категории насыщены одновременно логическим содержанием), В. Г. Адмони отстаивает принципиальное различие их грамматической природы и основного содержания. Важнейшая особенность коммуникативно-грамматических категорий состоит в том, что они не могут быть раскрыты во всем своем своеобразии без обращения к конкретным формам и условиям, в которых протекает процесс речевого общения, без введения таких понятий, как «говорящий», «момент речи» и т. д. Такая точка зрения восходит к выдвинутой еще А. М. Пешковским концепции «субъективно-объективных синтаксических категорий», выражающих отношение говорящего к своей речи и к тем отношениям между частями ее, которые он в ней устанавливает (Пешковский 1956: 89). С этими концепциями перекрещивается принадлежащая Р. Якобсону интерпретация «шифтеров», т. е. категорий, характеризующих сообщаемый факт и/или его участников по отношению к факту сообщения либо к его участникам (Якобсон 1972: 95—113). Особый характер категорий типа определенность/неопределенность наиболее остро осознается представителями функциональной грамматики. А. В. Бондарко, один из создателей теории функционально-семантических полей, относит категорию определенности/неопределенности и некоторые другие категории к функционально-семантическим, актуализационным, реализующим то или иное языковое значение во взаимодействии с элементами разных языковых уровней. Отражая общую тенденцию к переносу центра тяжести на отношение высказывания к процессу коммуникации, к коммуникативной ситуации и прежде всего к говорящему с его коммуникативной установкой, А. В. Бондарко выделил три типа категорий: актуализационные, т. е. передающие тот или иной аспект отношения содержания высказывания к действительности с позиции говорящего; неактуализационные, т. е. не выражающие данного отношения, и категории с переменной актуализационной значимостью (они не

заклучают в своем содержании постоянного актуализационного признака, но могут участвовать наряду с другими средствами в его выражении). Рассматривая вопрос об актуализационных категориях, А. В. Бондарко выходит за пределы собственно морфологических категорий и предлагает новое понятие актуализационных функций, которые выполняются сочетаниями разнородных языковых средств и передают соотношенность содержания предложения с действительностью (включая отношение к говорящему в момент речи и точку зрения говорящего). Основываясь на двух типах отношения актуализационных функций к говорящему в момент его речи, А. В. Бондарко разграничивает ориентационные и неориентационные актуализационные функции. К первому типу принадлежат темпоральные и персональные функции; эти отношения не только устанавливаются говорящим в момент его речи, но и заключают в своем семантическом выражении ориентацию на исходную позицию актуализации как на своего рода точку отсчета. Ко второму типу относятся функции модальности и временной локализованности. Эти функции также определяются с точки зрения говорящего, и это отражается на их содержании, однако комплекс «говорящий в момент его речи» в данном случае не включается в содержание указанных функций как точка отсчета при «измерении» соответствующих отношений. Неоднократно подчеркивая, что актуализационные функции обоих типов связаны с точкой зрения говорящего, с его отношением к содержанию высказывания, А. В. Бондарко связывает значимость учения об актуализационных функциях с его выходом в теорию высказывания в самом широком смысле, в теорию текста и речевой ситуации (Бондарко 1984).

С точки зрения принципов функциональной грамматики проблема категории определенности/неопределенности должна решаться с учетом трех факторов: плана содержания, плана выражения и плана функционирования средств выражения этой категории в языке. В плане содержания функционально-семантическая категория определенности/неопределенности выражена значениями определенности/неопределенности; в плане выражения она представляет собой структуру, в состав которой входят средства разных уровней языка. В артиклевых языках артикль является ядром категории определенности/неопределенности, а морфологические, синтаксические и лексические средства составляют ее периферию.

Таким образом, что касается языков безартиклевых, в частности русского, в новейших исследованиях отмечается, что в работах, посвященных категории определенности/неопределенности, все еще недостаточно освещается тот факт, что между отдельными языковыми средствами, принимающими участие в выражении этой категории, существуют отношения взаимозависимости и определенной иерархии, в связи с чем целесооб-

разно описывать такую категорию в русском языке, как функционально-семантическое поле (Гладров 1992: 241). По мнению автора, поле определенности/неопределенности, как и другие функционально-семантические поля, представляет собой функциональное в своей основе единство, образуемое взаимодействующими языковыми единицами разных уровней, а сама категория рассматривается им как семантическая категория, отражающая учет говорящим информированности слушающего о названном существительным объекте действительности, и вместе с тем как поле, охватывающее разнородные формальные средства, служащие для передачи указанных отношений (там же: 241—242). Таким образом, лингвистический анализ позволяет обнаружить очень широкий круг средств, тем или иным образом связанных с выражением определенности/неопределенности как в артиклевых, так и безартиклевых языках. Эта универсальность (при самых разных способах выражения) является одной из самых важных черт категории определенности/неопределенности.

В рамках функционального подхода оформился целый ряд вопросов относительно внутренней организации и иерархичности компонентов категории определенности/неопределенности, в частности, являются ли определенность и неопределенность членами одной оппозиции и возможно ли их автономное существование? Этим далеко не исчерпывается круг спорных и нерешенных вопросов, однако при всем разнообразии подходов как к общей трактовке категории определенности/неопределенности, так и к рассмотрению отдельных аспектов этой проблемы современные исследователи практически единодушны в признании безусловно коммуникативного характера этой категории, привязанной к коммуникативному акту, ориентированной на участников коммуникации с их presupпозициями, интенциями, общим фондом знаний и т. д. Интересная попытка синтезировать логический и прагматический подходы к определенности/неопределенности предпринята А. Д. Шмелевым (1992: 271—273). Автор вводит понятие индивидуализирующего признака, который может быть тривиальным (например, признак, названный в компонентах высказывания, синтаксически подчиняющих данную именную группу) и нетривиальным (признак, либо названный в самой именной группе или в подчиненном синтаксическом компоненте, либо подразумеваемый в соответствии с контекстом или ситуацией). Интерпретация категории определенности/неопределенности выглядит следующим образом: именная группа является определенной, если ее референт обладает нетривиальными индивидуализирующими признаками (*Я прочел дипломную работу, написанную Петровым*); в противном случае, именная группа является неопределенной (*Петров написал хорошую дипломную работу*). Такой подход к определенности/неопределенности учитывает синтаксическую

структуру высказывания и может быть назван синтаксическим. Его достоинство автор видит в объединении сильных сторон логического и прагматического подходов.

Категория определенности/неопределенности раскрывается во всем своем своеобразии только при обращении к конкретным формам и условиям, в которых протекает процесс коммуникации, т. е. к тому, что так удачно названо the 'this - one - here - and - now - for - us - at - this - point - in - it' character of interaction (Schegloff 1990: 131). Сущность категории определенности/неопределенности обнаруживается в сфере «сообщения кому-то о чем-то»; она обозначает условия взаимопонимания и степень осведомленности собеседников о предмете высказывания в процессе общения. Как уже было сказано, определенность/неопределенность это не свойства предмета или предложения в его объективном существовании; они возникают лишь в плане сообщения, в плане достижения взаимопонимания, о каком именно предмете идет речь. Характерно, что все последовательнее проводится тезис о важности «человеческого момента» в категории определенности/неопределенности: действительно, отождествить, уподобить, интерпретировать и выполнить другие процедуры с участием категории определенности/неопределенности может только человек — автор речевого акта. Функционирование данной категории обусловлено актом коммуникации, отношением участников этого акта к предметам и явлениям материальной действительности. Сущность этого отношения заключается, по мнению большинства лингвистов, в том, что говорящий характеризует предмет как известный или неизвестный для слушающего, учитывая степень осведомленности последнего о данном предмете. Сколько бы ни говорилось о несводимости категории определенности/неопределенности к противопоставлению известного/неизвестного, о недопустимости знака равенства между оппозициями известное/неизвестное и определенное/неопределенное, коммуникативный подход к категории определенности/неопределенности неизбежно выдвигает на первый план способ представления объекта собеседнику, избираемый говорящим в соответствии с его оценкой общего с адресатом фонда знаний. «апперцептивной базы», уровнем осведомленности адресата о предмете сообщения. Так, определенность при прагматическом подходе чаще всего связывается с известностью референта участникам коммуникативного акта (в частности, необходимо, чтобы референт был известен адресату речи). При этом «известность» понимается не в бытовом смысле: не является необходимым «личное» знакомство с объектом, знание каких-либо его отличительных признаков, способность узнать объект, если он будет предъявлен. «Известным» может считаться любой объект, который когда-либо был введен в поле зрения участников коммуникации; в зависимости от способа введения различают апафорическую известность:

дейктическую определенность и апперцептивную известность (Шмелев 1992: 270). Весьма наглядно процесс представления объекта собеседнику изображен У. Чейфом в терминах «упаковочные статусы, или положения (packaging statuses)» (Чейф 1982: 264). Примерно так же, как упаковка товара может способствовать успешной торговле, «упаковочные статусы» действительно или, точнее, того, что они обозначают, способствуют пониманию адресатом той информации, которую передает ему говорящий. Суть «упаковок», придаваемых существительному в зависимости от того, как говорящий оценивает способность слушателя понять его в данный момент, сводится к следующему: если говорящий полагает, что адресат сможет идентифицировать объект, о котором идет речь, и выделить его из всех других, которые можно охарактеризовать тем же путем, то он придает объекту упаковочный статус «определенный», что формально выражается употреблением определенного артикля. Если же у говорящего нет уверенности или хотя бы возникают сомнения в упомянутых способностях адресата, существительному придается статус «неопределенный», формально — при помощи неопределенного артикля.

Таким образом, значения определенности / неопределенности возникают в конкретном акте коммуникации при взаимодействии целого ряда факторов: а) субъективное намерение говорящего представить предмет как определенный или неопределенный, б) осведомленность слушателя о предмете речи, в) условия речевого сообщения: непосредственный контакт собеседников или его отсутствие, нахождение предмета речи в поле зрения собеседников и т. д. Эти значения творятся коммуникантами (причем говорящему предоставляется, наряду с однозначными предписаниями, зафиксированными в языковой системе, некоторая свобода в постановке артикля или выборе других средств выражения категории определенности / неопределенности) с опорой на четыре основных фактора: предзнание, ситуативный, контекстный и фактор коммуникативной важности и репрезентации (Усманов 1979: 6—8). Первые три фактора, порождающие значение определенности, не требуют, видимо, объяснений. Последний фактор обуславливает значение неопределенности: в основе замысла говорящего лежит намерение сообщить не о предмете или явлении, входящих в его совместный с адресатом бытовой или речевой опыт, а о предмете, вошедшем только в его опыт и, следовательно, важном (новом) с его точки зрения, для собеседника. При таких условиях предмет или явление мысленно выделяются из ситуации и репрезентируются.

Основная задача коммуникативно-прагматической грамматики состоит в том, чтобы выяснить прагматическую силу (прагматический потенциал) грамматических средств, служащих для выражения прагматических категорий. Понятие прагматической силы языковых единиц соотносит грамматическую

систему языка с коммуникативным актом, в связи с чем особое значение приобретает «сфера коммуникантов», под которой подразумеваются субъект и адресат речи, связанные с ними коммуникативные интенции и прагматический эффект, а также межличностные отношения. Среди выделяемых типов категорий наибольшей прагматической силой обладают коммуникативно-грамматические: модальность, лицо, категория определенности / неопределенности. Эти категории в обобщенном виде выражают и оформляют отношение говорящего к содержанию своего сообщения и всю ту неразрывную и сложную связь, которая существует между содержанием речи и самим процессом речевого общения. Именно они играют исключительно важную роль в выборе коммуникативно существенной формы высказывания, определяя в конечном итоге достижение эффекта воздействия. В этой связи обращает на себя внимание аналогия, проводимая некоторыми исследователями между коммуникативно-грамматическими категориями модальности и категорией определенности / неопределенности. Полагают, что главный показатель определенности — определенный артикль, соответствует изъявительному наклонению глагола-сказуемого как принадлежащий к миру фактов, а его отсутствие — сослагательному наклонению (мир не-фактов, нереальный). Некоторые исследователи пытаются свести противопоставление определенности / неопределенности к противопоставлению модальности высказывания: так, высказывания с неопределенным артиклем представляют собой суждения возможностей, а с определенным — суждения действительности.

Категория определенности / неопределенности, пронизывающая всю систему дегерминативов, обеспечивающих актуализацию имени, ориентирована в первую очередь на участников коммуникативной ситуации, на общий фонд знаний говорящего и адресата как о языке — языковая компетенция, так и о внеязыковой действительности. Именно категория определенности / неопределенности в значительной степени обеспечивает достижение коммуникативного намерения говорящего; на ней зиждется взаимопонимание собеседников, в частности, правильная интерпретация адресатом референциальных намерений говорящего, составляющая важнейшее условие успешной коммуникации.

Вся категория определенности / неопределенности насквозь прагматична; этот тезис вряд ли требует доказательств. Можно было бы привести бесконечное количество примеров, иллюстрирующих высочайший прагматический потенциал этой категории; остановимся лишь на одном, ярком и, на наш взгляд, нетривиальном (Gimpertz 1982). Владелец дома в Калифорнии, затеявшие ремонт, обсуждают с маляром «фронт работ», показывая ему все комнаты и подсобные помещения. Войдя в просторную гостиную, стены которой увешаны картинами, маляр

спрашивает, как подчеркивает автор, «in a friendly way» «Who's the artist?» Хозяйка дома — англичанка отвечает: «The painter's not too well known. He's a modern London painter named...» После короткого замешательства немного смущенный маляр говорит ей: «I was wondering if someone in the family was an artist». В этой ситуации определенная дескрипция the artist оказалась причиной сбоя в коммуникации, несколько отличного от тех коммуникативных неудач, которые связаны с невозможностью однозначной идентификации референта определенной дескрипции, вызванных, как правило, разным уровнем осведомленности собеседников о предмете разговора (Емельянова 1992: 97—114). Хотя собеседники сознавали различия в языковой компетенции, речевых навыках и привычках (чему способствовал явный британский акцент хозяйки), они оказались неподготовленными к тем «трудностям интерпретации», с которыми им пришлось столкнуться. Вопрос, воспринятый хозяйкой буквально и, в соответствии с такой, казалось бы естественной интерпретацией, вызвавший ответ с фамилией художника, оказался на самом деле ни чем иным, как стереотипической (шаблонной) формулой выражения (formulaic use). Частотная повторяющаяся бытовая ситуация «демонстрация дома гостям» (в данном случае роль гостя отведена маляру) в американской традиции связана с использованием стереотипических выражений типа Who's the artist? Так, увидев впечатляющий набор кухонных приспособлений, человек, впервые посещающий дом, может сказать Who's the cook?, а заметив содержащиеся в образцовом порядке клумбы и газоны, вежливо поинтересоваться Who's the gardener? Это не обычные вопросы, требующие заполнения определенной информационной лакуны, а способ сделать хозяевам комплимент, сказать им что-то приятное, по достоинству оценив их усилия и способности. Речевое поведение собеседников, выполняющих в рамках подобных типических ситуаций роли «доброжелательный гость, которого все приводит в восторг» и «гостеприимный хозяин-скромница», обусловлено в первую очередь правилами вежливости, а вежливость по своей природе асимметрична: то, что вежливо по отношению к адресату, было бы некорректно по отношению к говорящему.

Говорящий, например, считает вежливым сказать собеседнику приятное, слушающий же считает своим долгом воспитанного человека не согласиться с комплиментом. Поэтому в нашей ситуации от адресата ожидается шаблонный ответ типа It's just a hobby; автор же комплимента должен с этим не согласиться, возразить: But they (pictures, flower-beds etc.) are really very good. Эта ситуация прекрасно вписывается в разработанную М. М. Бахтиным программу описания так называемых житейских жанров: каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории, следовательно, опре-

деленным репертуаром маленьких житейских жанров. «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т. е. все наши высказывания обладают определенными относительно устойчивыми типическими формами построения целого. ... даже в свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь в соответствии с определенными жанровыми формами, иногда штампованными, шаблонными, иногда более гибкими, пластическими, творческими» (Бахтин 1987: 211). Таким образом, в приведенном примере неверное истолкование «неудачного» стереотипического выражения с определенной дескрипцией *Who's the artist?*, вызванное прагматической рассогласованностью параметров говорящего — адресата, нарушило шаблонное развитие диалога в высокочастотной ситуации речи с присущей ей клишированностью. Представляется, что к ситуациям, подобным описанной, вполне приложимо понятие прагмемы, предложенное Гаком (1992: 82) в связи с ненформативными речевыми актами типа приветствий, формул вежливости и т. д., в которых план содержания образуется определенной социальной функцией, которую можно назвать прагмемой. Коммуникативный сбой, обусловленный в первую очередь прагматической рассогласованностью участников рассмотренной ситуации, подтверждает необходимость знания прагмем и способов их выражения для аутентичного владения языком и для правильного поведения в инокультурной среде. Как мы убедились, незнание прагмем может привести к неверной интерпретации, что создает особый «акцент поведения», который может характеризовать иностранца в не меньшей мере, чем чисто языковой.

2.2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕСКРИПЦИЙ С ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО И АДРЕСАТА

Введение прагматического фактора в теорию референции внесло изменение в трактовку таких основополагающих понятий, как определенные и неопределенные дескрипции, сместив традиционные акценты, делавшиеся на их логическом содержании и истинностном значении. По меткому наблюдению Н. Д. Арутюновой, учет прагматической стороны, т. е. переход от категорий языка к категориям речи, привел к расщеплению многих языковых понятий на две разновидности, одна из которых определяется по отношению к говорящему, а другая по отношению к адресату сообщения, а также к распределению языковых категорий по их большей связи с автором или адресатом речевого акта (ср. *speaker's* или *user's based* и *hearer's based categories*). В определение всех категорий, соотносимых с говорящим, было внесено понятие коммуникативного намерения. Включившись в сферу, центром которой является автор речи, референция также была интерпретирована как одно из проявлений интенции (Арутюнова 1976: 188—189). Вот характерный

пример истолкования информации, сообщаемой говорящим, который решает использовать выражение с определенной референцией: *«В моем ментальном мире имеется уникальная сущность, о которой я намереваюсь кое-что сказать. Данная описательная фраза достаточна для того, чтобы вы могли найти или создать некоторую уникальную сущность в вашей модели мира, используя весь контекст и общие значения (относительно мира, правил речевого общения и моего собственного состояния), о наличии которого у вас я делаю предположительный вывод на основании моей модели о вас в настоящий момент»* (Виноград 1983: 151). В этом определении очерчен весь круг процессов, происходящих в «текущем контексте говорящего и слушающего» при употреблении определенной дескрипции с целью идентификации референта. Оно содержит и ряд спорных моментов, например (что отмечает и сам автор), описывает определенную референцию в терминах сообщения относительно сущностей и дескрипций в соответствующих материальных мирах, а не суждения об объектах реального мира. Приведенное определение, кроме того, подразумевает взаимодействие говорящего и адресата, активную роль обоих коммуникантов в акте установления определенной референции: говорящий может делать выбор определителей на основании заключения о процессах, которые использует слушающий при интерпретации данного выражения, а слушающий может основывать свою интерпретацию на умозаключениях относительно состояния и деятельности говорящего. Наблюдения за ходом реального речевого общения позволили по достоинству оценить значение межличностных отношений; успешность идентификации референта во многом зависит от заинтересованности собеседников в предмете разговора, от готовности адресата к сотрудничеству, к выполнению своей доли коммуникативных обязанностей. Основная коммуникативная функция определенных дескрипций — осуществление идентифицирующей номинации, выбор которой всецело определяется прагматическими факторами: при референтном употреблении определенная дескрипция дает адресату инструкцию для выделения из поля, доступного его восприятию или знанию, лица или предмета, о котором делается сообщение, причем избранные индивидуализирующие признаки обусловлены прагматически, в первую очередь — требованием знания их адресатом.

Прагматическая точка зрения на неопределенные дескрипции (если отвлечься от их функциональной неоднородности, см. (Куно 1982: 292—339)), также ставит во главу угла коммуникативное намерение говорящего, иными словами, «замысел отправителя». В этой связи принято ссылаться на работу И. Беллерт, по мнению которой так называемая категория неопределенности сигнализирует о различии в степени осведомленности собеседников: объект детерминирован только в замысле отпра-

вителя, он может быть определен однозначно только через намерение говорящего, произносящего данную неопределенную дескрипцию в данный момент (Беллерт 1978: 172—207). Если в случае употребления определенной дескрипции говорящий хочет, чтобы адресат однозначно опознал объект его референции, при использовании неопределенной дескрипции говорящий не выдвигает такого требования по отношению к собеседнику: он лишь дает понять, что имеет в виду определенный объект, который, однако, неизвестен адресату и который поэтому тот не должен идентифицировать, т. е. отождествить с каким-то известным ему по предшествующему упоминанию или из совместного опыта объектом. Различают так называемые слабоопределенные дескрипции с семантическим компонентом «объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему» и собственно неопределенные дескрипции с компонентом «объект неизвестен говорящему».

Вопрос о референтном и нереферентном употреблении определенных и неопределенных дескрипций также получил во многом новое освещение благодаря учету в оценке логического содержания высказывания прагматического фактора, т. е. употребления высказываний разными людьми с разными коммуникативными намерениями. Взгляды исследователей устремились к контекстам, допускающим неоднозначное прочтение дескрипций: конкретное vs неконкретное (*specific vs nonspecific*), референтное vs атрибутивное, причем все эти термины многими авторами используются как по отношению к неопределенным, так и определенным дескрипциям, в том числе и родовым. Чрезвычайно показательным для прагматического подхода оказалась интерпретация дескрипций с позиций двух главных участников коммуникации — говорящего и адресата: то, что для говорящего является референтным, может быть интерпретировано как нереферентное (атрибутивное) с точки зрения адресата — и наоборот.

Известно, что первоначально разграничение референтного и атрибутивного употреблений касалось только определенных дескрипций (Доннелан 1982: 134—160). При референтном употреблении определенные дескрипции относятся к объекту, известному собеседникам; говорящий имеет в виду конкретное лицо (предмет) и использует определенную дескрипцию для того, чтобы дать возможность слушателям выделить это лицо (предмет), о котором идет речь, а потом сообщить нечто про это лицо (предмет). При атрибутивном употреблении говорящий использует определенные дескрипции для утверждения, касающегося того лица или предмета, которое удовлетворяет дескрипции, кто бы он ни был, т. е. не имеет в виду конкретного объекта. Определенная дескрипция относится к неизвестному объекту, существование и единичность которого имплицитно сообщается (классический убийца Смита, автор анонимного письма

водитель машины, свалившейся в кювет, которых говорящий не в состоянии идентифицировать). Критерий различения референтных и атрибутивных определенных дескрипций зависит от того, идет ли речь о конкретном лице или любом таком, которое соответствует дескрипции. Уже сам К. Доннелан подчеркивал, что определенным дескрипциям не всегда можно приписать референтную функцию в отрыве от конкретного повода, в связи с которым она употребляется: является ли данное употребление определенных дескрипций референтным или атрибутивным, зависит от намерений говорящего в данном частном случае. Решая вопрос о характере неоднозначности предложений типа *Убийца Смита — сумасшедший*, К. Доннелан отвергает возможность считать ее как грамматической (поскольку грамматическая структура предложения остается и при референтном и при атрибутивном употреблении одной и той же), так и семантической (лексической) и высказывает «интуитивное предположение», которое он сам не в состоянии доказать: такие предложения прагматически неоднозначны, ибо различие функций, выполняемых дескрипцией, зависит от намерения говорящего. Хотя К. Доннелан возлагал бремя доказательства на приверженцев противоположной точки зрения, время показало, что последователей прагматического подхода в данном вопросе гораздо больше и ими сделано немало интересного.

Атрибутивное употребление традиционно противопоставляется референтному как нереферентное, однако существует и несколько иная точка зрения. Так, уже упоминавшийся Ж. Клейбер утверждает, что как референтное, так и атрибутивное употребление определенных дескрипций служит целям референции к определенному единичному объекту, т. е. оба по существу референтны. Различие между ними заключается в самом объекте референции: при референтном употреблении это экстралингвистический объект, взятый как некое целое, при атрибутивном — свойства объекта, отраженные в определенной дескрипции (атрибутивное употребление, по мнению Ж. Клейбера, возможно только для определенных дескрипций, которые могут выполнять функцию предиката (Kleiber 1980: 236)).

В дальнейшем противопоставление референтного использования атрибутивному было распространено многими исследователями и на неопределенные дескрипции. Это ни в коей мере не затрагивало признаваемого всеми принципиального как с точки зрения логического содержания, так и прагматических (коммуникативных) функций различия между определенными и неопределенными дескрипциями и в какой-то степени было вынужденным шагом. Особый интерес лингвистов всегда вызывали случаи *ambiguity*, т. е. контексты, допускающие неоднозначную интерпретацию определенных и неопределенных дескрипций, и на определенном этапе возникла необходимость в терминологии, которая была бы применима к анализу обоих

видов языковых выражений. Пока же неоднозначность в предложениях типа (1) I'd like to marry a doctor и (2) John would like to marry a girl his parents don't approve of представлялась как различие между двумя разновидностями неопределенного артикля с отличительной чертой [\pm Specific] (конкретное/неконкретное), а неоднозначность в предложениях типа (3) John wants to kill the man who lives in Apt 3 продолжала описываться в терминах атрибутивного-референтного прочтения (Partee 1972). Неоднозначность неопределенных дескрипций в предложении (2) связана с возможностью двух интерпретаций: 1) Джон имеет в виду конкретную девушку, и тот факт, что родителям она не нравится, является описательной информацией об этой девушке, не влияющей на решимость Джона жениться именно на этой девушке; 2) Джон не имеет в виду никакой конкретной девушки, и, возможно, такой девушки не существует вовсе; здесь неодобрение родителей не является описательной информацией о некоей конкретной девушке, на которой Джон хочет жениться, а представляет собой атрибут (свойство), которое Джон, испытывающий, по-видимому, какие-то трудности во взаимоотношениях со своими родителями и мечтающий им досадить, будет учитывать в поисках невесты.

Аналогично в предложении (3), отличающемся от (2) тем, что любая его интерпретация включает в себя пресуппозицию существования объекта, обозначенного определенной дескрипцией, возможны два прочтения: 1) объект ненависти Джона — определенный конкретный человек, и определенная дескрипция используется говорящим для того, чтобы произвести референцию к этому человеку; 2) Джон, возможно, и не знает, кто живет в квартире № 3, но поскольку он живет прямо под этой квартирой и сыт по горло шумом наверху, он решает убить человека, который там живет. — кем бы он ни был.

Решение о предпочтительности референтного [$+$ Specific] или атрибутивного [$-$ Specific] прочтения неопределенных дескрипций в предложениях (2) и (3) восходит к особенностям употребления определенных дескрипций, подмеченным все тем же К. Донпеланом: при референтном употреблении определенной дескрипции это лишь одно из возможных средств для привлечения внимания к лицу или предмету, причем может быть использовано любое другое средство, позволяющее достичь ту же цель, т. е. другая дескрипция или просто собственное имя. При атрибутивном употреблении атрибут, обозначенный дескрипцией, имеет первостепенную важность, а при референтном употреблении это не так (Донпелан 1982: 139). В этих словах сформулирован один из важнейших критериев разграничения референтного и атрибутивного употреблений определенной дескрипции, получивший название Substitutivity of identity, что можно примерно перевести как «возможность замены идентифицирующего выражения». Этот принцип заклю-

чается в следующем: референтное использование определенной дескрипции не предполагает наличия семантической связи между значением идентифицирующей дескрипции и значением самого сообщения, т. е. предиката предложения; идентифицирующий признак как бы случаен по отношению к предикату и выбирается по причинам, не зависящим от выбора предиката. Напротив, при атрибутивном употреблении такая связь обычно имеется: предикат, как правило, стимулируется тем же событием, которое дало повод для выбора идентифицирующей дескрипции. При таком употреблении определенной дескрипции имеется в виду предмет (лицо) не во всей совокупности его свойств, а лишь в том аспекте, который выделен дескрипцией.

Проанализировав в этом ключе большое количество неоднозначных с точки зрения прочтения определенных и неопределенных дескрипций предложений, некоторые исследователи распространили сказанное о референтном и атрибутивном употреблении определенных дескрипций на неопределенные и пришли к следующему выводу: при отсутствии тесной семантической связи между содержанием дескрипции и остального предложения предпочтительно референтное прочтение ОД и НД, которые предназначены скорее для идентификации (*We left the dog tied to the black fence*) или частичной идентификации (*John is dating a girl from Alabama that he met several years ago*) конкретного объекта. При наличии же тесной семантической связи между содержанием определенных/неопределенных дескрипций и всего остального предложения предпочтительно атрибутивное прочтение: *Since I heard it from a doctor, I'm inclined to take it seriously.* (Здесь, по мнению Б. Холл Парти, можно предположить: что бы ни услышал говорящий, это было нечто, связанное со специальной компетенцией именно врача.) С этих позиций даже такое, на первый взгляд, ясное и недвусмысленное предложение, как *I heard it from a doctor*, должно считаться неоднозначным, причем в полном соответствии с тезисом о значении тесной семантической связи, автор предпочитает и здесь атрибутивное прочтение неопределенной дескрипции. Следует отметить, что, отстаивая возможность атрибутивного прочтения не только определенных, но и неопределенных дескрипций, Б. Холл Парти оставляет открытым вопрос о характере неоднозначности, т. е. не может с уверенностью сказать, является ли эта неоднозначность синтаксической, семантической или прагматической (Partee 1972).

Во многих более поздних работах последовательно противопоставляется подход лингвистов-теоретиков, занятых главным образом анализом и сопоставлением различных моделей лингвистического описания, и подход «прагматиков», ставящих во главу угла процесс реальной коммуникации и межличностные отношения говорящего и адресата. Намеренно сгущая краски, один из приверженцев прагматического подхода утверждает, что

если следовать указаниям любителей абстрактных рассуждений, даже такое «невинное» предложение, как *A butcher in my home town gave his girlfriend a fur coat for her birthday*, может иметь не менее тридцати двух (!) различных прочтений, обусловленных выбором между референтным и атрибутивным истолкованием содержащихся в нем дескрипций (Schoorl 1980). В конкретной коммуникативной ситуации, считает автор, адресат вряд ли сталкивается с такими непреодолимыми трудностями при интерпретации дескрипций. Далее критике подвергается признанный критерий *substitutivity of identity*, поскольку референтно использованные дескрипции не более подлежат такой замене, чем при их атрибутивном использовании, причем речь снова идет как об определенных, так и неопределенных дескрипциях. Хотя замена одной дескрипции на другую, описывающую тот же объект, возможно, и не затрагивает истинностное значение предложения в целом, считает автор, она может изменить его коммуникативную значимость и уместность (приемлемость). Излишне буквально, на наш взгляд, восприняв слова К. Доннелана о том, что референтная дескрипция — это лишь одно из возможных средств для привлечения внимания к лицу или предмету, которое может быть заменено любым другим, позволяющим достичь ту же цель, автор в полемическом задоре доводит свободу выбора идентифицирующего признака до абсолютной, ничем не ограниченной произвольности, чего вовсе не имел в виду К. Доннелан. Вряд ли кому-либо в здравом уме и твердой памяти придет в голову обратиться к своему заболевшему другу с вопросом *Shall I get you a tall man with a red beard?*, даже если врач, которого вы имеете в виду, — очень высокий мужчина с густой рыжей бородой. Столь же абсурдна и излишня рекомендация не говорить *The commissioner is looking for the chairman of the hospital*, если занимающий первый пост мистер Браун ищет занимающего второй пост мистера Арбутнота по делам, никак не связанным с их служебным положением. Подобные предложения действительно способны ввести адресата в заблуждение, но они слишком невероятны в реальном процессе коммуникации. Справедливости ради следует отметить некоторые наблюдения автора, которые несколько не опровергают К. Доннелана, а, скорее, развивают его концепцию в прагматическом аспекте. В самом деле, при референтном употреблении неопределенных дескрипций говорящий не просто представляет адресату какой-то новый объект, о котором делается сообщение. Он еще старается облегчить для адресата понимание, убедить, удивить или поддразнить своего собеседника и пытается сделать это с наименьшей затратой усилий — как со своей стороны, так и со стороны адресата. Правильно, удачно выбранная неопределенная дескрипция позволяет говорящему добиться сразу нескольких вещей: не только ввести в дискурс новый референт, но также обеспечить слуша-

теля фоновой информацией для полной реализации своих коммуникативных намерений. Ведь даже абсолютная неосведомленность адресата не заставляет нас молчать; от нас лишь требуется использовать подходящую неопределенную дескрипцию, подавая таким образом сигнал о необходимости начать новое «ментальное досье» и подготовить его для дальнейшего использования. Точно так же, как неопределенная дескрипция дает нам возможность предоставить адресату нужные фоновые знания, когда их у него нет, определенная дескрипция позволяет активизировать нужную фоновую информацию, которая содержится в хранящихся в памяти адресата «ментальных досье», но не приводится в действие сама по себе, без внешнего стимула в виде определенной дескрипции.

Если у Б. Холл Парти вопрос о характере неоднозначности (референтное vs атрибутивное) определенных и неопределенных дескрипций оставался открытым, то более поздние исследователи уверены, что это прагматическая проблема. Следующим шагом в этом направлении явилось разграничение атрибутивного и референтного прочтений одной и той же дескрипции для говорящего и для адресата в рамках одного коммуникативного акта. Так, Е. Табаковска на примере предложений с относительными рестриктивными придаточными рассматривает все возможные варианты (Tabakowska 1980). По ее мнению, предложение *I lit the cigar that my colleagues Bill Lake and Mona Meyerling had given me when they had stopped by to visit a few days before* будет иметь референтное как для говорящего, так и для адресата прочтение определенной дескрипции [+ Specifying], [+ Definite] для говорящего и [+ Specifying], [+ Definite] для адресата, если оба участника коммуникативной ситуации были свидетелями того, как говорящему была предложена сигара, и теперь могли бы ее однозначно идентифицировать. На наш взгляд, здесь требуются некоторые оговорки, связанные с характером высказывания. Оно явно тяготеет к авторскому повествованию, а не к диалогу персонажей. Если говорящий — персонаж, от лица которого ведется повествование, то кого в таком случае считать здесь адресатом? В художественной коммуникации принято различать реального адресата, которому направлено литературное произведение, т. е. читателя, и адресата реплик персонажей. Их называют соответственно внешним и внутренним адресатом. В данном случае речь, по-видимому, может идти только о внешнем, реальном адресате — читателе. Внешний адресат в отличие от внутреннего никак не мог присутствовать при передаче сигары говорящему. Видимо, чувствуя уязвимость такого подхода, автор в дальнейшем добавляет к экстралингвистическому контексту еще один фактор, обеспечивающий возможность идентификации — предшествующее упоминание.

Иное прочтение та же определенная дескрипция получает в

ситуации, когда адресат не располагает информацией, которая дала бы ему возможность действительно идентифицировать сигару, о которой идет речь. Автор полагает, что здесь мы имеем дело с дескрипцией, референтной для говорящего, но атрибутивной для адресата: иными словами, определенная дескрипция [+ Specifying] и для говорящего и для адресата, но [+ Definite] для говорящего и [— Definite] для адресата.

Возможен и прямо противоположный случай: I would like to see the cigar that your colleagues Bill Lake and Mona Meyerling had given you when they had stopped by to visit a few days before. Говорящий знает, что адресат получил от коллег одну и только одну сигару, но не может ее идентифицировать. Дескрипция будет референтной для адресата, но атрибутивной с точки зрения говорящего: [+ Specifying] для говорящего и адресата, но [+ Definite] для адресата и [— Definite] для говорящего.

Только в тех случаях, когда определенная дескрипция используется референтно как для говорящего, так и для адресата, т. е. возможна идентификация референта для обоих коммуникантов ([+ Specifying], [+ Definite] для говорящего и для адресата), определенный артикль может считаться истинным определенным детерминативом. В связи с рассмотренной прагматической неоднозначностью определенной дескрипции автор обнаруживает у определенного артикля оппозицию прагматической определенности (объект может быть идентифицирован обоими коммуникантами) / прагматической неопределенности (объект может быть идентифицирован лишь одним из коммуникантов, либо говорящим, либо адресатом), что звучит достаточно парадоксально.

Для неопределенных дескрипций также возможно несколько вариантов прочтения, описываемых через признак [\mp Specifying]. Так, например, предложение They tell me that you have written an / some article that deals with English determiners допускает атрибутивное прочтение для говорящего, но, с точки зрения адресата, оно референтно: [— Specifying] для говорящего и [+ Specifying] для адресата. Примером референтного с точки зрения говорящего, но атрибутивного для адресата прочтения неопределенной дескрипции может служить предложение I just remembered what a man I talked to at Mary's said: [+ Specifying] для говорящего и [— Specifying] для адресата.

Несмотря на некоторую неестественность и надуманность ряда примеров, приводимых автором для иллюстрации своих взглядов, предложенный Е. Табаковска подход безусловно заслуживает внимания в силу своей оригинальности и перспективности. Ведь в значительно более поздних исследованиях прямо говорится о существовании двух прагматик: прагматики коммуникатора (говорящего) и прагматики реципиента (адресата) (Ермакова, Земская 1993: 30).

Интерес к указанной проблематике не ослабевает; подобный анализ можно было бы продолжать довольно долго, вовлекая в сферу рассмотрения все новых авторов и все новые более или менее типичные случаи употребления определенных и неопределенных дескрипций, особенно таких, где не удастся однозначно соотнести дескрипцию с контекстом. Исследователи постоянно сопоставляют выделяемые разновидности с предложенным К. Доннеланом противопоставлением рсферентного и атрибутивного прочтений дескрипций, которое практически единодушно признается прагматическим. Анализ ведется с применением разных терминов: *definite vs indefinite*; *specific vs nonspecific*; *referent vs attributive*, причем большинство приходит к следующему выводу: конкретные (+ *Specific*) именные группы могут быть неоднозначны: для них возможно как референтное, так и атрибутивное прочтение, в то время как неконкретные (— *Specific*) именные группы по самой своей природе всегда атрибутивны, поскольку их потенциальные референты неидентифицируемы. Обращает на себя внимание неустойчивость терминологии, когда авторы вкладывают в один и тот же термин совершенно разный смысл. Это еще больше затрудняет определение референциального статуса отдельных именных групп. Так, несколько неожиданным выглядит замечание, что обычно (правда, никаких ссылок автор не дает) примеры типа *A dog bit me last night* трактуются как неконкретное употребление неопределенных дескрипций, поскольку животное, о котором идет речь, не идентифицировано (Werth 1980). В довольно большом объеме специальной литературы нам не встретилось признания неопределенных дескрипций в таких предложениях неконкретными. Можно ли ставить знак равенства между «конкретным» и «идентифицированным»? Это зависит от понимания «идентифицированности». Все-таки большинство исследователей применяют этот термин только к определенным дескрипциям; правда, иногда говорят о полной и неполной идентификации, идентификации до уровня конкретного выделенного объекта или до уровня члена класса, и тогда в сферу действия попадают и неопределенные дескрипции. Сам П. Верт относит данную неопределенную дескрипцию к конкретным, справедливо отмечая, что не следует смешивать понятия «конкретного» и «определенного»: «...certainly as far as the speaker is concerned, it was a painfully specific dog». Заметим, что даже в его анализ, в целом не делающий различия в интерпретации дескрипций говорящим и адресатом, проникает это разграничение, чрезвычайно важное, по-видимому, для понимания всей проблемы референции и функционирования дескрипций. Оно настолько существенно, что его просто невозможно игнорировать, оно неизбежно дает знать о себе.

Неконкретные дескрипции связаны с так называемыми контекстами снятой утвердительности. Их объединяет то, что ре-

ферент дескрипции не зафиксирован в реальном мире, а лишь в предполагаемой или воображаемой действительности. Обычно все неопределенные дескрипции в побудительных высказываниях рассматриваются как неконкретные, но П. Верт проводит более тонкое различие, связанное с лексическим характером глагола. Так, в предложениях (1) *Make me a sandwich* и (2) *Pass me a sandwich* неопределенные дескрипции неконкретны и нереферентны, однако только в (1) дескрипция признается чисто неконкретной (*pure non-specific*), поскольку в этом предложении выражено побуждение к действию, которое создаст (приведет к существованию) еще не существующего объекта. В (2) выражено побуждение к действию, касающемуся одного из уже существующих объектов, поэтому неопределенная дескрипция рассматривается как неконкретная анафорическая.

Неконкретные анафорические дескрипции нереферентны: анафора может быть текстовой (*Seeing all the kittens in the shop, Jane made up her mind to look for a female*) и ситуативной (*Pass me a sandwich*). Особо выделяются «чистые анафорики», которые имеют референцию исключительно к тексту и не обязательно соответствуют чему-либо во внетекстовой действительности: *We're looking for a home for some kittens. The home that we find must be warm and loving.*

Надо сказать, что противопоставление анафорического употребления неанафорическому для определенных и неопределенных дескрипций открывает целый комплекс проблем особого рода. Анафорическое употребление подразумевает существование некоего antecedenta (в самом широком и неопределенном понимании). Значит, сразу встает вопрос о характере отношения (корреляция — коассигнация — коассигнафикация и т. д.) между antecedentом и дескрипцией, которая, как мы только что убедились, может быть определенной и неопределенной, конкретной и неконкретной. Не имея возможности подробно остановиться на этой проблеме, укажем лишь, что новейшие достижения в этой области представлены в книге «Человеческий фактор в языке» (1992).

Предикаты желания и намерения *want, wish, look for, hope for* etc., у которых пропозиция по смыслу соотносится с еще не наступившим событием, допускают как конкретное, так и неконкретное прочтение объектной неопределенной дескрипции. По мнению Р. Джакендофф, указанные глаголы обозначают такое положение вещей, при котором субъект рассматривает еще не реализованную ситуацию и занимает какую-то определенную позицию или предпринимает определенные действия для реализации этой ситуации (Jackendoff 1972). Например, *John wants to catch a fish*: нереализованная ситуация — поимка рыбы; отношение к реализации этой ситуации положительное. *John is afraid to catch a fish*: нереализованная ситуация та же, но отношение к ней отрицательное. Подобные глаголы содержат се-

мантический признак «нереализованность», который применим к некоторой части семантической интерпретации предложения. Если в предложении утверждается, что некоторое положение вещей или действие реализовано в реальном мире, из этого следует, что участники этих ситуаций могут быть идентифицированы. Но если ситуация еще не реализована, существует две возможности: или участники уже могут быть идентифицированы и только их участие еще не реализовано; или идентификация участников зависит от возможности реализации ситуации; дескрипция относится не к конкретному предмету, а только к предполагаемому, воображаемому. Объект еще не существует, но предполагается его существование в будущем. С указанными возможностями связана и двоякая интерпретация объектных неопределенных дескрипций — конкретная и неконкретная.

Нельзя не заметить, что в большинстве работ по актуализации и референции дескрипций их функционирование анализируется не само по себе, а в тесном взаимодействии с самыми разными элементами высказывания, прежде всего с типами предиката. Так, гипотетические определенные дескрипции связаны с так называемыми миропорождающими предикатами. Это предикаты особой семантики, способные создавать «особый мир» гипотетического предположения, воображения, устанавливать некоторую воображаемую «предметную область» приложения языка: *If they have a son, the boy will inherit the money.* Н. Д. Арутюнова полагает, что референтность гипотетических дескрипций зависит от осуществления условия (Арутюнова 1976: 193). Вероятно, их следует считать нереферентными, так как за точку отсчета здесь берутся координаты «других миров» (Падучева 1985: 157).

Помимо отдельных наблюдений, касающихся зависимости прочтения дескрипций от типа предиката, предпринимались попытки выявить общие закономерности взаимоотношений именных и глагольных составляющих. Так, П. Верт выделяет три основных типа предиката: итеративные, генерализирующие и стипулятивные (*iterative, generalizing, stipulative*). Генерализирующие предикаты создают обобщающие (универсальные) высказывания; они обычно соотносены с нереферентными родовыми дескрипциями, как определенными, так и неопределенными: *The horse and mule live for 40 years. Water finds its own level. Fools rush in where angels fear to tread.* Итеративные предикаты, в понимании автора, обозначают реальные (действительные) события или положения вещей. Итеративы включают как повторяющиеся, так и однократные реальные действия, состояния и процессы. Они, как правило, предполагают конкретно-референтные дескрипции: *A horse on a neighbouring farm lived for 50 years. The water quickly drained away. Some fools tried to sell me a sweepstake ticket.* Наконец, стипулятивные предикаты обо-

значают переальное положение вещей. Они утверждают некоторые условия существования, которые должны быть выполнены, прежде чем может быть гарантировано существование и сочетаются с неконкретными дескрипциями: *A horse would speed my escape. Pure rain water should be used on house plants. Only a fool would buy a car without inspecting it.* В этом свете автор рассматривает и противопоставление референтного / атрибутивного прочтения определенных дескрипций в классическом примере К. Доннелана *The murderer of Smith is insane* и приходит к выводу, что референтное употребление (*The murderer of John Smith, i. e. Peter Brown, who's now languishing in Broadmoor, is insane*) подразумевает реальное положение существующего объекта и, следовательно, итеративно. Атрибутивное же употребление (*Whoever murdered John Smith must be insane*) утверждает выведенный путем умозаключения факт о предполагаемом объекте и, следовательно, должно быть признано стипулятивным.

Существуют и более детальные классификации (Лебедева 1991). Автор исходит из того, что для реализации референтных свойств субъекта далеко не безразличны семантические характеристики других членов предложения, в том числе и предиката. Ориентация предиката на денотат субъектного выражения находит отражение в согласовании семантических признаков предиката с референциальными признаками субъекта. Оговарив, что термин «референт» обозначает то, с чем соотносится высказывание как целое, Л. Б. Лебедева выделяет следующие референциальные типы высказывания. 1. Индивидуные высказывания, или высказывания об индивидуальных объектах, выделенных среди всех других объектов, находящихся в поле зрения говорящего и адресата и заранее им известных. Предикаты в индивидуальных высказываниях могут быть как ситуативными, т. е. локализованными в пространстве и времени (*Петр вышел из дома*), только во времени (*Петр пошел*), локализованными только в пространстве (*Петр живет в Киеве*) и обобщенными, т. е. не имеющими ни временной, ни пространственной локализации (*Петр честен / хорошо рисует*).

2. Индивидуализирующие высказывания, выполняющие в тексте интродуктивную функцию, т. е. вводящие новый объект обсуждения (*Жил-был разбойник. Одна девочка пошла в лес за грибами*). Для индивидуализирующих высказываний наиболее типичны экзистенциальные предикаты; возможны и другие их типы, сообщающие некоторую информацию о референте.

3. Высказывания о ситуативных множествах, референтом которых являются множества неиндивидуализированных объектов, объединенных в рамках какой-либо ситуации, множества, локализованные во времени и пространстве (*Все вещи при пожаре сгорели*).

4. Высказывания о стабильных множествах, образуемых пе-

индивидуализированными объектами, связанными с отдельным индивидуализированным объектом одним из типов широкого отношения принадлежности (*собака Поздрева, страницы журнала, дети Иванова* и т. д.). В них используются предикаты с временной или пространственной локализацией, совмещающие временные и пространственные показатели (*Книги этого писателя являются библиографической редкостью. Все стулья мадам Петуховой были распроданы с аукциона*).

5. Экстенциональные высказывания о множествах объектов, определяемых по отношению к экстенционалу понятия, выраженного субъектным именем или именным выражением. На семантику предикатов накладывается одно существенное ограничение: они не локализованы ни во времени, ни в пространстве (*Все зрители любят счастливые развязки*).

6. В интенциональных высказываниях характер предиката или, скорее, связи между субъектом и предикатом, обусловлен принадлежностью референта к системе понятий, организующих представления человека о внешнем мире (отношения включения, сходства, различия, противоположности и т. д.: *Глухим согласны противостоят звонкие*).

В других работах предпринимались попытки выделения наиболее значимых типов глагольного действия с учетом референтной отнесенности имен в роли субъекта этого действия, т. е., по существу, некоторых скрытых семантических категорий глагольного действия; наиболее общей оппозицией при этом оказывается «самостоятельное, осознанное действие либо деятельность» / «несамостоятельное, неосознанное действие» или «бытийное состояние» (Бацевич 1990). Характерный для исследователей особенно последнего десятилетия коммуниктивно-прагматический подход проявляется в утверждении автора, что типы глагольного действия связаны с именами конкретных референтных классов имен субъектов не жестко, а функционально подвижно; последнее зависит от интенции, коммуникативной установки говорящего, могущего представить референты имен субъектов как физические тела, субстанции и т. д.

В отечественной лингвистике вообще существует прочная традиция анализа взаимодействия разных компонентов предложения — не только внутри именной и внутри глагольной групп, но и между ними; в качестве примера часто приводится соответствие периферентного употребления дескрипций панхроническому (вневременному, гномическому) употреблению предиката. Давно замечено, что в русском языке предикатное имя может приобретать вторичную для него идентифицирующую функцию не только с помощью местоименных детерминативов, берущих на себя индексальную роль, но и сочетаясь с глагольными формами совершенного вида прошедшего времени. Так, предложение *Шалун уж заморозил пальчик* и без местоименного детерминатива, превращающего именную группу в опреде-

ленную дескрипцию, может быть понято только как сообщение о конкретном лице, хотя имя «шалун» в первую очередь предикатное (Булыгина 1980: 349).

Еще более интересно наблюдение, касающееся наречий типа *часто, всегда, иногда, иной раз, обычно*, включаемых в функционально-семантическое поле аспектуальности и обнаруживающих иногда глубинную связь с именным, а не глагольным компонентом предложения; выступая в качестве синонимов присубстантивных квантсоров *многие, немногие, все, некоторые, иной, большинство*, они ограничивают соответствующим образом объем денотата именной группы: *Лингвисты редко обладают математическими способностями* примерно равно *Немногие лингвисты обладают математическими способностями*; *Математики иногда прекрасно разбираются в лингвистике* примерно равно *Некоторые математики прекрасно разбираются в лингвистике* (там же: 351). В подобных явлениях видна родственность значений глагольных и именных квантификаторов. Нельзя не согласиться, что категории, характеризующие предикатные слова и именные выражения, не отделены друг от друга «китайской стеной»; безусловно заслуживают внимания слова автора о возможности обнаружения в будущем некоторых общих семантических «суперкатегорий», действующих как в сфере имен, так и в сфере предикатов. В качестве одного из кандидатов на эту роль может претендовать категория «пространственно-временной локализованности», относящаяся к характеру референции — как имени, так и глагола. Не случайно Е. В. Падучева, намечая перспективы в изучении проблем референции, говорит о переносе центра внимания с именных групп на пропозициональные компоненты предложения и изучение тех референциальных значений, которые выражаются в группе глагола. С позиций именной и глагольной референции должна подвергнуться анализу квантификация событий, состояний и вообще ситуаций. Это проблемы противопоставления единичных и повторяющихся ситуаций; определенных и неопределенных; ситуаций индивидуализированных и родовых; ситуаций, имеющих место в определенный момент времени и не локализованных во времени; ситуаций с четкой и нечеткой временной локализацией (Падучева 1985: 247—248). Уже простой перечень возможных типов ситуаций показывает важность всестороннего исследования видов взаимодействия именных и глагольных категорий разных компонентов предложения.

2.3. РОЛЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСПЕШНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕФЕРЕНТА

Категория говорящего субъекта — центральная категория современной прагматики — приобретает исключительное значение во всех вопросах, связанных с референцией. В полном соот-

ветствии с принципом антропоцентризма речи, развивающим знаменитый тезис Э. Бенвениста о субъективности речи (Бенвенист 1974), отправной точкой большинства исследований становится признание главенствующей роли говорящего, по воле и в соответствии с намерениями которого вообще возникает то или иное речевое произведение. Так называемому фактору адресата, под давлением которого происходит обработка речи говорящим, уделяется несколько меньше внимания, хотя все признают, что без адресата, на восприятие и реакцию которого в широком смысле ориентирована речь, коммуникации не существует. Далеко не случайно одно из недавних определений прагматики, принадлежащее признанному авторитету в этой области А. Вежбицка, звучит так: «Наука, изучающая лингвистическое (языковое) взаимодействие между „я“ и „ты“, называется прагматикой» (Wierzbicka 1991: 5). Общение и состоит во взаимодействии говорящего (я) и слушающего (ты), которое в диалоге сопровождается активной меной их ролей. Изучение естественного диалога дает исследователю материал, показывающий не только намерения говорящего, но и то, какую интерпретацию и реакцию они вызывают у адресата.

Роль адресата предполагает не только коммуникативные права, но и определенные обязанности: основной принцип сотрудничества требует делать свой вклад в речевое общение соответствующим принятой цели и направлению разговора от каждого участника диалога. Главное требование к любому акту общения — ориентация на взаимное понимание. Условия выполнения этого требования таковы: планируя и произнося свое высказывание, говорящий антиципирует возможности и способности понимания слушающего в данной ситуации и соответственно оформляет свое высказывание. Адресат, со своей стороны, антиципирует ожидания говорящего и воспринимает, интерпретирует высказывание на этом фоне. Готовность адресата к сотрудничеству, его желание пройти свою часть пути навстречу говорящему для обеспечения успешности коммуникации приобретают особое значение во всем, что связано с интерпретацией референциальных намерений говорящего. Говорящий, собираясь произвести определенную референцию, должен правильно оценить способность адресата однозначно идентифицировать референт определенной дескрипции: «Для ситуации общения представляет интерес, думаю ли я, что вы уже знаете и можете отождествить тот референт, который я имею в виду. Если я думаю, что вы сумеете это сделать, то сообщу соответствующей единице статус определенности. Предположение состоит в этом случае не только в том, что я полагаю, что вам известен данный референт, но и в том, что я полагаю, что из всех референтов, которые могут быть отнесены к данной категории, вы можете выбрать тот, который я имею в виду» (Чейф 1982: 232).

Наблюдения за ходом реального речевого общения позво-
ли-

ли по достоинству оценить значение межличностных отношений: успешность идентификации референта во многом зависит от заинтересованности собеседников в предмете разговора, от готовности адресата к сотрудничеству, к выполнению своей доли коммуникативных обязанностей. В некоторых ситуациях успешность определенной референции самым тесным образом связана с готовностью адресата к сотрудничеству. В работе Ч. Лайонза сделана попытка установить два уровня приемлемости (acceptability) определенных дескрипций, которые он соотносит, скорее, с коммуникативной компетенцией, чем с семантической сложностью определенного артикля (Lyons 1980). Первый уровень приемлемости требует знания референта определенных дескрипций как говорящим, так и адресатом. Знание понимается как знание о принадлежности референта к прагматически ограниченному общему набору (shared set) объектов, определенному предшествующим или текущим дискурсом или по ассоциации. Это «строгое, жесткое» употребление определенной дескрипции, при котором говорящий «взывает» к общим знаниям адресата о принадлежности объекта к таким наборам. Здесь определенный артикль использован в своем «буквальном» значении и употребление определенной дескрипции всегда будет успешным.

Второй уровень приемлемости автор обнаруживает в ситуациях, в которых адресат не располагает заранее совместным с говорящим знанием о принадлежности референта к общему набору. Исследователи постоянно подчеркивают неидентичность семантических представлений говорящего и адресата, в качестве частной сферы которых могут рассматриваться прагматические компоненты (Кибрик 1992: 22). Различия между ними могут быть связаны, например, с тем, что говорящий не обеспечил слушающего всеми необходимыми средствами для восстановления того семантического представления, которое он имел в виду, и с тем, что адресат «плохо слушает». Так вот, на этом уровне приемлемости имеет место более свободное употребление определенной дескрипции, успешность которой зависит от того, насколько адресат готов к сотрудничеству, в частности, к принятию менее жестко обусловленного использования определенного артикля. Примером могут служить предложения типа Meet me at the horse-trough или Beware of the spotted bubal, в которых определенная дескрипция содержит новую для адресата информацию, поэтому ему не на что опереться при идентификации референта определенной дескрипции. Так, адресат не знает о существовании такой вещи, как horse-trough (поилка для лошадей), в городке, куда он попал, но хотя horse-troughs и не являются больше типичной чертой городов, адресат, скорее всего, сочтет присланным данное высказывание, предположив, что в городе должна быть всего одна поилка для лошадей и что любой житель города наверняка укажет ему дорогу. Менее предсказуемо поведение адресата в ситуации с

определенной дескрипцией the spotted bubal, смысл которой ему совершенно непонятен. Однако и здесь он может догадаться, что это скорее всего какое-то животное, возможно, опасное, и находится оно где-то поблизости — и поступит соответствующим образом, подтвердив успешность устного или письменного предостережения. Очевидно, что от адресата в подобных случаях требуется не то, что при «буквальном» употреблении определенного аргумента: ему бесполезно оглядываться на прошлый совместный с говорящим опыт или рыться в своей памяти. Общие знания не существуют заранее, они как бы устанавливаются самым актом определенной референции; при этом адресат должен взаимодействовать активно, используя свое воображение и мыслительные способности. Однако адресат может оказаться неспособным к сотрудничеству или отказаться от него, отвергнув определенную референцию, задав вопрос The what? или What bubal? Более того, Ч. Лайонз видит возможность выбора для адресата даже при интерпретации таких обычных высказываний, как The new maid is frightfully careless или I'll get the butler to show you out. По мнению автора, если адресат — гость в доме своих новых соседей и не знает, что у хозяев есть горничная и дворецкий, он может либо отвергнуть определенную референцию, усмотрев в определенной дескрипции посягательство на свои коммуникативные права, либо все же проявить готовность к сотрудничеству и принять определенную референцию — именно на это вправе рассчитывать говорящий при нормальном, не отягощенном конфликтами течении коммуникации.

Как отмечают исследователи, в идеальной форме обычного диалога два участника общения олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи; взаимная заинтересованность обоих участников диалога в успехе коммуникации помогает как бы равномерному распределению ответственности за нее между говорящим и слушающим (Винокур 1993: 85). Все рассмотренные ранее примеры подразумевали участие двух коммуникантов, т. е. диалог в строгом смысле. Это неудивительно, ибо именно в элементарной диалогической ситуации — разговоре двоих при непосредственной словесной реакции на только что сказанное — первично реализуется воссоединение коммуникативных ролей говорящего и слушающего, которое легло в основу бахтинской теории «вечного диалога». Однако число участников коммуникативной ситуации может быть различным; они могут существенно отличаться друг от друга по многим параметрам, в том числе по степени заинтересованности и осведомленности о предмете разговора. Такие ситуации требуют от говорящего дополнительных усилий в поисках общего языка со своими собеседниками и обязательного учета указанных отличий. Это особенно важно для

правильной интерпретации референциальных намерений говорящего при использовании определенных и неопределенных дескрипций.

Говорящий несет ответственность за такое конструирование своего высказывания, чтобы все участвующие в разговоре могли следить за тем, что он говорит, и понимать, о ком/о чем идет речь. Он отводит различным слушающим различные роли, а затем решает, как оформить высказывание, основываясь на своих знаниях, убеждениях и предположениях о том, что знают, в чем убеждены и что предполагают слушающие в соответствии с отведенными им ролями. Исходя из этого, одним из фундаментальных свойств высказывания предлагается считать «эскиз аудитории» (audience design), включающий четыре роли: 1) сам говорящий, 2) участники, 3) адресаты, 4) случайные слушающие (Кларк, Карлсон 1986). Важнейшей частью эскиза аудитории является осуществляемое говорящим распределение ролей между слушающими, причем необходимо, чтобы мнения говорящего и его партнеров по коммуникации относительно того, кому отведена роль участника, а кому роль адресата, совпадали. То, что говорится, направлено прежде всего на адресатов. Обычно адресатами являются те члены аудитории, по отношению к которым (в отличие от просто участников) у говорящего при конструировании высказывания имеются наиболее прямые и очевидные цели и по отношению к которым употребляется или может быть употреблено обращение. Случайные слушающие — это те слушающие, которых говорящий не намеревался включить в число получающих сообщение, но которые тем не менее его слышали. Различаются известные и неизвестные случайные слушающие; предполагается, что говорящий может иметь намерения в отношении обеих разновидностей и соответствующим образом конструировать свои высказывания. Авторы подробно рассматривают, какими средствами (пространственное расположение, течение разговора, жесты, манера речи, языковое содержание) говорящий отделяет участников от случайных слушателей и устанавливает, кто из участников должен выступать в роли адресата. В работе содержится тонкий и убедительно аргументированный анализ принципов включения, равновозможности, индивидуального распознавания и т. д., яркие и остроумные примеры иллюстрируют способы введения в заблуждение путем тайной договоренности между говорящим и сторонним участником. Но самое непосредственное отношение к интересующей нас проблематике имеют так называемые частичные информативы, в которых говорящий не полностью информирует всех участников о речевых актах, направленных адресатам. В частичных информативах намерение говорящего состоит не в том, чтобы обмануть участников, — совсем наоборот: не сообщая им всей информации, он добива-

ется кооперации через умолчание. Представим, что Элен и Сэм находятся в гостях у Нэнси, где происходит следующее.

Элен (Сэму, в присутствии Нэнси): Сэм, нам бы не забыть о намеченной встрече.

Элен (Нэнси, в присутствии Сэма): Извини, Нэнси, но нам пора уходить.

Информатив в первом высказывании является неполным. То, о чем Элен в действительности напоминает Сэму, — это именно определенная встреча (например, встреча с адвокатом для обсуждения опротестованного завещания), т. е. это такая встреча, о которой Нэнси не может догадаться. Если бы Элен обращалась к Нэнси, она бы сказала не «the appointment» (с определенным артиклем), а «an appointment» (с неопределенным артиклем), как в высказывании *Sam and I have an appointment — sorry, but we have to leave now* 'У нас с Сэмом назначена встреча, извини, но нам пора уходить'.

Из приведенного примера видно, что в одном и том же высказывании часто бывает невозможно соблюсти интересы и адресатов и сторонних участников. От Элен требуется употребить определенную дескрипцию (the appointment) по отношению к Сэму, напоминая ему об известной ему определенной встрече, — и неопределенную дескрипцию (an appointment) по отношению к Нэнси, информируя ее о какой-то неопределенной для нее встрече. Поскольку одновременно соблюсти интересы обоих слушающих невозможно, авторы предлагают следовать такому правилу: в первую очередь соблюсти интересы адресата. Действительно, трудно не согласиться с тем, что если бы говорящим приходилось разъяснять участникам каждую деталь того, что они говорят, разговоры бы заходили в тупик; частичные информативы, таким образом, способствуют эффективности коммуникации.

Весьма перспективны исследования, посвященные зависимости прочтения дескрипций от типа предиката, особенно попытки выявления общих закономерностей взаимоотношения именных и глагольных составляющих.

Результаты прагматического анализа функционирования дескрипций убеждают в правильности высказанного многими философами и лингвистами утверждения, что референция осуществляется не языковыми выражениями как таковыми, но людьми при помощи языковых выражений. Именно поэтому проблема референции — это проблема прагматическая, и роль языкового выражения зависит не столько от его синтаксической или семантической категории (т. е. от того, является ли оно именем собственным, определенной дескрипцией или местоимением), сколько от говорящего, от контекста и от presuppositions говорящего в этом контексте.

ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ДЕЙКСИСА

3.1. ВВЕДЕНИЕ

В любой области науки полезно подвергать основополагающие идеи и предположения критическому обзору и переоценке. Взяться за такой критический обзор означает применить в отношении теоретической мысли подход, который Ф. Михайлов (1990) называет «рефлексивным», в отличие от такого, который предполагает принятие доминирующей теоретической парадигмы без критики, таким образом повторяя его противоречия и недостатки и сохраняя его глубину. Эта глава задумана как вклад в такую «рефлексивную» переоценку дейктической теории.

Цель работы заключается в том, чтобы критически оценить основные положения того, что будет называться «нормативной теорией» дейксиса, в частности, утверждение об «эгоцентричности» дейксиса. Под «нормативной теорией» понимается то, что в настоящее время считается основой в исследовании дейксиса и может быть обнаружено с незначительными видоизменениями в вышедших недавно работах таких лингвистов, как Дж. Лайонз (Lyons 1977; 1982), С. Левинсон (Levinson 1983), Дж. Райх (Rauh 1983), Дж. Браун и Дж. Юль (Brown, Jule 1983), К. Грин (Green 1992a, b), Р. Трейси (Tracy 1983), Ч. Филмор (Fillmore 1971), В. В. Бурлакова (1988) и многих других. Не сомненно наиболее значительный, единственный в своем роде вклад в развитие «нормативной теории» сделан Карлом Бюлером (Bühler 1990). Соответственно все рассуждения будут, в основном, базироваться на теории К. Бюлера в его собственном изложении с редкими отсылками к более поздним концепциям. Будет предпринята попытка показать, что утверждение об эгоцентричности, присущей дейксису, недостаточно обосновано теоретически и эмпирически и имеет нежелательный резонанс в плане его философского осмысления. В завершение предлагается возможный альтернативный подход к изучению дейксиса, основанный на совершенно иных предположениях.

3.2. НОРМАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ДЕЙКСИСА

Нормативная теория строится на следующих положениях, которые можно представить так:

1) «... основная функция дейксиса заключается в том, чтобы соотносить объекты и ситуации, относительно которых в

языке осуществляется референция с пространственно-временной нулевой отметкой — здесь-и-сейчас — в контексте высказывания» (Lyons 1982: 121);

2) нулевая отметка (здесь-и-сейчас) «эгоцентрична» в том смысле, что «говорящий благодаря тому, что он является говорящим, рассматривает себя как носителя роли эго и соотносит все со своей точкой зрения» (Lyons 1977: 638).

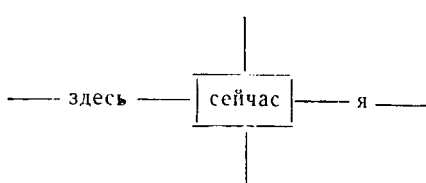
Эгоцентризм в этом смысле призван быть «основной характеристикой дейксиса» в современной лингвистике (Бурлакова 1988: 76) и, как показывает анализ литературы, является ключевым моментом для консенсуса ученых, поддерживающих нормативную теорию. Так, Дж. Лайонз уверенно заявляет, что «все, кто когда-либо изучал дейксис, обычно признавали эгоцентричность нулевой точки» (Lyons 1982: 76). С. Левинсон утверждает, что «то, что дейксис эгоцентрично структурирован, обычно соответствует действительности (но не всегда)» (Levinson 1983: 140). Р. Трейси связывает эгоцентричность, присущую дейксису, и «эгоцентризм» ребенка в духе Ж. Пиаже, утверждая, что эгоцентризм непременно характеризует любую обрабатывающую систему, так как она может соотносить опыт только со своими внутренними состояниями» (Tracy 1983: 140). К. Грин также заявляет, что в «дейксисе существует центр ориентации, который неизменно эгоцентричен» и одобрительно отзывается о хорошо известном описании дейктических терминов, как «эгоцентричных элементов» у Б. Рассела (Russell 1963). В то время как С. Левинсон и особенно Дж. Лайонз сделали большой вклад в достижение такого консенсуса, их собственные исследования в значительной мере испытали влияние трактовки дейксиса К. Бюлером.

3.3. ТЕОРИЯ ДЕЙКСИСА К. БЮЛЕРА

Прежде чем К. Бюлер развил свой подход, понятие дейксиса уже было хорошо известно философам и лингвистам. Таким образом, его идеи были не совсем новыми, как он справедливо признавал, тем не менее его трактовка представляла собой смелую попытку создать объяснительную теоретическую систему. Однако следует учитывать, что К. Бюлер пришел к изучению языка скорее как психолог, а не как лингвист и искал в языке доказательства в поддержку определенной психологической модели: «Здесь (т. е. в этой книге. — П. Д.) психолог предлагает, как, по его мнению, следует трактовать некоторые лингвистические факты» (Bühler 1990: 126). К. Бюлер часто обращает внимание на то, что он понимает как параллелизм психологических и лингвистических структур: «Я едва мог поверить своим глазам, когда обнаружил, что заключения, сделанные на основе лингвистических фактов, после более тща-

тельного изучения оказались идентичны результатам, полученным на основе теории визуального восприятия или ментального представления (*Vorstellungslehre*), которые были мне знакомы» (Ibid.: 96). Более того, в то время как К. Бюлер для доказательства обращается к этимологическому исследованию индоевропейских языков, его собственную трактовку дейксиса едва ли можно рассматривать как синхронный лингвистический анализ. Напротив, основные понятия представлены и получают свое развитие в достаточно общем, умозрительном ключе или *a priori*, концептуальная основа происходит более или менее непосредственно из психологической модели со случайным упоминанием современного использования дейктической терминологии и без попытки системного описания слов, форм дискурса или аспектов дейктического поля. Следовательно, для понимания теории дейксиса К. Бюлера необходимо познакомиться с его психологической моделью.

Психологическая концепция К. Бюлера основывается на концепции самостоятельно перемещающегося и действующего индивидуума, ориентирующегося в мире с помощью визуальных «ориентиров или маркеров, которые функционируют как сигналы для живых существ». Соответственно большая часть его обсуждения связана с анализом «субъективной ориентации бодрствующего индивида» (Bühler 1990: 143) и того, каким образом индивидуум ощущает «визуальное пространство» и ориентируется в нем относительно «своего осязательного образа тела» (Ibid.: 145). Его интерпретация указательных терминов в русле этой концепции происходит из «обычной пространственной ориентации бодрствующего лица в данной ситуации его реального восприятия» (Ibid.: 147), и его задача состоит в том, чтобы показать, «как реализация значения дейктических слов связана с сенсорными дейктическими ориентирами и также показать, как эта реализация зависит от этих ориентиров и их эквивалентов» (Ibid.: 94). Это решается путем установления прямой связи между дейктическими словами и перцептуальным состоянием этого бодрствующего и самоосознающего индивидуума: «Всякий, кто сознает и осознает себя, ориентирован в данной ситуации реального восприятия, и это означает, в свою очередь, то, что вся сенсорная информация, которая к нему поступает, последовательно запечатлевается в системе координат, источником (или исходной точкой координат) которых является то, на что указывают дейктические слова *здесь, сейчас и я*» (Ibid.: 169). Данная система координат К. Бюлера называется в языке «дейктическим полем» в отличие от «символического поля» и представляет его в виде известной сейчас схемы (Ibid.: 117), приводимой ниже, с «О» для обозначения «*Origo*», «источника», «точки координат» или «нулевой точки» (Ibid.: 149) и дейктическими словами *здесь, сейчас и я*, представляющими и выражающими «точку *я — здесь — сейчас*» (Ibid.: 143).

К. Бюлер получает «исходное значение своих трех дейктических слов путем использования особого методологического принципа, а именно «благотворного и действенного лексикологического принципа», согласно которому значение следует искать в «сенсорном содержании» (Ibid.: 128). Например: «Любой человек может со мной заговорить и сказать я. Я должен на него посмотреть или, когда это невозможно, только слушать говорящего. Основное значение я, его первичная функция, заключается в том, чтобы я посмотрел на произносящего слово я физиогномическим или патогномичным взглядом» (Ibid.: 120). Или далее «Для воспринимающего зрительный сигнал нет ничего более естественного, чем то, что он должен повернуться по направлению к источнику звука. В случае с вербальными коммуникативными знаками их источник расположен в позиции говорящего и является говорящим. Оба слова и *здесь* и *сейчас* предполагают реакцию или, по крайней мере, на нее рассчитаны. В этом смысле их функция как дейктических слов идентична» (Ibid.: 125). Установив, таким образом, «нулевую точку», или исходную точку для дейктических координат, К. Бюлер может представить относительно нее все другие точки: «Относительно исходной точки перцептуального *здесь* лингвистически отмечаются все другие пространственные точки, и относительно исходного *сейчас* — все другие позиции во времени» (Ibid.: 122).

В силу того, что дейктическое поле порождается перцептуальным состоянием самоосознающего индивидуума, оно, по его определению, «эгоцентрично», и, следовательно, «все участники коммуникации являются и остаются вовлеченными» в «эту систему координат "субъективной ориентации"» (Ibid.: 118). Референциальные характеристики дейктических слов будут, таким образом, варьироваться относительно их эго-источника: «Каждый может сказать я, и всякий, кто это говорит, обозначает объект, отличный от любого другого» (Ibid.: 119). Соответственно *здесь* обозначает действительное местоположение говорящего и это положение может измениться со сменой говорящего и речевого акта. Таким же образом обозначает или нет ты, будучи употребленным дважды, носителя того же самого имени собственного, определяется случайно» (Ibid.: 119).

В более широком плане язык сам по себе в значительной степени представляется «связующей инстанцией» (Ibid.: XXXV), осуществляя возможную связь между этими точками самоосознания индивидуумов, каждый из которых «действует в пределах

своей системы» и, следовательно, «хорошо ориентирован» и в то же время способен также понимать «поведение другого» (Ibid.: 118). Общую картину вербальной коммуникации, которую К. Бюлер развивает на этой основе, он называет «системой научного познания модели языка» (Ibid.: 34 ff) и использует достаточно сложную версию стандартной модели кодирования—декодирования (отправитель—получатель), в которой символ выражает «внутренние состояния отправителя» и направляет «внутреннее и внешнее поведение получателя» (Ibid.: 35). Поскольку К. Бюлер учитывает социальную природу языка (об этом см. ниже), то индивидуальное восприятие и поведение являются атомарными элементами социальной жизни, элементами, которые, будучи привычными и общими для всех участников речевого акта, могут показаться скорее результатом, чем предварительным условием успешного общения; и трактовка К. Бюлером указательного слова *мы*, соответственно, является поверхностной и пренебрежительной: «Как и слово *я*, слово *мы* естественно предполагает для своей реализации наличие дейктических ориентиров, но, кажется, оно изначально на шаг дальше, чем *я*, удалено от пограничной значимости чисто указательного знака. Ибо оно как-то требует, предполагает формирования класса людей...» (Ibid.: 160). Таким образом, в то время, как собственно дейктические слова лишь указывают, и это указание стоит на первом месте, слово *мы* имеет свойства называющего слова или «концептуального знака» (Ibid.: 160), принадлежащего поэтому, скорее, к символическому, а не к дейктическому полю.

Важно отметить, что, несмотря на признание К. Бюлером социальной природы коммуникативного акта и его настойчивое требование, чтобы знаки рассматривались как «межсубъектные посредники» (Ibid.: 48), первым слабым звеном его психологически обоснованной теории дейктического поля является адресат или получатель, который просто отсутствует в системе координат (см. схему на с. 85). Такая асоциальная, односторонняя направленность является типичной для традиционного подхода. Сравним, например, диктум Дж. Лайонза «*loquor ergo sum*» (почему также не «*audio ergo sum*»?) и его утверждение, что «говорящий благодаря тому, что он является говорящим, вводит себя в роль эго и передает все, исходя из своей точки координат» (Lyons 1977: 638). Действительно, Дж. Лайонз утверждает, что «каноническая ситуация произнесения эгоцентрична сама по себе» (Ibid.). Для К. Грина мир дискурса «является в первую очередь выражением субъективной природы кодирующего» (Green 1992a: 32), а «язык представляет собой драму, в которой первое лицо исполняет главную роль» (Ibid.: 43). Б. Крик (Kryk: 1987) рассматривает дейксис как явление, полностью соответствующее нуждам говорящего: «Основная роль дейксиса... (заключается в том, чтобы позволить. — П. Д.)

говорящему привязывать свои высказывания к экстралингвистическому миру» (Ibid.: 1289). Соответственно, ее подход связан с положениями ситуативной семантики Дж. Барвайза и Дж. Перри (Barwise and Perry 1983), согласно которой в ситуации общения высказывание должно произноситься кем-то, в каком-то месте и в какое-то время.

Иначе говоря, позиция говорящего оказывается не занятой. Довольно парадоксально, что на дейксис часто ссылаются для подтверждения взаимозависимости языковой структуры и коммуникативной функции и тем не менее коммуникация довольно часто описывается исключительно как акт самовыражения одного индивидуума.

Такова в целом концептуальная основа нормативной теории дейксиса. Перцептуальный опыт или перцептуальное поле индивидуума фактически не связано с процессом социального общения и обладает вполне натуралистическим свойством, отраженным в значении дейктических слов — «перцептуального *здесь*» и «перцептуального *сейчас*». Предлагается, по существу, эмпирический подход к статусу человека, как он определен в классической формулировке Дж. Локка. Эмпиризм, как и рационализм Р. Декарта, исходит из того, что «эго» является теоретической изначальной точкой, «абстрактным, общественным, но самодостаточным, собственническим индивидуумом, вокруг которого вращаются материальный и социальный миры» П. Мюльхослер и Р. Харре (Muhlhauser, Harre 1990: 120). Именно философия индивидуализма «заключается в том, что люди становятся владельцами самих себя, хозяевами своей собственности и своих способностей и, таким образом, независимыми деятелями» (Ibid.: 119). Индивидуальное я, как утверждается, существует до всяких социальных и политических формаций, так же как оно предшествует опыту как таковому и является его условием. В рамках марксистских традиций этот аспект эмпиризма часто характеризуется как эпистемологическая модель «Робинзона Крузо», возведенная вокруг «сказочной ситуации», (Шуенков 1982: 45), согласно которой человеческое восприятие и мысль развиваются предсоциально натуралистическим образом под влиянием прямого воздействия мира на сознание индивидуума. Работа К. Бюлера является не чем иным, как переносом философского индивидуализма в теорию языка посредством эмпирической философии человеческой деятельности и восприятия. Причина практически всеобщего «нерефлексивного» принятия основы концепции К. Бюлера заключается в ее согласованности с индивидуализмом и субъективизмом (в эмпирической и рационалистской версии). Теперь более внимательно рассмотрим теоретические импликации концепции дейктического «origo» или нулевой точки у К. Бюлера.

3.4. ЭГОЦЕНТРИЧНОСТЬ И НУЛЕВАЯ ТОЧКА

Как мы убедились, К. Бюлер настаивает на том, что сенсорные данные представляют собой «записанную в определенном порядке» или скоординированную систему, «основу которой составляет то, на что указывают дейктические слова *здесь*, *сейчас* и *я*» (Bühler 1990: 143), и об этой основе, как точке сосредоточения *здесь — сейчас — я*, он говорит везде. Но на что именно указывают эти слова? Чем конкретно является точка «*здесь—сейчас—я*», от которой и на которую указывают слова? Прибегая к одной из любимых аналогий К. Бюлера, это напоминает ситуацию, когда человека просят представить себе нечто вроде солипсистического указателя, который показывает направление как в некую самореференциальную точку, так и из нее. Кажется, что К. Бюлер представляет индивидуумов, перемещающихся и действующих в мире с помощью таких «точек» для ориентации, что представляет собой мнение, далекое от того, чтобы его можно было считать самоочевидным. Кроме того, вся система будет работать только тогда, когда существование и параметры этой субъективной точки, или центра, устанавливаются независимо от социального акта коммуникации.

Такую асоциальную концепцию центра, как оказывается, однако, трудно поддержать по целому ряду причин. Во-первых, эти три термина (*здесь—сейчас—я*) исключительно релятивны и имеют какое бы то ни было значение только в оппозиции к другим терминам (*там—тогда—ты*), которые предполагают наличие и идентификацию реальностей — люди, места и время — вне заколдованного круга индивидуальной субъективности. Иными словами, не может быть *я*, пока одновременно нет *вы*, нет говорящего, пока нет слушающего. Как пишет об этом К. Грин: «*Я* — это такая функция, которая предполагает другие роли, в частности *ты*, как другого участника общения» (Green 1992a: 43). Таким же образом общее значение *здесь* и *сейчас* предполагает соответственно расщепление пространственной и временной реальности, имплицитно уже установленную способность отличать себя от не-себя. Короче, нельзя определить параметры центра и установить его позицию иначе, чем путем выявления размеров и позиции «периферии», зная, где находится говорящий, означает зная, где говорящего нет. Следовательно, установление точки или центра внутри экспериментального поля логически вторично по отношению к пониманию (пусть примитивному) структуры всего поля, что может лишь означать то, что наше осознание себя опосредовано осознанием нас другими.

Во-вторых, для того чтобы сформулировать следующее возражение, рассмотрим проблему в слегка ином ключе. Значение слова *сейчас* объясняется в терминах понятия «перцептуального

‘сейчас’» (Bühler 1990: 148), которое «обычно используется в языке как отправная точка для определения значения», так что «взятое отдельно слово *сейчас* самостоятельно указывает на свою позиционную значимость, когда оно произносится» (Ibid.). Такое толкование достаточно типично для нормативной теории, в которой обычно обращаются к «моменту произнесения» (Lyons 1977: 638). Оставим на минуту все возражения методологического характера, которые могли бы у нас возникнуть относительно того, чтобы считать это *сейчас* исходным, начальным или основным, и постараемся просто установить его значимость. Суть состоит в том, что «позиционная значимость» *сейчас* — «момент произнесения» — это определенный естественный временной интервал. Какова точная протяженность этого момента и что определяет его продолжительность? Это секунда? Какие-то доли секунды? Нано-секунда? Или он начинается и заканчивается в то же самое, не поддающееся измерению, мгновение? Или это «момент», необходимый получателю для обработки и интерпретации речевого сигнала? Основного принципа, на основе которого может быть найдено решение, просто не существует; «момент произнесения» может варьироваться относительно акта продуцирования (и понимания) слова и может быть настолько долгим или коротким, насколько мы сочтем это необходимым. Было бы совершенно бесполезно пытаться установить этот момент с помощью сенсорной информации вне зависимости от цели участников коммуникации, что, собственно, и может обеспечить релевантный и соответствующий темпоральный фокус. Более того, понятие «настоящее местоположение говорящего», т. е. позицию, предположительно обозначающую «перцептуальным *здесь*», определить будет так же трудно, как и «момент произнесения». Следует подчеркнуть, что точка зрения, согласно которой говорящие и слушающие являются материальными существами, расположенными в объективно существующем времени и пространстве, не вызывает возражений. Наоборот, она должна приниматься за исходную предпосылку любой рациональной теории языка или мышления. Возражение, скорее, может вызывать та точка зрения, в соответствии с которой наше пространственно-временное осознание непосредственно стимулируется и немедленно «интуитивно постигается» без посредничества интенционального поля социального общения и системы перцептуальных и когнитивных категорий, получивших свое развитие внутри него.

В-третьих, К. Бюлер сам осознает изменчивость и эластичность своих дейктических слов. Начав с положения, что *здесь* «указывает на настоящую позицию говорящего, и эта позиция может изменяться с каждым говорящим и каждым речевым актом», он приводит пример со словом *здесь*, «когда все жители Вены употребляют его в отношении Вены, а жители Берлина относительно Берлина» (Bühler 1990: 119). Его объяснение

этого исключения сводится к тому, что такое употребление «вызвано неустойчивостью или неопределенностью более широкого значения этого позиционного дейктического слова» (Ibid.). Он допускает, что «так же, как *здесь*, слово *сейчас* не следует воспринимать как не имеющую протяженности (математическую) точку, как предел в строгом смысле слова», и соглашается с тем, что «оно может допускать меньшую или даже сколь угодно большую протяженность» (Ibid.: 148). Например: «Христианин, который говорит *здесь*, включает сюда весь этот мир (поверхность Земли или даже больше), тот, кто думает в геологическом измерении времени, может включать в свое *сейчас* весь период, начиная с последнего ледникового периода» (Ibid.: 148—149). Примеры К. Бюлера представляют интерес, хотя не ясно, почему он выбирает «христианина», так как значение в данном случае имеет не религия *per se*, а то действие, в которое включено слово; вероятно, христианин также может сказать «передайте сюда соль» без скрытых теологических намеков. Очевидно, что К. Бюлеру приходится привлекать совершенно различные принципы, включая воображаемое смещение дейктического поля для того, чтобы объяснить такие случаи. В рамках нормативной теории также признается определяющее влияние неперцептуальных факторов на значение дейктических выражений, хотя это и вносит неясность в уже принятое понятие нулевой точки. С. Левинсон, например, описывает значение «жестикмуляционного употребления» слова *здесь* как «прагматически данного пространства, ближайшего к местоположению говорящего в К(одированное) В(ремя), которое включает точку локации, обозначенную жестом» (Levinson 1983: 80). Он отмечает, что невозможно обойтись без «прагматически-данного» в дефиниции модификатора, так как произнесение предложения «Положите это *сюда*» «может обладать совершенно различными импликатурами точности в ситуации, когда оно сказано оператору крана и когда оно адресовано хирургу» (Ibid.). Аналогичным образом Г. Браун и Г. Юль в своем анализе *здесь* утверждают, что «интерпретацию пространственного охвата выражения *здесь* в каждом отдельном случае использования следует искать в контексте того, о чем ведет речь говорящий» (Brown and Jule 1983: 52) (вновь нет упоминания о слушающем). Таким же образом они рассматривают и употребление слова *сейчас*. Хотя Г. Браун и Г. Юль и подчеркивают свою приверженность эгоцентризму, утверждая, что «то, что остается постоянным при интерпретации *здесь*... так это дейктический центр, где находится говорящий» (Ibid.: 52), имея в виду, что понимание того, «где находится говорящий», само по себе не связано и независимо от тех же самых факторов контекста, их собственные примеры, однако, не в полной мере подкрепляют их анализ. Так, в следующем примере *Здесь есть еще одна износившаяся секция* «место» на ковре обозначено

там, где сам или сама говорящая явно не могут находиться. В этом случае можно возразить, что «перцептуального *здесь*» или «перцептуального дейксиса» просто не существует; нет таких дейктических выражений, которые для своей интерпретации не привлекали бы социальный контекст интенционального действия, и именно эта сложная социальная разновидность деятельности, знаний, а также, как мы увидим ниже, конвенций, создает и структурирует дейктическое поле и наделяет сенсорную информацию значением. Это положение и составляет третье возражение против концепции нулевой точки К. Бюлера.

Итак, трактовка дейксиса К. Бюлером предполагает установление самосознающей чувствительности или эмпирической «точки», через которую проходит, востребуется и интерпретируется сенсорная информация и относительно которой происходит указание на внешние объекты, место и время с помощью дейктических выражений. Перцептуальное и эмпирическое индивидуального эго составляет, так сказать, радарный экран, на котором отмечается позиция объектов во внешнем мире. В этой связи были определены взаимосвязанные проблемы: (1) исключительно относительный характер дейктического поля; (2) неопределенность абсолютных терминов для обозначения точки «*здесь—сейчас—я*» и (3) подчиненность восприятия процессу социально ориентированного познания в целом. Вместе взятые, эти проблемы угрожают подорвать концепцию К. Бюлера об эгоцентрическом характере «нулевой точки»; если она вообще реально существует, то она не должна быть какой-то натуралистической точкой, расположенной, подобно центру тяжести говорящего, в области таза. Скорее всего, может показаться, что дейктическое поле представляет собой интересубъектную систему, определенные размеры и внутренняя структура которой моделируют конкретную социальную деятельность, в которую включены носители языка. Соответственно попытка К. Бюлера обособовать дейктическое указание с помощью некоторых предположительно грубых, независимых от языка, психологических фактов начинает терять свою привлекательность и, если терпит крах теория дейксиса К. Бюлера, то терпит крах и его психологическая теория.

3.5. «ЗДЕСЬ», «СЕЙЧАС», «Я» КАК НЕЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Критика теории К. Бюлера не была бы полной без анализа якобы эгоцентрично функционирующих слов *здесь*, *сейчас*, и *я*. Естественно следует помнить, что К. Бюлер обосновал свою теорию на особом, эгоцентрическом, употреблении этих слов и на предположении, что это употребление является основным или базовым. Мы, однако, можем просто отвергнуть это предположение, и тогда ни одно из теоретических положений не

будет являться следствием того факта, что эти слова в их определенном употреблении наделены значением «эгоцентричности». Насколько же «эгоцентрично» значение этих слов?

3.5.1. Я

Согласимся с К. Бюлером, что *я* является дейктическим знаком говорящего, а *ты* — слушающего, хотя эта система партиципантных категорий и требует тщательной, радикальной проверки. Точка зрения, согласно которой эта система личностной референции *я—ты* эгоцентрична, стала основой нормативной теории. С. Левинсон использует понятие «дейктического центра», состоящего из «немаркированных якорных точек» в процессе общения, в котором «центральным лицом является говорящий» (Levinson 1983: 64), из чего, вероятно, следует, что слушающий занимает позицию на периферии (и «маркирован»). Б. Крик также подчеркивает «главенство его (говорящего. — Л. Д.) роли», которая «происходит из эгоцентрического характера ситуации высказывания» (Kryk 1987: 1289). Г. Раух развивает ту же самую тему, настаивая на том, что роль «кодирующего» активна и продуктивна, тогда как «декодированный реактивен и рецептивен» (Rauh 1983: 9). Как далее утверждает Г. Раух, «дейктические выражения — это те выражения, которые некоторым образом зависимы от ситуации кодирующего или релятивны относительно ее» (Ibid.: 10), и «его личность, его положение в пространстве и времени, его сознание и его эмоции составляют естественный центр ориентации для его восприятия, его когнитивного и эмоционального опыта» (Ibid.: 13). В таком случае функции дейксиса состоят в соотношении «не-эго» к «эго» при условии, что «„эго“ относится к кодирующему, человеческому индивидууму, которому присущи сенсорные, познавательные и эмоциональные способности и который включен в естественный культурный контекст — в „не-эго“» (Ibid.: 30).

По поводу этого положения возникает сразу же несколько возражений. Во-первых, оказывается совершенно забытым или не учитывается то, что термины *я* и *ты* являются реляционными противоположностями или логическими конверсивами, маркирующими взаимно исключающие и тем не менее взаимозависимые и определяющие полюса одного социального акта коммуникации: говорящий является не просто производителем шума, но и говорящим, способным употребить *я* для самоидентификации только по отношению к слушающему, который сам принимает обозначение *ты*. В реляционной оппозиции такого типа (*я — ты*) отсутствует логически главный термин. Называть говорящего «главным лицом» коммуникации так же неточно и неправильно, как и называть жену или мужа «главным партнером» по браку; как для танго, так и для коммуни-

кации необходимы двое (Bühler 1990: 93). Говорящий не обладает даром наделять кого-либо ролью слушающего, лишь адресуя ему фонетический материал, так как слушающий по меньшей мере должен знать, что «к нему обращаются» (Lyons 1977: 575), и можно с уверенностью предположить, что в социальном акте коммуникации на партнеров налагаются гораздо более сложные взаимные договорные обязательства. Во-вторых, необходимо непременно принять положение (явно противоположное мнению Дж. Лайонза и Г. Раух), согласно которому в акте коммуникации задействованы, по крайней мере, два эго, каждый из которых так же необходим и важен, как и другой. Следовательно, говорящий может «брать на себя роль эго», только если слушающий, в свою очередь, также «возьмет на себя роль эго». В силу этой причины сам термин «эгоцентрический» оказывается совершенно неприемлемым.

Теперь, когда приведены эти возражения, мы можем исследовать реально функционирующую систему «я — ты», эксплицируя реляционное содержание терминов. Рассматривая ее как систему, «ориентированную на говорящего», давайте предположим, что она работает следующим образом: когда я обращаюсь к тебе, то я указываю на себя словом *я*, которое идентифицирует меня как партнера, *говорящего* с другим, и указываю на тебя словом *ты*, которое идентифицирует тебя как партнера, к которому обращается другой. В отличие от этого, система, «ориентированная на слушающего», основанная на центральном положении роли слушающего, будет выглядеть следующим образом: когда я говорю с тобой, я указываю на тебя словом (напр., *ты*), которое идентифицирует тебя как партнера, слушающего другого, и указываю на себя словом (напр., *я*), которое идентифицирует меня как партнера, которого слушает другой. Теперь ясно, что «ориентированная на слушающего» система идентична первой, «ориентированной на говорящего», а две системы логически и эмпирически неразличимы. Я заключаю, что система дейктической референции лица «я — ты» не является эгоцентрической или системой, ориентированной либо на говорящего, либо на слушающего («переменно ориентированной» — Hanks, 1992: 68) системой. За отсутствием лучшего термина, давайте назовем ее социоцентричной (ibid.).

3.5.2. Сейчас

В концепции К. Бюлера слово *сейчас*, как и слова *я* и *здесь*, расположено в *origo* или истоке системы координат субъективной ориентации и считается, следовательно, «эгоцентрическим». Нормативная теория абсорбировала это предположение: «Эгоцентричность является как временной, так и пространственной, поскольку роль говорящего переходит по ходу беседы от одного партиципанта к другому, и партиципанты могут перемещаться

по ходу беседы, т. е. пространственно-временная нулевая точка (*здесь* и *сейчас*) определяется местоположением говорящего в момент высказывания» (Lyons 1977: 638). Аналогичным образом С. Левинсон определяет «центральное время», в пределах его эгоцентрически ориентированного дейктического центра, «как время, когда говорящий произносит высказывание» (Levinson 1983: 64).

Обращаясь прежде к трактовке *сейчас* К. Бюлера, подчеркнем, что он описывает его как «маркер момента» (Bühler 1990: 117) и сравнивает с выстрелом, произведенным из стартового пистолета: выстрел пистолета отмечает начало гонки, слово *сейчас* отмечает момент высказывания. В чем же тогда конкретно заключается «эгоцентричность» таких «маркеров момента»? Конечно, стартер может выбрать в каких-то пределах момент для своего выстрела; в этом смысле само существование «выстрела» зависит в какой-то степени от настроения, восприятия и даже субъективной прихоти того, кто его производит. Но все равно, когда раздается выстрел, гонка начинается: выстрел из пистолета отмечает временной момент, который принадлежит, так сказать, всем участникам (и зрителям) спортивного состязания; стартер может произвести маркер момента, но не может продуцировать момент, который тот маркирует. То же самое относится к *сейчас* и будет относиться к любому дейктическому элементу. Дж. Лайонз сам, описав темпоральный дейксис как «эгоцентрический», далее принимает именно это положение в своем «принципе дейктической одновременности», согласно которому «в типичной ситуации высказывания темпоральная нулевая точка . . . равнозначна для обоих: говорящего и адресата» (Lyons 1977: 685). С этим принципом соглашается также и С. Левинсон (Levinson 1983: 73), но, таким образом, если темпоральная нулевая точка идентична для обоих партиципантов и если *сейчас* маркирует один и тот же межсубъектно общий момент, то в этом случае она не может быть «эгоцентрической» или субъектно-ориентированной. Ergo, темпоральный дейксис или, по крайней мере, *сейчас* К. Бюлера не являются субъектно-ориентированными и не ориентированы ни на говорящего ни на слушающего, т. е. они социоцентричны, ориентированы социально.

3.5.3. *Здесь*

Если мы согласимся, что основная функция слова *здесь* заключается в том, чтобы «в первую очередь привлекать внимание к позиции говорящего» (Brugmann 1904: 110), тогда его функция будет очень похожа на функцию *я* — «отвлеченное *здесь* функционирует как позиционный сигнал и отвлеченное *я* — как личностный сигнал отправителя информации» (Bühler 1990: 110). Хотя К. Бюлер не выражает это эксплицитно (ср.,

однако Ibid.: 105)), можно сделать вывод, что термин *там* относится к *здесь*, как *я* относится к *ты*, и функционирует как «позиционный сигнал слушающего». Если же мы с этим согласимся, тогда система пространственной ориентации «*здесь — там*» будет не более и не менее ориентирована на говорящего, чем система «*я — ты*», на основе которой она строится и реляционные свойства которой она должна разделять. Рассмотренная таким образом, система «*здесь — там*» также социоцентрична.

Картина может несколько измениться, если видоизменить значение *здесь* и *там* и в отличие от «основной функции» К. Бюлера дать, как это часто делается в нормативной теории, этим словам значения соответственно «близко к говорящему» и «далеко от говорящего». Оба термина *здесь* и *там*, конечно, реляционны и релятивны, и их употребление предполагает сопоставление расстояний между двумя точками. Имеем мы эгоцентрическую пространственную систему или нет, зависит от того, что представляют из себя эти точки. Таким образом, если «*X* близко» означает, что (а) «*X* находится ближе к говорящему, чем *X* находится к слушающему», мы вновь будем иметь социоцентричную систему. Если оно обозначает, что (б) «*X* ближе к говорящему, чем говорящий к какой-либо другой точке», то у нас будет система, ориентированная на говорящего, или эгоцентрическая система. Если же это выражение обозначает, что (в) «*X* ближе к какой-либо точке *Y* (ни к говорящему, ни к слушающему), чем какая-либо другая точка *Z*», то у нас будет «топонимистическая» система (Buhler 1990: 164); ср. (Lyons, 1982: 121); возможны и другие варианты (Hanks 1992: 53). Если мы примем, что *здесь* указывает на место, которое «близко» в значении (б) и будем рассматривать *там* как его противочлен в реляционной системе, то это превратит дейктическую систему «*здесь — там*» в систему, ориентированную на говорящего. В отличие от *сейчас* и *я*, *здесь* позволяет вывести слушающего или, наоборот, говорящего из системы координат, в рамках которой сопоставляются расстояния. Обратим тем не менее внимание на то, что нет основания заявлять, что система, ориентированная на говорящего, является более важной, чем любая другая, или же что употребления *здесь* и *там*, ориентированные на говорящего, предпочтительнее, чем, например, в тех случаях, когда *здесь* означает «близко и к говорящему и к слушающему».

Таким образом, вопреки предположениям и утверждениям нормативной теории, анализ функционирования трех терминов К. Бюлера *здесь — сейчас — я* показал, что эти термины в своем так называемом исходном значении фактически не являются эгоцентрическими или ориентированными на говорящего. Доводы в пользу эгоцентричности дейксиса, как правило, не учитывают того факта, что коммуникация является социальным

процессом. Построенные на этих доводах теоретические системы оказываются «ориентированными на говорящего» потому, что роль «слушающего» из процесса речевого общения исключалась, и «говорящий» оставался один.

3.6. СОЦИАЛЬНО-ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ДЕЙКТИЧЕСКОГО ПОЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ К. БЮЛЕРА ОБ УПОРЯДОЧЕННОСТИ ГАРМОНИЧНОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ

В данной главе уже утверждалось, что бюллеровская теория дейксиса получает развитие в рамках эмпиристической концепции человеческого восприятия и деятельности. Поэтому можно согласиться с тем, что подход К. Бюлера не является радикально прагматическим, поскольку «Бюлер никогда не выходит за пределы основных аспектов своего открытия, т. е. за пределы сенсорно-перцептуальных характеристик дейктических выражений в ситуации общения» (Ehlich 1989: 37). Однако в теории К. Бюлера существует еще один аспект, который не был воспринят нормативной теорией и который может привести нас к пересмотру нашей общей оценки его научного вклада.

Хотя мы убедились, что в системе координат К. Бюлера отсутствует адресат, социальная природа коммуникации, а вместе с ней и роль адресата все же признается, и в анализе К. Бюлера на нее часто делается отсылка. Он, например, осознает многообразие составляющих того, что сейчас назвали бы «контекстом ситуаций» (см. (Lyons 1977; Halliday 1978)), и одобрительно цитирует описание коммуникативного процесса К. Бругманна: «...то, что произносит говорящий, понимается адресатом в первую очередь на основе ситуации, в которой производится данное высказывание (а именно на основе места, где происходит беседа, и на основе того, чем занимается говорящий и какова его профессия), и в той степени, насколько адресат с этим знаком и так далее» (Bühler 1990: 98—99).

Особенно интересной является его концепция социальной функции языка в совместной практической деятельности (напр., охота), в которой дейктические слова служат «средством управления поведением партнеров» (Ibid.: 121). Именно относительно ситуации, в которой говорящий и слушающий должны быть знакомы с характером занятий друг друга, К. Бюлер развивает одно из своих наиболее важных понятий, а именно «упорядоченность гармоничной ориентированности». К. Бюлер вводит это понятие, приводя пример с экскурсией под руководством гида: «Если кто-то хочет показать что-то кому-то другому, то оба (и ведущий и ведомый) должны характеризоваться достаточной степенью гармоничной ориентированности в том упорядоченном строе, в котором расположено указуемое» (Ibid.: 141). Он говорит, что гид по городу «должен ориентироваться внутри

города, в пределах которого он должен указывать на то или другое, а музейный экскурсовод должен соответствующим образом ориентироваться в пределах музея. Более того, «экскурсант должен также проявить значительную долю активности и определенную степень ориентированности в том упорядоченном строе, в котором производится указание» (Ibid.: 141). Упорядоченность, которую К. Бюлер имеет в виду, представляет собой «пространство, общее для реального восприятия... в пределах которого все объединено: объекты, на которые производится указание, отправитель и получатель дейктических инструкций; пространство, в пределах которого участники ведут себя гармонично и осознанно» (Ibid.: 142). С моей точки зрения, следует особенно подчеркнуть, что эта «упорядоченность ориентированности», которую К. Бюлер склонен описывать в перцептуальных терминах, не может быть выведена из примитивного перцептуального самосознания бодрствующего индивидуума; способность к «ориентированности в пределах музея» просто не может быть результатом восприятия *per se* в силу того, что ему необходимо знать, что такое музей. Более того, это можно воспринимать, как ситуативно обусловленное общее «дело» коммуникантов. Давайте посмотрим, как такой подход может работать в анализе следующих высказываний музейного экскурсовода: (1) *Эта статуя была доставлена сюда в 1908 году (сюда = музей)*; (2) *Вот здесь вы увидите одну из лучших работ (здесь = угол комнаты, по направлению к которому движется группа)*; (3) *Римский амфитеатр был обнаружен и раскопан здесь в 1880-х (здесь = место, где расположен музей)*. Во-первых, «основная функция», которой К. Бюлер наделяет *здесь*, рассмотренная выше, оказывается совершенно не пригодной для интерпретации данных примеров. Во-вторых, в каждом из них *здесь* обозначает различные «места», которые не могут быть идентифицированы участниками с помощью только сенсорной информации, даже если сопроводить дейктическое наречие указывающим жестом. Необходимо, чтобы перцептуальная «упорядоченность» у партнеров была бы структурирована в соответствии с их «делом» в музее так, чтобы они видели не хаос цветных пятен, а галлерей, выставочные залы и экспонаты, которые надо увидеть, входы и выходы, которые можно использовать и так далее. Короче, их восприятие и соответственно их понимание дейктических терминов будет опосредовано их пониманием музея как городского учреждения и пониманием социальных ролей, реализующихся там, включая, конечно, роли экскурсовода и экскурсантов, а также пониманием тех коммуникативных условностей, которые принимаются ими во время экскурсий под руководством гида. Дейктическое поле представляет собой воспринимаемое социокультурное окружение, в котором осуществляется некоторая конкретная деятельность. Иными словами, совместная целенаправленная деятельность партне-

ров, осуществляемая с помощью языка, помогает «упорядочить» их восприятие окружающей среды, с которой и внутри которой они взаимодействуют. В этом и состоит один из концептуальных ингредиентов действительно радикально переработанной дейктической теории: дейктические термины приобретают свое значение, исходя из их роли в пределах упорядоченности гармоничной ориентированности, причем эта «упорядоченность» обусловлена целенаправленным социальным действием. И только являясь частью этого действия, высказывания, содержащие дейктические слова, могут создавать систему пространственно-временных координат или модель «пространства» деятельности. К. Бюлер, по-видимому, распознал далеко идущие импликатуры некоторых из своих собственных примеров, но уклонился от более глубокого исследования и критической оценки. «Так как мы говорим только о том, чтобы с помощью таких слов, как *здесь*, *я* и *ты*, нащупать внешним зрением и слухом нечто искомое, находящееся в общем перцептуальном поле, то можно не утруждать себя более тонким анализом «гармоничной ориентированности партнеров в этом поле» (Ibid.: 141). К сожалению, данное понятие упорядоченности не входит в концептуальную основу нормативной теории, которая непосредственно следует принципам эмпиризма. Рассмотрим, например, концепцию «канонической ситуации высказывания» Дж. Лайонза, которая играет столь важную роль в его собственном анализе дейксиса. Эта «ситуация» включает «связь между двумя, одним и многими (коммуникантами), осуществляемую с помощью звуковых средств через рече-слуховой канал, при условии, что все участники, присутствующие в одной и той же актуальной ситуации, способны видеть друг друга и усваивать ассоциативные незвуковые, паралингвистические, свойства своих высказываний, когда каждый поочередно принимает на себя роль отправителя и получателя» (Lyons 1977: 637). Более того, для Дж. Лайонза «эгоцентрической» является именно вся эта ситуация (Ibid.: 638). Дж. Лайонз, кажется, допускает, что дейктические слова, произнесенные в такой «ситуации», должны автоматически генерировать или создавать систему пространственно-временных координат. Я полагаю, что это довольно странное представление о «ситуации высказывания», так как она полностью абстрагируется от таких факторов, которые имеют отношение к «делу» участников коммуникации и определяют «упорядоченность ориентированности». Такая концепция предполагает, что непосредственное перцептуальное поле говорящего и слушающего делает независимый вклад в определение значения дейктических выражений, а именно независимо от того, чем занимаются коммуниканты, и от того, о чем они говорят.

В работе К. Бюлера можно обнаружить и другие важные положения. В то время как его теория основывается на системе

субъективной и эгоцентричной ориентации, в которой каждое лицо (каждое я) видит себя «в своей собственной системе», К. Бюлер признает и другие возможности: «Если я стою лицом к лицу перед спортсменами, выстроившимися в ряд, то установленные правила требуют, чтобы я использовал команды „вперед, назад“, „направо, налево“ в соответствии не со своей, а с чужой системой ориентации, и перевод психологически так прост, что любой руководитель группы может им овладеть» (Ibid.: 118).

В описании К. Бюлером дейксиса, ориентированного на слушающего, интересно, хотя и проблематично для его общей теории то, что он объясняет явления, прибегая к «установленным правилам», требующим «психологического перевода» с ориентации говорящего на ориентацию слушающего в контексте определенного вида деятельности. Следовательно, значимость дейктических терминов в этой ситуации происходит опять не из примитивно-перцептуального поля, а, во-первых, в силу «упорядоченности гармоничной ориентированности» командира и подчиненных, т. е. их гармоничной деятельности, и, во-вторых, в силу условий дискурса, которые эта деятельность предписывает. Суть здесь заключается в том, что если при определенных обстоятельствах дейксис, ориентированный на слушающего, необходим конвенционально, то при других обстоятельствах по той же причине «эгоцентрический» дейксис не просто должен быть обусловлен психологически, а также необходим конвенционально. И без данного примера этот момент вполне очевиден и объясняется социальной природой коммуникации. Как говорит об этом Р. Трейси, «для того чтобы „путешествия“ через дейктические пространства не превращались бы в путешествия в одиночку, говорящий и слушающий должны разделять конвенциональную систему инструкций, другими словами, дейктический эгоцентризм, чтобы оставаться в силе, должен быть в сущности межсубъектным» (Трасу 1983: 188). Выбор ориентации, следовательно, будет определяться конкретной природой социальной деятельности, которой заняты партнеры, и конвенционально установленными и связанными с деятельностью нормами дискурса. Эти соображения привели нас к концепции коммуникативного взаимодействия, которая очень далека от того, что принято в любом из вариантов нормативной теории и значительно ближе к теории, получившей развитие у В. Н. Волошинова (Voloshinov 1973) и М. М. Бахтина (Bakhtin 1986) с их пониманием соответственно «жанров поведения» и «жанров речи».

Остановимся кратко на содержании понятия психологического перевода К. Бюлера, которое он использует в своем исследовании ориентированного на слушающего дейксиса. Кажется, К. Бюлер здесь описывает процесс, известный в нормативной теории как «дейктическое проектирование» (см. (Levinson 1983: 64)). В нормативной теории к этому процессу обращаются,

чтобы поддержать представление о первичности эгоцентрического дейксиса, поскольку другие маркеры ориентации рассматриваются как проекция этой психологически базовой системы и соответственно вторичные. Таким образом, как и у К. Бюлера, дейксис, ориентированный на слушающего, рассматривается как результат своего рода «перевода» эгоцентрического дейксиса. Однако все же необходимо задуматься о том, каким образом коммуникативный процесс воспринимается с позиции слушающего: если дейксис «эгоцентричен» для говорящего или «кодирующего», то чем же он тогда является для слушающего? Дж. Раух изображает деятельность слушающего как «реконструкцию перспективы кодирующего» (Rauh 1983: 9), предполагая, что слушающему необходимо переводить ориентированные на говорящего значения дейктических терминов в собственную субъективную систему слушающего. Эгоцентрический дейксис, таким образом, требует «психологического перевода» для слушающего, тогда как дейксис, ориентированный на слушающего, требует аналогичного перевода, но в обратном направлении для говорящего. Таким образом, рассматривая коммуникативный процесс в целом с его (по крайней мере) двумя «эго», можно сказать, что в обоих случаях совершается точно такой же объем «психологического перевода», что можно назвать, скажем, «уровнем психологической сложности». Отсюда следуют три наблюдения. Во-первых, так как коммуникация представляет собой социальный процесс, психологическая простота или первичность различных дейктических ориентиров может быть содержательно просчитана с учетом точки зрения всех партиципантов, а не только говорящего. Во-вторых, на этой основе дейксис, ориентированный на слушающего, оказывается не менее и не более сложным, чем «эгоцентрический дейксис», и, в-третьих, существование дейктических терминов, ориентированных на говорящего, или ориентированных на говорящего употреблений таких терминов, не является само по себе доказательством первичности эгоцентрической ориентации в целом.

3.7. АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДЕЙКСИСА

Выше утверждалось, что в нормативной теории дейксиса используется только один аспект теории К. Бюлера о субъекте, включающий нулевую точку «здесь—сейчас—я», и не учитывается другой аспект, построенный на понятии «упорядоченности гармоничной ориентированности». Соответственно нормативная теория в значительной мере является эмпиристической моделью восприятия и действия. Дж. Лайонз, чей вклад в успех нормативной теории возможно больший, чем кого-либо другого, по его собственному признанию, привержен «вполне традиционно-англосаксонскому эмпиризму» (Lyons 1977: 122). К счастью,

в настоящее время нельзя сказать, что «всякий, кто говорит о дейксисе, соглашается» с «эгоцентричностью» дейктической нулевой точки (Lyons 1982: 121). В последние годы с различных сторон появились оппоненты, критически настроенные относительно всей нормативной теории или ее отдельных положений, например, К. Элик (Ehlich 1989), Кв. Смит (Smith 1989), П. Мюльхослер и Р. Гере (Muhlhauser, Harge 1990) и У. Ханкс (Hanks 1992). Невозможно здесь обобщить все эти работы, но будет полезно упомянуть некоторые из наиболее радикальных предложений и альтернатив.

П. Мюльхослер и Р. Гере в своем обсуждении местоимений и личностного дейксиса отвергают не только базисную эмпиристическую точку зрения на восприятие и познание, но и саму кодирующе-декодирующую модель коммуникации, которую они называют «канальной метафорой коммуникации» (Muhlhauser, Harge 1990: 25). С тем чтобы представить коммуникацию «как форму совместного социального действия» (Ibid.: 14), они предпочитают «заменить в картине общения образ „говорящий—слушающий“ на образ „говорящий—говорящий“» (Ibid.: 25). При этом они считают, что «совместный код не является необходимой частью коммуникативного процесса и может часто быть сконструирован как результат лингвистически опосредованного социального действия» (Ibid.: 15). На этой основе они оспаривают концепцию Локка—Декарта о «себе» (self) и стремятся вместо этого продемонстрировать, что существуют разнообразные культурные понятия «себя», которые коррелируют с «грамматиками личностных ориентиров» (Ibid.: 16). Обсуждая эту же проблему, С. Левинсон, хотя и принимает основные положения нормативной теории, тем не менее в своей работе о личностном дейксисе и роли участников общения утверждает, что в обычной трактовке личностного дейксиса «существуют серьезные ошибки или, по крайней мере, большие упрощения, возникающие из предположения о двоичном характере вербального общения как основной (или единственной) формы человеческой коммуникации» (Levinson 1988: 163—164), и пытается показать, что такие категории, как «„Говорящий“ и „Слушающий“», не являются категориями, достаточными для анализа роли партиципанта» (Ibid.: 222).

У. Ханкс (Hanks 1992) предпринимает прямое, наиболее радикальное наступление на нормативную теорию как с эмпирических, так и с теоретических позиций и критикует традиционные подходы к анализу дейктических элементов или «индексалам» в лингвистике и философии. У. Ханкс считает самоочевидным тот факт, что для интерпретации индексалов требуется *origo*, так как индексалы предполагают существование реляционной схемы, в пределах которой они приобретают свое особое значение, но нет никаких оснований утверждать, что это *cogitatio* является только «говорящим» или «эго»: «Теоретически,

по крайней мере, можно предположить наличие любого числа альтернативных индексальных точек — логоцентричных, ориентированных на лицо, на событие и т. д. При условии, что акты референции осуществляются в результате взаимодействия участников общения, социоцентрический подход является более продуктивным, чем эгоцентричный, даже в том случае, когда говорящий является первичной основой референции» (Ibid.: 53).

Полным контрастом общепринятой приверженности нормативной теории с ее эгоцентричностью является заключение У. Ханкса, что «просто неизвестно, какой из аспектов процесса общения может служить основанием для референции» (Ibid.: 52). Он рассматривает все дейктическое поле с теоретических позиций, которые не совсем обычны для нормативной теории, воспринимая индексальное «origo» не как психологическое или метафизическое данное, а как динамическое начало, полностью подчиненное процессу взаимодействия участников общения (Ibid.: 68): по мере того, как «интерактанты перемещаются в пространстве, меняют тему, обмениваются информацией, координируют свои относительные ориентиры и устанавливают общие, а также отличные параметры, изменяется индексальная структура референции» (Ibid.: 53).

Значение и ориентированность дейктических выражений также не может рассматриваться как непосредственное натуралистическое отражение или фиксация окружающего контекста, скорее «реляционные черты в своей основе заложены в коммуникативных контекстах и не могут быть сведены к какому бы то ни было набору якобы объективных величин, таких, как, например, пространственная близость» (Ibid.: 70). Интегрированный на этой социоинтеракциональной основе дейксис, таким образом, «обладает созидательной и 'конструктивной' функцией» (Ibid.: 66), являясь «центральной аспектом социальной матрицы ориентации и восприятия, через которую говорящий продуцирует контекст» (Ibid.: 70). У. Ханкс также вполне оправдано возражает против характеристики дейксиса как «субъективного» явления (Hanks 1992: 52), характеристики, которая, например, появляется у Дж. Лайонза (Lyons 1982) и которая была подхвачена другими (Green 1992b; Levinson 1988), отметив, однако, что сам Б. Бюлер, который использовал этот термин, просто имел в виду, что «всем индикаторам для их интерпретации необходимо origo, независимо от того, представлено оно говорящим субъектом или нет» (Hanks 1992: 52).

В завершение попытаемся объединить некоторые из течений альтернативного подхода к дейксису, что, вероятно, будет иметь определенное значение для изучения языковой структуры в целом. Мы можем начать с того, что, во-первых, отвергнем методологическую «робинзонаду» с образом изолированного, социально-самоосознающего «эго» в центре, и представлением ком-

муникации как продуцирования и принятия информации отдельными эго. Мы можем последовать утверждению В. Н. Волюшинова, что «организующий центр всякого высказывания находится не внутри, а вне — в социальной среде, окружающей индивидуума» (Voloshinov 1973: 93). Самоосознание индивидуума тогда является «социально-идеологическим фактом» (Ibid.: 12). Всякое и каждое высказывание следует рассматривать как социальное событие, как единицу «речевого общения» (Bakhtin 1986: 67), основным качеством которой является ее «адресованность», т. е. «ее способность быть кому-то направленной» (Ibid.: 95). Роль *других*, для которых сконструировано высказывание, чрезвычайно велика, так как для этих других «моя мысль впервые становится реальной мыслью (и соответственно также и для моей собственной мысли)» и, следовательно, роль *других* «сводится не к роли пассивных слушателей, а активных партиципантов в речевой коммуникации» (Ibid.: 94). Говорящий ожидает от них ответа, активного ответного понимания, в силу чего все высказывание конструируется «в расчете на ожидание получения такого ответа» (Ibid.). Тогда заявлять, что высказывание говорящего, включая использование дейктических терминов эгоцентрично или ориентировано на говорящего, совершенно неправильно: что произносит говорящий «ориентировано на адресата», точка зрения и ожидаемый ответ адресата, так или иначе, уже заложены в само высказывание. Высказывание, соответственно, реализует сложную социальную диалектику, в которой традиционные категории говорящего и слушающего, хотя и необходимы как простейшие эмпирические понятия, не отражают тем не менее сущности межсубъектной коммуникативной динамики, действующей в любой ситуации вербальной коммуникации.

Во вторых, мы можем попытаться инкорпорировать в нашу альтернативную систему понятие «упорядоченности гармоничного ориентирования» К. Бюлера, рассматривая его не как вспомогательный принцип, из которого мы выводим, например, понятие «не-сейчас», сопутствующее понятию «сейчас» (Bühler 1990: 14), а скорее как замену самой эгоцентрической или субъективной системы ориентации вместе с ее эмпиристическим представлением поля человеческого восприятия. Тогда нашим отправным моментом было бы не то, что является индивидуальным, а то, что является совместным, т. е. представляет собой социальную деятельность или практическое сотрудничество в мире, опосредованное языком. В подтверждение этому положению мы можем обратиться к таким трудам по развитию языка, как работа Дж. Брунера (Bruner 1982) в широком ее истолковании с позиций Л. С. Выготского, в которой показано, как язык возникает в контекстах совместной деятельности при общении между матерью и ребенком. Эти контексты основаны не просто на перцептуальности, а на структурах целенаправленной

деятельности, в которых слова, включая дейктические, начинают обозначать, что они обозначают как фазы практического действия, направляемого и контролируемого обоюдной целью и ожиданием соответствующего результата. Дейктическое поле было бы тогда не столько пассивной регистрацией «канонической ситуации» или внешних условий, а синтетической «моделью» реальной сферы речевого общения, которая преобразуется или должна быть преобразована с помощью созидательного действия. Дж. Брунер утверждает, что партиципантные роли говорящего и слушающего в языке и приобретенная способность переключения ролей могут рассматриваться не как исходные, а как возникающие в результате постоянного обмена ролями, который управляется и поддерживается матерью в рамках и с целью создания поля общей деятельности. Руководствуясь этими мыслями, можно допустить, что дейктические слова всегда социоцентричны в силу самой природы вербальной коммуникации, причем «ориентированность на говорящего», «ориентированность на слушающего», топонестичность или ориентированность дейктических значений дифференцируются в соответствии с характером самой деятельности, природой партиципантных ролей или конвенционально. Мы также можем учитывать и подход, принятый в работах Л. С. Выготского (1982), С. Л. Рубинштейна (1946), А. Н. Леонтьева (1972) и многих других авторов и, как нам кажется, совместимый с предлагаемой здесь точкой зрения на природу дейксиса. На этой основе можно было бы оспаривать точку зрения о первичности восприятия и рассматривать формирование перцептуальных процессов как «интегральный компонент практической деятельности», т. е. как «совместную или коллективную деятельность, в процессе которой каждый индивидуум вступает в определенные отношения с другими лицами» (Bruner 1982: 136), и общий результат которой как единого целого «состоит в установлении соответствующих параметров наблюдаемой ситуации» (Ibid.).

Наконец, в-третьих, в рассуждениях К. Бюлера, как мы видели выше, упоминается роль конвенций в процессе использования дейктических слов. Эту мысль можно развить на основе подхода к проблеме М. М. Бахтина и В. И. Володинова, на которых мы уже ссылались. Например, понятие дейксиса можно исследовать в связи с понятием «речевых жанров», характеризующихся наличием устойчивых и нормативных форм высказывания (Bakhtin 1986: 81). Это, в свою очередь, позволило бы на основе положения, что «сам процесс выбора определенной грамматической формы говорящим является стилистическим актом» (Ibid.) обнаружить типичные стилистические средства, доступные пользователям языка (Green 1992b: 66). Такой подход дал бы возможность скептически отнестись к точке зрения, согласно которой для дейктических выражений существует «ос-

новное» или «общее» значение (Lyons 1982) и выдвинул бы на первый план неоднородность значений и употреблений одного и того же выражения. В результате для системных характеристик «определенного поведенческого стиля» дейктические элементы приняли бы особые, совершенно уникальные, значения. Соответственно мы могли бы рассматривать употребление слов (ср. использование *здесь*, приводимое У. Ханксом (Hanks 1992: 49)), как формирование семейств, члены которых, будучи связанными определенными отношениями, приспосабливаются к особой родовой или конкретной естественной ситуации и ее компонентам и продолжают стихийно умножаться и видоизменяться, принимая новые значения и качества под воздействием различных стилей, ситуаций и типов деятельности. Анафорическая функция дейктических элементов может рассматриваться как результат именно такой специализации внутри определенной ветви дейктического семейства (ср.: (Lyons 1979; Ehlich 1982, 1989)).

Глава 4

ДЕЙКСИС И АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дейксис по своей сути субъективен. Однако и весь человеческий язык субъективен, так как его творец — субъект, который творит согласно своей воле. Но в отличие от языка в целом дейксис откровенно демонстрирует свою субъективность, тогда как другие категории и области языка часто маскируются под объективность.

Субъективность дейксиса видна прежде всего в том, что весь отсчет единиц ведется с точки зрения говорящего, причем эта субъективность эксплицитно выражена, так как дейктические единицы передают непостоянство признака и его зависимость от выбранной точки отсчета.

Не случайно основные дейктики (*this — that; I — you; here — there* и некоторые другие) были названы Б. Расселом эгоцентрическими словами, для которых центральным словом он считает местоимение *this*. Его несколько своеобразная трактовка этих единиц позволяет более глубоко проникнуть в суть проблемы дейксиса. По мнению Б. Рассела, все слова этого класса могут быть охарактеризованы с помощью местоимения *this*: *I* обозначает *the biography to which this belongs*, *here* выражает *the place of this*, *now — the time of this* и т. д. Как указывает Б. Рассел, местоимение *this* в каждом отдельном случае его употребления может служить указателем только одного предмета, и как только это же местоимение используется для указания на другой предмет, первый теряет право именоваться *this*. Таким образом, суть функционирования этого указатель-

ного местоимения состоит в том, что в каждом случае его употребления оно может указывать только на один-единственный объект, но при разных случаях его использования объектам могут быть различные предметы.

Б. Рассел подчеркивает тесную связь между *I — now* и *this* (Russel 1963: 102—110).

Если *I — now* обозначает ряд событий, которые происходят со мной в настоящий момент, то *this* — одно из этих событий. Даже выражения *I am* и *this is* взаимозаменяемы: *I am hot — this is hotness*.

В современной лингвистике аналогичные параллели были отмечены между местоимением *this* и наречием *here*. И *this* и *here* обозначают близость к говорящему или иной точке отсчета (Lyons 1979). Однако традиционная классификация, принятая еще в первой половине XX века, отличается от трактовки дейктиков, предложенной Б. Расселом. К. Бругман различает четыре типа дейктиков: я-дейксис, ты-дейксис, этот-дейксис и тот-дейксис, т. е. он концентрирует свое внимание на морфологических классах дейктиков (Brugmann 1904).

К. Бюлер предлагает иную классификацию: он выделяет дейксис видимого, контекстуальный, или анафорический, дейксис и дейксис представления, т. е. то, что известно собеседникам и чье употребление основано на их знаниях о данном предмете (Bühler 1934). Он строит свою классификацию на иной основе, чем К. Бругман, и исходит из функционирования дейктиков в речи. Этот принцип подхода следует считать удачным, хотя саму классификацию можно и не принять безоговорочно. Именно функционирование дает основание для выделения дейксиса в особое грамматическое явление. Поле дейксиса разнообразно и включает в себя как специфические классы слов (такие, как личные и указательные местоимения, наречия, некоторые имена прилагательные, отдельные глаголы и существительные), так и всю систему глагольных времен. Все это разнородное единство трудно было бы объединить в один класс, если бы исходить из традиционных принципов классификации, согласно которым каждый член класса должен обладать одним и тем же набором признаков.

В последнее время принципы классификации несколько изменились и от членов одного класса не стали требовать полного набора общих черт, присущих всем членам класса в равной мере, а была предложена классификация, получившая название «семейного сходства», которая была разработана Л. Витгенштейном (Wittgenstein 1953). Он считает, что как члены семьи могут напоминать друг друга разными чертами, так и элементы классов могут быть объединены на основании различных типов сходства: одни по одним признакам, а другие по другим. Л. Витгенштейн показывает суть этого принципа классификации на примере игр, вернее, выделения игр как специ-

ального класса объектов. Он говорит, что игры объединены в один класс не на основании набора признаков, присущих в равной мере каждому члену, а по иному принципу, но все игры остаются играми и объединяются в один класс. Некоторые игры имеют один набор характеристик, а другие — часть этих характеристик и часть других, а третьи — часть из этих последних и еще какие-то новые. Например, карточные игры и игра в шахматы имеют как общие, так и различные черты. Игры развлекательны и имеют ту общую черту, что в них можно выигрывать и проигрывать. Однако если ребенок играет в мяч, бросая его в стену и ловя, то выигрыш и проигрыш представлены уже по-иному. Так же и в одиночной игре в пасьянс. Таким образом, при сравнении различных игр видно, что сходства и различия то исчезают, то появляются и разные по своим признакам игры включены в один общий класс игр на основании различного набора характеристик. Как уже было упомянуто, такое сходство Л. Витгенштейн называет семейным (фамильным) сходством. Как различные члены семьи похожи друг на друга различными чертами, такими, как фигура, черты лица, цвет глаз, походка и т. п., так и игры объединяются в одну «семью» на основании различных, присущих им признаков, которые перекрещиваются и пересекаются аналогичным образом.

Класс дейктиков также выделяется на основании «фамильного» сходства. Однако у них есть одна общая черта, присущая всем членам этого класса, — их шифтерность. Дейктики не дают описания предмету, а только характеризуют его по отношению к точке отсчета, за которую принято считать его — «я», т. е. говорящего и создающего текст.

Высказывание Ю. Д. Апресяна, что у дейктиков отсчет ведется либо от говорящего, либо от наблюдателя, которого мыслит говорящий, представляется спорным. Введенное понятие «наблюдателя» вряд ли можно признать продуктивным (Апресян 1986: 92). Если наблюдателя мыслит говорящий, то тем самым и отсчет ведется от говорящего, так как наблюдателя примысливает говорящий и, следовательно, он остается центром ориентации и, таким образом, точка отсчета остается за говорящим. Введение наблюдателя несколько напоминает теорию расщепленного «я». Принято считать, что человек в социальной группе и в определенный момент времени обнаруживает обычно одно из состояний «я». Но в процессе общения люди могут свободно переходить от одного состояния к другому, если это не нарушает норм поведения определенной социальной группы (Берн 1992). Введение «наблюдателя» несколько напоминает проявление одного из расщепленных «я».

Употребление дейксиса в письменном тексте несколько отличается от его функционирования в устной речи. В письменном тексте центром отсчета может быть либо непосредственно сам создатель текста, либо опять-таки он же, но опосредованно,

через созданных им героев и их окружения. Таким образом, и в этом последнем случае центром отсчета остается творец текста, так как именно он определяет параметры расстановки единиц типа *I/you, this/that, here/there, now/then*, и следовательно, и в этом случае центром отсчета остается сам создатель текста, т. е. говорящий. Таким образом, вслед за Дж. Лайонзом (Lyons 1979: 638), можно сказать, что говорящий (*ego*) соотносит все то, о чем он говорит, со своей точкой зрения и что дейксис эгоцентричен. Эта трактовка дейксиса является господствующей в современной лингвистике, и хотя отдельные авторы пытаются как-то модифицировать этот факт и делают попытки доказать, что говорящий не всегда выступает центром дейктического пространства, с ними согласиться трудно, так как, в конечном счете, если внимательно разобраться, то оказывается, что отсчет идет все же от говорящего, хотя, возможно, и опосредованно. Пожалуй, единственным случаем, когда центром отсчета является адресат, выступают военные команды типа: *Step forward!* Однако и в подобных случаях отдающий команду основывает свои указания на собственной локальной оценке.

Как справедливо отметил Э. Бенвенист (1974), дейктики организуют пространственные и временные отношения вокруг «субъекта», принятого за ориентир, «т. е. все они находятся в зависимости от „я“, высказывающегося в данном акте» (там же: 296), причем «я» выступает как лицо субъективное.

Классификация, основанная на семейном сходстве, предполагает, что у данной категории входящие в нее члены неравноценны: существуют более характерные, т. е. центральные, представители и периферийные, которые менее удачно характеризуют данный класс. Этот подход основан на теории прототипов. Как известно, согласно теории прототипов в каждой категории есть более удачные и менее удачные примеры. Анализируя класс имен существительных, Дж. Лакофф показал, что в современном английском языке есть *protier nouns* (Lakoff 1987), которые обладают большим набором признаков существительного, и существительные с меньшим набором этих характеристик. Сравнивая существительные *toe* и *time*, Дж. Лакофф показывает, что *toe* может служить лучшим примером, чем *time*. Он доказывает это различие на серии трансформаций. Сравнивая примеры *to stub one's toe* и *to take one's time*, Дж. Лакофф демонстрирует различие в поведении этих двух единиц. Для существительного *toe* возможно определение, выраженное причастием 2-м, а для *time* эта возможность отсутствует: *a stubbed toe*, но не **taken time*. Аналогичные ограничения наблюдаются при трансформациях в сочинительные структуры (*I stubbed my toe and she hers*, но не **I took my time and she hers*), а также при трансформации плюрализации (*Betty and Sue stubbed their toes*; **Betty and Sue took their times*) и при прономиниализации (*I stubbed my toe, but did not hurt it*; **Harry took his time, but*

wasted it). Таким образом, loc оказывается базовым примером существительного, а time менее удачен. Следовательно, в классификации, основанной на семейном сходстве, примеры неравноценны: есть хорошие и есть плохие. Как показывает Дж. Лакофф, хорошие примеры — это те, которые первыми приходят на ум при упоминании данной категории. Так, категория птиц лучше всего представлена воробьем, хуже — пингвином или страусом, хотя и пингвин и страус являются представителями отряда птиц. Прототипными предложениями в синтаксисе он считает те, в которых форма соответствует содержанию и где подлежащее выражает агенса и тему.

Если рассматривать дейктики с точки зрения теории прототипов, то наилучшими примерами можно считать следующие: I — you; this — that; here — there. Именно они приходят в голову при упоминании дейксиса. Не случайно Л. Витгенштейн, рассматривая слова, которые не именуют, называют только три: I, here, this (Wittgenstein 1953: 123). Вероятно, их и следует считать самыми центральными. Упомянув эти слова, он делает интересное замечание по поводу их употребления. По его мнению, эти слова не используются в физике. Это заявление Л. Витгенштейна вызывает некоторое недоумение, так как легко представить себе любой текст, включающий в себя указательные местоимения или локальные и темпоральные наречия. Однако этот вопрос требует специального исследования.

Не следует забывать, что в письменном тексте значение указательного местоимения this обычно уже, чем в устном, а наречия now и here часто становятся синонимичными, так как наречие времени now обычно указывает не на временной отрезок, а на определенную часть текста (см. по этому поводу (Бурлакова 1988)). Но суть не в этом замечании Л. Витгенштейна, а в списке перечисленных слов — он назвал лучшие примеры.

Особое размышление вызывают наречия времени now — then. Эта пара лишена основного признака дейктиков: шифтерности, свойства типичных дейктиков, заключающегося в легком обмене ролей и соотносённости с объектами при изменении центра отсчета. С наречиями now и then этого не происходит и изменение центра отсчета не приводит к их обмену местами. Если now может превратиться в then в значении будущего, то у него нет этой возможности в отношении then, соотносённого с прошлым, также и then, соотносённое с будущим, не может меняться на шифтерной основе с наречием now или then, относящимся к прошлому моменту. Then, обозначающее прошедшее, лишено шифтерных способностей. Эти закономерности вполне объяснимы однонаправленностью протеканий во времени и его необратимостью. Эти свойства наречий now — then исключают их из лучших примеров, которые можно считать прототипом. Возвращаясь к составу дейктической категории, можно повторить, что центр занят парами I — you, this — that, here — there, ме-

нее центральное место отведено наречиям времени и места и локальным предлогам, которые также обозначают расположение в пространстве по отношению к центру. Кроме того, как было упомянуто, в поле дейксиса входят глаголы come — go (Fillmore 1966), а также грамматические времена.

Основываясь на принципах семейного сходства, к категории дейктических единиц можно также причислить слова типа passer-by, looker-on, passenger и т. п. Все существительные такого рода обозначают человека, временно занятого некоей активностью в некоторых определенных местах. Passenger — это тот, кто временно находится в транспорте или собирается им воспользоваться (*Пассажиров просят пройти на посадку!*); Passer-by — человек, временно передвигающийся по улице, как только он войдет в дом, он теряет способность называться «прохожим»; Looker-on — человек, глазеющий на что-то, обычно на улице, но это условие не обязательно, хотя обычно имеется в виду какое-то общественное место. Как только он потеряет интерес к происходящему и перестанет наблюдать за тем, что происходит, он перестает быть тем, что именуется looker-on. Таким образом, эти существительные обладают основными признаками дейктиков, что и дает право включить приведенные слова в категорию дейксиса, не исключая их из класса имен существительных. Группа слов этого типа разнообразна и довольно многочисленна. Например, все люди, приходящие на прием к врачу в поликлинику, именуются «больными», а все люди, входящие в магазин, становятся покупателями. Однако люди, вышедшие из поликлиники или магазина, теряют статус «больных» и «покупателей». Эти роли они приобретают временно, только на тот период, когда находятся в определенном месте, и именно эти черты роднят их с дейктиками и позволяют говорить, что они включаются в категорию дейксиса на основании семейного сходства. Это сходство заключается в том, что они обладают шифтерностью, так как обозначаемые ими характеристики связаны с временным пребыванием обозначаемого лица в определенном месте, и как только место бывает покинуто, упоминаемое лицо теряет право называться этим именем. Любой дейктик обладает этим свойством.

Если внимательно рассмотреть весь словарный состав языка, то вырисовывается интересное явление: в каждом традиционно выделяемом классе слов составляющие его единицы делятся на две группы — дейктиков и недейктиков.

Это явление наиболее типично представлено в классе местоимений и наречий, менее ясно и с сильным количественным перевесом недейктиков — в классе прилагательных (дейктические прилагательные right, left и т. п.), существительных и предлогов (дейктические предлоги in front of, behind, below, between, above и т. п.). Как прилагательные, так и предлоги часто бывают омонимичны наречиям, обладающим дейктическими свой-

ствами. Кроме того, они не всегда функционируют как дейктики и в зависимости от контекста могут проявлять то дейктические, то недейктические черты. Так, левая рука всегда остается левой, а Атлантический океан всегда находится между Европой и Америкой. Следовательно, у менее характерных дейктиков их дейктическое значение зависит от контекста и от семантики сочетающихся с ними единиц.

Как известно, *this — that* в традиционной грамматике именуются указательными местоимениями. Общеизвестно, что указательное местоименение замечательно тем, что, произнося его, можно одновременно показать жестом на тот предмет, о котором идет речь. Однако это утверждение не обладает той глобальностью, которую ему принято приписывать. Подкрепление сказанного указательным жестом возможно только в тех случаях, когда *this — that* соотносятся с вещными сущностями. Можно сказать и показать *this house, this book, this street* и т. п., но *this — that*, употребленные для обозначения элементов ментального или речемыслительного процессов или других абстрактных сущностей, не допускают подкрепления сказанного жестом, так как отсутствует видимая материальная сущность, а есть только звуковая или ощущаемая или воображаемая сущность. Например, *this question, this feeling* и т. п. Сущности подобного рода не могут быть объектом как визуального наблюдения, так и жестового указания. Поэтому в подобном употреблении характеристика этих местоимений как указательных должна быть переосмыслена. При подобном употреблении они, скорее, служат для соотнесения объекта с центром высказывания, сигнализируя о включении данного объекта в то пространство, которое говорящий считает своим окружением и включает себя самого в это же пространство или считает себя исключением из упоминаемой зоны. В первом случае используется *that*. Как в свое время отметил Ч. Филмор, пространство, в которое говорящий включает себя, не ограничено никакими рамками, кроме оценки пространственного расположения самим говорящим. Поэтому вполне уместно выражение *Here in this Galaxy*. Именно такое включение себя в выбранное самим говорящим пространство Ю. Д. Апресян удачно назвал «личной сферой говорящего» (Апресян 1986: 95).

Жестовое подкрепление местоимения *this* также невозможно в тех случаях, когда *this* соотносится с целой пропозицией: *Violet did have an affection for her daughter, and this helped her to believe...* (Murdoch, 346). Аналогично может функционировать и *that*: *I was in a state of shock, I'm sorry I bothered you with that* (Ibid., 391). *I was so set on saying my little piece, as if that in itself could secure some morsel of my heart's desire...* (Ibid., 376).

Ни с местоимением *this* ни с местоимением *that* в подобном функционировании не встает вопрос об их указательности и

покреплении жестом. Когда эти местоимения соотносятся с пропозицией, то, естественно, они используются анафорически так как отсылают к тому, что было сказано ранее.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда эти местоимения соотносятся с обозначениями абстрактных сущностей: *A question which might be asked is this (Hailey, 48). She shuddered. Then she actually began to feel afraid. It's all about Gerard, this pointless feeling, this fear (Murdoch, 273).* В первом примере местоимение *this* также можно считать употребленным анафорически, а его антецедентом — всю ту часть, которая расположена влево от глагола *is*.

Однако, как известно, традиционно принято считать, что каждое абстрактное существительное соотносится со свернутой пропозицией и, следовательно, и в этом случае употребление формы единственного числа местоимения оказывается схожим с ранее рассмотренным. Интересен тот факт, что с точки зрения грамматических форм пропозиция трактуется как нечто единое и соотносится с формой единственного числа указательного местоимения. Это такое же условное единственное число, как и единственное число глагола, сочетающегося с придаточным подлежащим *What he says is true*. Содержание приведенного предложения-подлежащего вполне допускает смысловую трактовку как некоего множества, ибо то, что говорят, обычно включает некое множество и поэтому с точки зрения уровня содержания была бы вполне оправдана форма множественного числа местоимения. Однако с точки зрения грамматических форм эти структуры рассматриваются как нечто единичное, требующее согласования в единственном числе. Аналогично и с указательными местоимениями, которые функционируют в форме единственного числа, когда соотносятся с пропозициями, представленными как нечто единое. Множественное число указательных местоимений, как правило, соотносится с дискретными сущностями, которые выражены более чем одной единицей: *Withdrawing papers, he handed them to Celia. „Thank you,” she acknowledged “I’ll let you have these back” (Hailey, 279). A few babies, . . . had already been born with deformities similar to those in other countries (Ibid., 337).*

Как видно из приведенного материала, референция указательных местоимений весьма широка и базируется на намерениях и желаниях говорящего. Причем значения указательных местоимений не зависят от смыслового содержания тех сущностей, с которыми они соотносятся и которые выступают их референтами. Местоимение *this* всегда указывает на близость, а местоимение *that* — на дальность расположения тех сущностей, о которых идет речь, от центра, вокруг которого строится высказывание. Указательные местоимения, являющиеся типичными дейктиками, широко используются анафорически. Соотносительность дейксиса и анафоры была предметом неоднократных

обсуждений. Определенная часть дейктиков свободно выступает в анафорической функции. Еще К. Бюлер (Bubler 1934) предельно сближал анафору и дейксис, выделяя как одну из основных функций дейктиков их анафорическое употребление. При этом надо учитывать, что К. Бюлер понимал дейксис гораздо уже, чем это принято теперь. При современной трактовке дейксиса его соотносительность с анафорой может быть прослежена только у некоторых дейктических единиц. Анафора не может касаться системы времен, прилагательных, наречий, предлогов и глаголов. Анафорическое употребление характерно для указательных местоимений. Однако при выполнении анафорических функций местоимения сохраняют все свои дейктические характеристики, хотя они несколько затушевываются и уходят на задний план. И в анафорическом употреблении местоимения *this — that* сохраняют свойство передачи близости — дальности к говорящему; местоимения *he — she* продолжают обозначать те лица, которые не принимают участия в коммуникации, но эти дейктические свойства уходят как бы на второй план. Несмотря на то что в письменном тексте превалирует анафорическое употребление указательных местоимений, не исключено и чисто указательное их использование: "I'm talking about that!" Andrew jabbed a finger, pointing to a collection of pharmaceutical bottles and packages and on a side table (Hailey, 151). "Speaking of trouble look at this!" Selecting another bottle, Andrew held it out (Ibid., 152).

Итак, указательное значение может возникать в письменном тексте только при наличии специального упоминания соответствующего жеста. Аналогично обстоит дело и с дейктическими наречиями. Строго говоря, анафорическое использование дейктиков также можно считать в известной мере передающим особое значение указательности. Дейктики отсылают, т. е. как бы указывают на то, что было сказано ранее. Следовательно, значение указательности сопутствует дейктикам не только в неаналогическом употреблении, но и в анафорическом.

Как уже было отмечено выше, категория дейксиса основана на семейном сходстве и объединяет единицы с довольно разнообразными свойствами и характеристиками. Одни дейктики более соотносены с центром по локальным признакам, а другие по темпоральным. Указательные дейктики обладают той спецификой, что указываемые объекты существуют в момент речи, т. е. для них характерна одновременность. В силу этих особенностей дейктики выполняют роль актуализаторов предложения. Используя введенное Ш. Балли понятие актуализации как соотношение виртуального знака с действительностью путем его приспособления к данной ситуации с помощью актуализаторов, можно считать, что основные дейктики именно так и используются в речи, хотя, кроме того, несут и иную смысловую и структурную нагрузку. Актуализационные свойства при-

сущи дейктикам в различной степени: одним больше, другим меньше. Наиболее выпукло они представлены у личных и указательных местоимений и некоторых наречий места и времени, которые «привязывают» высказывание к определенной ситуации. Эти дейктики выступают как двуликий Янус: с одной стороны, попадая в высказывание, они подвергаются процессу актуализации, а с другой — они сами способствуют актуализации высказывания.

Таким образом, на них ложится двойная нагрузка: с одной стороны, они сами актуализируются, а с другой — являются одним из средств актуализации того высказывания, в котором они участвуют.

Термин «актуализация» обычно связывают с именем Ш. Балли, и считается, что именно он ввел этот термин (Балли 1955). Однако на авторство в создании этого термина претендует Г. Гийом (1992). Справедливее было бы считать этот термин принадлежащим Ш. Балли, так как он глубоко и всесторонне разработал идею актуализации. В теории актуализации противопоставляется актуальное значение виртуальному. Ш. Балли считает, что функция актуализации заключается в переводе языка в речь. Актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта.

Как полагает Ш. Балли, виртуальное понятие всегда неопределенно по объему, но вполне определено по содержанию и имеет ограниченное число характерных черт. В отличие от виртуального понятия, актуализированное понятие бывает определенным по объему и неопределенным по содержанию, так как актуализированное понятие выступает как индивидуализированное понятие и, следовательно, обладает бесчисленным множеством характеристик.

При актуализации понятие становится членом высказывания и должно быть отождествлено с реальным представлением говорящего субъекта, т. е. индивидуализировано.

Как указывает Ш. Балли, в механизме языка существуют различные приемы для превращения языка в речь, которые он называет актуализаторами. Дейктические слова в сопровождении жеста могут служить актуализаторами, как считает Ш. Балли. Однако функционирование дейктиков показывает, что они осуществляют роль актуализаторов и без наличия жеста.

Идея актуализации получила широкое распространение в лингвистике и представлена в различных модификациях во многих исследованиях. Однако не все сказанное Ш. Балли убеждает в равной мере, и многие его утверждения представляются в значительной мере спорными.

Согласно утверждению Ш. Балли, актуализация есть индивидуализация, и всякое понятие, попадая в высказывание, актуализируется, т. е. индивидуализируется. Подобное глобаль-

ное утверждение не обладает той всеобщностью, которую ему придает Ш. Балли. Действительно, в подавляющем большинстве случаев именно так и происходит. Однако в зависимости от текста возможен и иной результат при актуализации. Если для анализа взять текст философского характера, то оказывается, что понятия, воплощенные в высказывания, отнюдь не всегда индивидуализируются, а могут сохранять признаки виртуальности и сохранять неопределенность по объему и определенность по содержанию: ...intelligibility can take second place to utility (Rundle 1979: 2).

При подобном функционировании имена существительные актуализируются только в том плане, что становятся членами высказывания. Однако с точки зрения других признаков, выдвинутых Ш. Балли, они оказываются ближе к виртуальным знакам, чем к актуализированным, так как сохраняют неопределенность по объему и определенность по числу характерных черт.

Однако подобное употребление у дейктиков отсутствует. Дейктики не актуализируются только в случае метаязыкового употребления, а при обычном функционировании у них обычно осуществляется актуализация.

Для актуализации личных местоимений 1-го и 2-го лица требуется присутствие лиц, обозначенных этими местоимениями. Для того чтобы *you* было полностью актуализовано, необходимо не только, чтобы говорящий обратился к адресату, но и чтобы адресат понял и осознал себя как то лицо, к которому речь обращена, и вел себя соответствующим образом. Однако *you* в ряде употреблений может оказаться двусмысленным, и адресат может испытывать недоумение в отношении того, кого имеет в виду говорящий. Это так называемое неопределенно-личное употребление: *you should be careful while crossing the street*. При подобном функционировании *you* адресат не может быть уверен, что говорящий имеет в виду его, а не использует это местоимение для более общего обозначения. При подобном употреблении, согласно точке зрения Ш. Балли, *you* также актуализуется, однако не соотносится с определенным объектом мира или нашим концептом о нем. Поэтому при неопределенно-личном использовании происходит иной тип референции.

Актуализация указательного местоимения *this* хорошо подтверждает положение Г. Фреге о том, что смысл отличен от значения и что у одного и того же выражения при каждом его новом употреблении появляется новый смысл (Фреге 1987). Однако для определения смысла требуется некоторый набор признаков. Кроме индивидуальных особенностей данного случая употребления необходимо также учитывать и значение используемой словесной единицы. Однако при употреблении указательного местоимения *this* возникают большие трудности, так как *this* может обозначать все что угодно, начиная от конкрет-

ного объекта и абстрактной идеи и кончая сложной ситуацией. При этом приходится учитывать и интенцию говорящего, чтобы понять, что именно имеется в виду в данном случае, т. е. что отвечает условиям, поставленным говорящим.

Наречия *now* и *here* обретают свой смысл также при актуализации в устном или письменном варианте речи, указывая на место и время, совпадающее с данным высказыванием.

При переходе из языка в речь как указательные местоимения, так и наречия места и времени начинают обозначать отношения между высказыванием и определенным местом и моментом времени. *This — that* определяют близость — дальность по отношению к говорящему и таким образом соотносят высказывание с обсуждаемой ситуацией. Таким образом, передаваемый дейктиками смысл всегда относителен. Дейктики не характеризуют, а устанавливают соотношенность расстановки объектов и других сущностей в пространстве и времени и по отношению к автору речи. Дейктики ничего не сообщают о свойствах предмета и его назначении в объективном мире, но лишь ориентируют воспринимаемую речь на то, как та или иная сущность соотносится с другими сущностями.

Исключение составляют дейктические существительные типа *passenger*, дающие некоторое подобие описания того объекта, с которым они соотносятся. Но эти единицы находятся на периферии поля дейксиса и нетипичны («плохие» примеры) для данного класса слов. То же и с глаголами *come* и *go*. Совершенно особое место в категории дейксиса занимает видо-временная система, которая, согласно современной точке зрения, дейктична, но представляет собой не один языковой момент, а целую систему форм. В плане актуализации эта система выполняет свою дейктическую роль, так как соотносит предложение с определенной ситуацией и таким образом конкретизирует его, превращает в индивидуальное и претворяет в действительность, локализуя во временном отношении.

Как считает Ш. Балли, локализация понятия процесса выражается временем глагола. Актуализация происходит при включении в предложение и превращении этих форм в члены предложения.

К хорошим актуализаторам можно причислить указательные дейктики и дейктики места. Всякое указание выделяет и индивидуализирует предмет и таким образом способствует его актуализации. Аналогично обстоит дело и с дейктиками, указывающими на место, так как локализация объекта также способствует его выделению из массы других и дает возможность его актуализировать. К менее типичным актуализаторам относятся дейктики, чье смысловое содержание имеет некоторое подобие характеризации. Это дейктики типа *tonight*, которые не только указывают время по отношению к точке отсчета, определяемой говорящим, но и характеризуют время суток.

Иными словами, чем более типичен дейктик для своего класса, тем менее он способен характеризовать объекты по их качествам. Однако дейктики могут использоваться для характеристики, но это уже будут специальные структуры типа *he who*, т. е. построения с развернутыми определениями. В плане актуализации несколько особняком стоят дейктические прилагательные и дейктические существительные типа *passer-by*. Особенно слабой актуализационной силой обладают прилагательные типа *late — early*, свободно функционирующие как указатели частей суток независимо от обсуждаемой ситуации: *early in the morning*.

Наиболее общим и сильным актуализатором в английском языке можно считать определенный артикль, для которого характерно чрезвычайно широкое употребление и способность практически функционировать в сочетании с любым существительным.

Как известно, значение определенного артикля близко к значению указательного местоимения: и артикль и местоимение направлены на выделение некоей сущности из других ей подобных. Однако указательное местоимение служит для того, чтобы подчеркнуть выделение одного объекта из массы ему подобных, тогда как определенный артикль как бы больше нацелен на тот предмет, о котором идет речь (*this book — the book*), и не предполагает других подобных объектов.

Как отмечает Б. Рандл (Rundle 1979), определенный артикль далеко не всегда референтен: *His aim is to be the next Prime Minister*. И хотя существование и референция достаточно широко присущи определенному артиклю, они отнюдь не являются его необходимой принадлежностью. Дейктические свойства артикля хорошо выражены, и с точки зрения теории прототипов он является хорошим примером дейктика.

Общеизвестно, что артикль сам по себе — очень слабое слово и его расшифровка в плане передаваемого им значения зависит в большой мере от того сочетания, в котором он употреблен. Указательные местоимения гораздо более самостоятельны, и их референциальная направленность значительно более определена. Тем самым они являются более сильными актуализаторами высказывания, чем определенный артикль.

Включаясь в предложение, дейктики начинают активно действовать в плане связывания языкового материала с действительностью. Эта связь осуществляется с помощью референции, которая конкретизирует ситуацию, соотнося языковые знаки с объектами и сущностями мира. Референцией принято считать отношение актуализованного, т. е. включенного в речь имени к объектам действительности.

Язык актуализируется в речь с помощью связного текста, т. е. в первую очередь предложения. А так как предложения

создаются людьми, то, естественно, оказывается необходимым учет прагматического фактора.

Если следовать теории С. Криппе (Kripke 1979), то можно считать, что дейктики в своей основной массе выступают как единицы, осуществляющие референцию говорящего. При анафорическом употреблении дейктиков у них возникает кореференция. Каждое употребление «я» имеет референцию к определенному лицу, и его употребление не одно и то же, а соотносится с бесчисленным количеством лиц, и, таким образом, референция изменяется в каждом случае или в отдельных употреблениях при использовании этого местоимения одним и тем же лицом соотносится с единичным субъектом. Иными словами, дейктические единицы, как и другие словесные знаки, приобретают референцию только при их употреблении, хотя в их значение включается предложение о возможной референции.

Как отмечает П. Ф. Стросон (1982), некоторым типам слов свойственно референциальное употребление, что особенно характерно для местоимений и проявляется по-разному у различных местоимений. Для личных местоимений референтное употребление может быть сформулировано очень точно, а для указательных — с большой степенью неопределенности. Он полагает, что личные местоимения могут употребляться только референтно. Такое утверждение, несмотря на кажущуюся справедливость, нуждается в уточнении. Всем хорошо известны факты, когда личное местоимение типа *he* имеет неререферентное употребление: *He who laughs last laughs longest (best)*. Иначе обстоит дело с местоимением *I*, которое всегда референтно и иного употребления не имеет за исключением метаязыкового: «*I*» is a personal pronoun.

Гораздо сложнее оказывается вопрос о референции местоимений в сказках и мифах. В этих произведениях обсуждаются несуществующие объекты, и поэтому референция, казалось бы, невозможна. В подобных текстах обсуждаются сущности, созданные нашим воображением. Однако они могут быть восприняты визуально, изображенные на картинках в книгах, картинах или скульптурах. Таким образом, плод нашей фантазии может получить реальное существование, и поэтому в повествовании об этих существах при использовании дейктических местоимений можно усматривать истинную референцию, которая производится к сущностям, расположенным в воображаемом мире.

Более того, поскольку вся мифология представлена в основном в письменном тексте, употребление местоимений в этом случае носит анафорический характер, и здесь встанет другой вопрос: можно ли считать анафорическое употребление референтным. Вероятно, анафору можно считать особым видом референции к ранее упомянутой единице.

Функционирование местоимений в тексте, как правило, бы-

вает изолированным. Для них не характерно быть ведущим элементом подчинительного словосочетания. Особенно нетипичны левые зависимые, т. е. препозитивные атрибуты. Это вполне закономерно, так как препозитивные атрибуты конкретизируют значение ведущего элемента, а местоимения не нуждаются в конкретизации. Еще О. Есперсен (1958) отметил, что сочетания типа *red roses* или *Icelandic peasants* сужают и конкретизируют значение ведущего члена, так как крестьян на свете значительно больше, чем исландских крестьян, а роз вообще больше, чем красных роз. В силу таких свойств препозитивных атрибутов в подчинительных словосочетаниях происходит уточнение того понятия, которое выражено главным словом: с помощью модификатора оно становится более специализированным. Именно поэтому дейктики почти не фигурируют в подобных сочетаниях в роли главного слова, так как они не нуждаются в дальнейшей специализации. Дейктические слова по своему содержанию достаточно конкретны, и им не требуется никаких добавочных единиц для дальнейшей конкретизации.

Однако не все примененные определители сужают значение определяемого и приводят к его специализации. Такими свойствами обладают только ограничительные определения, а кроме ограничительных существуют еще и неограничительные, которые обычно имеют эмоциональный характер. Такой тип примененного определения может встретиться и при дейктическом ядре. Например, *poor me!* К такому же типу относятся и постпозиционные модификаторы, которые также возможны при дейктическом ядре.

Общезвестно, что постпозиционные атрибуты обычно имеют описательное значение и служат скорее для характеристики, чем для уточнения содержательной стороны определяемого. Поэтому подчинительные структуры с дейктиками в качестве ведущего обычно распространяются правыми зависимыми. Однако типичное функционирование дейктиков в плане образуемых ими структур либо изолированное имеющее референтную соотнесенность и поэтому устанавливающее связь с ситуацией, которая обозначена языковыми средствами, либо в качестве зависимых элементов подчинительных структур.

Дейктические примененные зависимые широко используются в языке и служат для специализации и уточнения ведущего элемента сочетания: *this / that book; my book; the above sentence*.

Некоторые дейктики, например личные местоимения, не могут выполнять функции примененного зависимого и используются либо только изолированно, либо в сочинительных структурах. Дейктики-наречия свободно выполняют функцию приглагольных зависимых: *turn left; jump down; stay behind*.

Дейктические местоимения не обладают многозначностью, так же как и дейктические наречия места и времени. Это их

свойство способствует тому, что они не требуют уточнителей своих значений. Например, если взять недейктические существительные типа *floor* или *voice*, то для того, чтобы выявить их семантическое содержание, необходимо их включить в словосочетание: *eleventh floor*, *rough voice* и из этого минимального контекста (Амосова 1968) становится ясным, что в данном случае *floor* означает «этаж», а *voice* — «голос», а не грамматический залог.

Интересны отношения между составляющими в сочетаниях *all this*, *all that*. Есть основания считать, что комбинирующиеся элементы находятся в соотношениях подчинения, так как элементы структурно неравны и только один из них может заменить все сочетание в целом: *I can't be responsible for all this* → *I can't be responsible for this*. Как видно из примера, ведущим оказывается указательное местоимение, так как именно оно замещает всю структуру, а зависимый также выражен местоимением, но другого подкласса.

В отличие от дейктического *this*, которое не имеет омонимов, дейктическое *that* омонимично ряду единиц: существует *that*-наречие (*that much*) и *that*-союз. Эти омонимы легко различимы, так как у них не совпадают парадигмы: только дейктическое *that* имеет форму множественного числа — *those*.

Иначе обстоит дело с дейктическим наречием *there*, которое омонимично экзистенциональному *there*. Различить эти две формы не всегда просто. Одним из удобных способов выяснения природы *there* оказывается жест: дейктическое *there* допускает указание рукой на объект (*there's Harry with his red hat on*), тогда как для экзистенционального *there* такой жест недопустим.

Как отмечает Дж. Лакофф (Lakoff 1987), дейктическое *there* может быть интерпретировано только в определенном контексте. В предложении *There's Harry with his red hat on* *there* указывает на местоположение объекта по отношению к определенному центру и в таких случаях функционирует как наречие с локальным значением, указывающее месторасположение некоего объекта по отношению к определенному субъекту. Экзистенциональное *there* обладает иными свойствами и не дает указания на место, а сообщает о существовании объекта или события. Таким образом, у экзистенционального *there* локальное значение отсутствует: *There wasn't anyone in the room*. Различить эти два *there* можно с помощью некоторых трансформаций. Во-первых, наличие возможности *tag-questions* для экзистенционального *there* и отсутствие таковой для дейктического: *There wasn't anybody in the room, was there?* **There's Harry with his red hat on, isn't there?* Во-вторых, возможность структур с экзистенциональным *there* подвергаться отрицанию и отсутствие ее у дейктических *there*: *There wasn't anyone in the room*. **There isn't Harry with his red hat on*. В-третьих,

дейктическое наречие *there* контрастирует с дейктическим наречием *here*, а у экзистенциального такая оппозиция отсутствует: *There's Harry with our pizza! Here's Harry with our pizza! There will be a man shot tomorrow. *Here will be a man shot tomorrow.*

Интересно, что дейктические наречия *here* — *there* значительно меняют свои сочетательные способности в зависимости от того, занимают ли они начальную или финальную позицию в структуре. Если сравнить два предложения *Here comes Harry* и *Harry comes here*, то на первый взгляд они идентичны. Однако их сочетательные способности обнаруживают неодинаковые свойства. Местоположение этих единиц определяет их сочетаемость: при финальной позиции — сочетание наречия *here* с сочетанием *from time to time* (*Harry comes here from time to time*), но при начальном положении этого наречия такое сочетание невозможно: *Here comes Harry from time to time* (Lakoff 1987). Исследуя эти примеры, Дж. Лакофф говорит о том, что оба приведенных случая демонстрируют использование локального наречия *here*. Но его различие заключается в том, что при конечном расположении наречие определяет местоположение говорящего, а при начальном положении *here comes Harry* у наречия две функции: с одной стороны, оно указывает на конечный пункт траектории — местоположение говорящего, а с другой — показывает, что субъект находится на близком расстоянии от *Harry*. Эти интересные наблюдения Дж. Лакоффа трудно принять безоговорочно. Представляется, что изменения в значении наречия *here* при изменении его позиции в предложении более существенны, чем те, которые отмечает Дж. Лакофф. В случае начального положения наречие *here* перестает быть локальным наречием и переходит в иную категорию — в категорию слов, обозначающих сиюминутность действия, т. е. приобретает специфическое временное значение.

Аналогичное явление происходит и с дейктическим наречием *there*. При перемещении его в начальную позицию в предложении *there* также теряет свою локальную семантику и приобретает значение, близкое к временному, указывающему на то, что происходит в момент речи: *There comes Harry* cf. *Harry comes there*. Трактовка Дж. Лакоффа этого наречия также представляется спорной. В обоих случаях он усматривает пространственное значение, с той только разницей, что при начальном положении наречие *there* не определяет конечную точку траектории идущего, а только указывает на то, что субъект следует по траектории, определяемой глаголом *come*. Однако и в этом случае у наречия также меняется значение, и вместо локальной семантики оно начинает передавать временное значение, указывая на сиюминутность происходящего. Следует подчеркнуть, что их дейктическое значение при этом не теряется и они про-

должают сигнализировать близость — дальность того, о чем идет речь.

В английской стилистике существует мнение, что предложения, которые начинаются с наречия *there*, оказываются «слабыми», т. е. маловыразительными. Однако эта точка зрения оспаривается некоторыми авторами. Так, У. Сафира (Safire 1985) доказывает обратное, приводя пример из «Гамлета» У. Шекспира: *there's the rub*. Автор считает, что *there*, обозначающее место или выступающее интенсификатором и равное по значению *that*, является очень сильным словом, начальная позиция которого не только не ослабляет высказывания, а, напротив, усиливает его и делает более экспрессивным. Еще один приведенный пример хорошо подтверждает эту точку зрения. Так, если переделать фразу, сказанную Брутом: *There is a tide...* в *A tide exists*, — то эмоциональное воздействие высказывания совершенно утрачивается.

Дж. Лакофф считает, что дейктическое *there* не однозначно, а распадается на целый ряд структурных подклассов или, как он их называет, субконструкций, причем он включает в эту же категорию построения с *here*. Эти субконструкции следующие (Lakoff 1987: 211):

Central: *There's Harry with the red jacket on.*

Perceptual: *There goes the bell now!*

Discourse: *There's a nice point to bring up in class.*

Existence: *There goes our last hope.*

Activity start: *There goes Harry, meditating again.*

Delivery: *Here's your pizza, piping hot.*

Paragon: *Now there was a real ballplayer!*

Exasperation: *There goes Harry again, making a fool of himself.*

Narrative Focus: *There I was in the middle of the jungle...*

New Enterprise: *Here I go, off to Africa.*

Presentational: *There on that hill will be built by the alumni of this university a ping-pong facility second to none.*

Однако не все приведенные примеры можно считать субконструкциями центрального прототипа. Это в особенности касается построений с начальным *here*. Предложенная классификация подгрупп основана не столько на значении инициальных слов, сколько на значении того, что передается всей пропозицией.

Более того, *here/there* в приведенных примерах выступают не как чисто дейктические локальные наречия, а, скорее, как наречия, совмещающие в себе признаки наречий и частиц и выражающие некое достигнутое состояние. В этом плане эти наречия напоминают русские модальные частицы «вот», «ну» и

близки к ним по значению. С ними также сближается и указательное местоимение *that*. Сравните: *There's Harry* и *That's Harry* — оба выражения служат для привлечения внимания к некоему субъекту, и разница в передаваемом содержании невелика — *there* привлекает внимание к названному месту, а *that* — к названному лицу (*Harry*).

Для дейктической *there*-конструкции характерно иметь в поле зрения то, о чем идет речь, если это физически оформленная сущность. Если же речь идет о концептуальных сущностях, то дейктическое наречие *there* обозначает абстрактно-концептуальное пространство.

Таким образом, дейктическое наречие *there* характеризуется целым рядом специфических черт, позволяющих выделить его и не смешивать с экзистенциональным *there*.

Часть 2

АКТУАЛИЗАЦИЯ СМЫСЛА

Глава 1

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК АКТУАЛИЗОВАННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАНИЕ

1.1. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Речевые стереотипы представляют собой высказывания, которые возникают в процессе общения в жестко канонизированной форме и подвергаются стандартизации, многократно повторяясь в аналогичных коммуникативных проявлениях. Эти языковые единицы имеют характер формул. Так, О. Есперсен проводит разницу между выражениями *How do you do?* и *I gave the boy a lump of sugar*. В первом предложении ничего изменить нельзя, даже ударение или сделать паузу между словами. Его можно считать застывшей формулой, как и *Good morning!*, *Thank you*, *Beg your pardon*. Во втором предложении можно выделить ударением любое из полнозначных слов, сделать паузу, например после *boy*, заменить местоимение *I* на *he* или *she*, а глагол *gave* на *lent* или вместо *boy* поставить *Tom*. Можно даже добавить в предложение некоторые слова. Разница между свободными выражениями и формулами заключается в том, что формулы воспроизводятся как усвоенные и хранящиеся в памяти цельные образования, а свободные выражения создаются говорящим в каждом конкретном случае заново (Есперсен 1958: 16). Формулы О. Есперсен понимает очень широко — «формулой может быть целое предложение или группа слов, одно слово или часть слова, т. е. неважно, каков ее состав; важно, чтобы живым чувством языка она воспринималась как нечто единое, нечленимое и не разложимое так, как членятся и разлагаются свободные сочетания» (там же: 23).

В современных синтаксических классификациях речевым стереотипам, как правило, отказывают в предложительском статусе ввиду ограниченной структурной формы — в них часто отсутствует предикат в личной форме (*Good morning*; *So long*) или при наличии предикатной структуры (*Don't mention it!* *God knows!*) их значение определяется не семантикой предиката, а всей коммуникативной ситуацией, в которой это высказыва-

ние используется. Таким образом, оказывается, что каждое такое высказывание наделяется атрибутом коммуникативной значимости, актуальный смысл которого тесно связан с правилами и типами конкретных коммуникативных ситуаций. В этих ситуациях собственно и создается речевой стереотип как явление социально-речевое, закрепляющееся в процессе функционирования в памяти данного языкового коллектива и обретающего кодифицированное коммуникативное значение выступать регулятивами человеческих общений.

Высказывания обрastaют семиотическими стереотипами в процессе усвоения и употребления в определенных коммуникативных ситуациях. Они относятся к той области знаний, которая нацелена на обслуживание социальных потребностей в сложно структурированной коммуникативной ситуации. Это некий универсум стратегий и тактик коммуникантов, ограниченный рамками особой коммуникативной системы, которая может изменяться во времени, но в каждый отдельный момент времени является стабильной.

Процесс описания актуализации этого коммуникативного значения для исследования связан прежде всего с определением понятийных категорий, выражающих эти высказывания. В лингвистике эти высказывания определяются двояко — либо с номинативной точки зрения, либо на коммуникативном уровне. Этот факт раскрывает проблемы актуализации как явления номинативно-семантического и коммуникативно-семантического.

Номинативно-семантический аспект связан с проблемой жесткой синтаксической формы, что позволяет относить исследуемые высказывания к идиоматике.

«Каждое слово в каждом языке в определенный момент его развития входит в ограниченное количество более или менее устойчивых сочетаний слов, и в каждом языке в определенный момент обращается ограниченное число сочетаний. Каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд, общее число этих застывших или устойчивых сочетаний для каждого языка относительно невелико. В то же время любая фраза, произнесенная или взятая из любого текста, полностью из них состоит» (Аничков 1992: 141). И. Е. Аничков, освобождая синтаксис от семантики, подчеркивает, что идиоматика все же «не является ветвью семантики, но благодаря тому, что она учитывает устойчивые сочетания, она служит семантике, которая должна выводить различные значения слова из его окружения, из разнообразных оборотов, в которые оно входит» (там же: 145). Это наблюдение чрезвычайно важно для поиска значения речевых стереотипов. Хотя в своих классификациях И. Е. Аничков не приводит примеров речевых стереотипов как идиом, однако примечательно его замечание о возможности отнесения к идиомам последовательности фраз (там же: 145).

Учитывая тот факт, что синтаксической основой стереотип-

ных фраз является их предложенческий характер, внутренней формой целесообразно считать логико семантический аспект ситуации, как это принято в семантическом синтаксисе. Однако этот уровень не позволяет раскрыть семантику речевых стереотипов, поскольку ситуация в своем мотивированном аспекте просматривается только в диахронии. Так, например, произошло с формулами прощания, которые трансформировались из высказываний пожеланий: *God be with you!* и *Fare well!* В них пропозитивное значение не существенно и структурно-семантическая сущность утрачивается, а главным становится новое функционально-речевое содержание — прощание: *Good bye!* *Farewell!* Из этого факта напрашивается вывод — при анализе от содержания к форме можно проследить мотивирующую связь. При обратном движении (от формы к содержанию) большинство речевых стереотипов оказывается немотивированными, например, *Ask me another!* в значении «Почем мне знать» или *Now you're talking!* в значении согласия с тем, о чем говорится. В этом случае необходимо обращаться к словарям или за разъяснением к носителям языка, так как далеко не все словари фиксируют такого рода выражения. Например, лишь в словаре Г. Партриджа (Partridge 1985) объясняется современная аббревиатура *BFN* (*bye for now*) — распространенная форма прощания, возникшая от *good-bye for now!* и особенно часто использовавшаяся при прощании по телефону в начале 60-х годов.

Хотя большинство исследователей признает принадлежность речевых стереотипов к фразеологической сфере, однако, классифицируя их в разрядах устойчивых фраз, часто отказывают им в номинативном статусе, поскольку совершенно справедливо видят в них в основном коммуникативную значимость. В. Г. Гак называет такие слова-предложения коммуникативами, т. е. словами-предложениями, функционирующими как независимое высказывание и выражающими чисто коммуникативные аспекты ситуации. Он выделяет: 1) логические коммуникативы, передающие утверждение и отрицание (*oui, non, si, jamais de la vie! Naturellement!*); 2) вопросительные (*Quoi? Pourquoi? Hein?*); 3) побудительные (*Chut! Allons-y.*); 4) эмотивные (*Bravo! Helas!*); 5) обращения (*Michel! Madelain!*); 6) формулы общения: приветствия, благодарности и т. д., которые нередко сочетаются с обращениями (*Salut, Tontain.*); 7) звукоподражательные (*Pan! Bz-z!*), при этом отмечая, что морфологический класс междометий участвует чаще всего в образовании этих коммуникативов (Гак 1986: 165). Поскольку эти высказывания связаны с идиоматической сферой, В. Г. Гак называет их также фразеорефлексами, содержащими выражение реакции говорящего на разнообразные явления действительности. Отождествляя содержание высказываний с их функциями, автор выделяет следующие основные группы: 1) формулы эти-

кета: *здравствуйте, спасибо*; 2) реакции на неожиданные звуки: *будьте здоровы*; 3) реакции на появление чего-либо или кого-либо, на возникновение чего-либо, на повторение явления: *только этого и не хватало; здравствуйте, я ваша тетя; опять двадцать пять*; 4) реакция на определенную ситуацию: *порядок! прости-прощай!*; 5) реакции на слова или вопросы, на мнения собеседника или иного лица: *с чего вы это взяли? спрашиваешь! а ты думал!*; 6) оценка слов и действий другого человека: *ты с ума сошел! как не стыдно!*; 7) выражение побуждения: *давай-давай!* (Гак 1995: 47—48). Несмотря на некоторую эклектичность приведенной классификации (этикетные высказывания и побудительные высказывания не обязательно реактивны), важна попытка систематического анализа данного типа высказываний. Автор отмечает также национальную специфику этих высказываний, которая проявляется как в содержании (в разных языках по-разному участвуют или не участвуют стереотипные высказывания в «обслуживании» сходных коммуникативных ситуаций), так и в языковой форме. Так, русскому высказыванию *Ни к селу ни к городу* соответствует французское *Ça vient comme des cheveux sur la soupe* (букв. «все равно, что волосы в супе»), а русское высказывание одобрения *Это здорово!* во французской разговорной речи выражается глагольными формами: *Ça aggrave; Ça crache, ça en jette* (там же: 48—49). Именно такая национально-культурная специфика затрудняет создание двуязычных словарей, ибо во многих случаях просто не существует соответствий, и содержание высказываний приходится раскрывать с помощью описания функционального значения и типа коммуникативной ситуации (Третьякова 1995: 102—128). В английском языке определение национально-культурной специфики речевых стереотипов представляет особую трудность, так как существуют речевые стереотипы, характерные только для американского, австралийского или канадского вариантов, а также стереотипы, имеющие общую форму, но разные функциональные значения.

В англистике речевые стереотипы были определены А. И. Смирницким как предложения, входящие в систему языка: «Речь идет о таких постоянно воспроизводимых в процессе языкового общения предложениях, как *How are you?* 'Как поживаете?'... Конкретные предложения, т. е. предложения, состоящие из данных определенных слов и определенным образом грамматически оформленные, являются уже речевыми произведениями, создаваемыми в процессе применения языка теми или иными людьми, в тех или иных условиях для тех или иных целей» (Смирницкий 1956: 228). В сущности, в данном наблюдении определяется необходимость при изучении содержания этих высказываний учитывать коммуникативное намерение и коммуникативную ситуацию, т. е. функционально-семантические компоненты. Отмечая их своеобразие, автор далее пишет: «Эти

воспроизводимые единицы не являются фразеологическими единицами, или „эквивалентами слов"... Они в отличие от фразеологических единиц составлены из семантически отчетливо выделяющихся частей: хотя они и употребляются как целые, готовые единицы, значение каждого компонента ясно осознается говорящими» (там же: 230). При этом одна только интонация во многих случаях служит показателем отличия стереотипной фразы от свободного сочетания. Главной особенностью этих высказываний становится воспроизведение этих единиц не как заново создаваемых говорящим, но как готовых речевых произведений, которые утратили характер «цитирования» и являются мыслью самого говорящего (там же: 239).

Такая близость речевых стереотипов к говорящему субъекту и автоматизм воспроизведения ставят эти высказывания близко к разряду междометий. Речевые стереотипы сближает с междометиями и тот факт, что им не предписывается предметно-логическая соотнесенность с действительностью, но лишь номинация области, к которой они относятся. Важная семантическая черта междометий — обобщенность выражаемого ими смыслового содержания, раскрываемого обычно в предшествующем или в последующем высказывании или же уточняемого интонацией, мимикой, жестами. А. А. Потебня писал, что непонятность междометия заключается в том, что «оно совсем незаметно сознанию субъекта... оно не имеет значения в том смысле, в каком имеет слово» (Потебня 1993: 70). Так, междометие «ах!», будучи включенным в предложение «я сказал ах», будет уже названием междометия, а не междометием. «Междометие уничтожается обращенной к нему мыслью» (там же: 70). То же можно сказать и об этикетных высказываниях типа *Good morning, Thank you, Don't mention it*, которые часто включаются в разряд междометий. Например, английская формула приветствия *Hello!*, попадая в контекст другого высказывания, теряет свойство быть речевым действием, приобретает свойство номинировать это действие: *A man with dark hair opened the door, smiled and said hello* (Longman Language Activator 1993: 603). Интересно отметить также и тот факт, что многократное повторение формулы *hello* с локутивным глаголом *say* приводит к образованию нового речевого стереотипа в виде директивного высказывания *Say hello to someone* со значением просьбы передать приветствие: *I'd better go now. Say hello to Shelley for me, will you?* (там же: 604). В современном английском коммуникативном словаре Longman Language Activator формула *say hello* дана отдельно, что указывает на динамику развития коммуникативного значения исходного высказывания: от первоначального речевого действия-приветствия через «цитирование» в составе более крупной синтаксической единицы к новому речевому действию.

Цитирование является одним из самых распространенных

приемов создания речевых стереотипов. Например, цитата из книги Сэра Стэнли «Как я нашел Ливингстона» стала речевым стереотипом с 1885 г. После знаменитой песни группы Битлз это высказывание пережило свой Ренессанс и в настоящее время может употребляться как шутливое обращение или приветствие, имеющее иронический характер (Partridge 1985: 67). Цитатой из английского пятистишия (лимсрика) является и высказывание Who does what and with which?, которое стало комментарием по поводу запутанной ситуации (Ibid.: 350). В русском языке в качестве цитат можно привести «Здравствуйте, Киса!» (неодобрительный комментарий) или «Сегодня стулья, завтра деньги» (заявление о приоритетности своего положения) — цитаты из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Некоторые речевые стереотипы, взятые из переводов, в виде цитат, продолжают свою функциональную жизнь в другом языке, как это получилось с выражением «Элементарно, (мой дорогой), Уотсон», или с транслитерациями типа *се ля ви* или *шерше ля фам*. Как правило, эти высказывания-заимствования носят шутливый или иронический характер, при этом сохраняется национально-культурная специфика исходного высказывания, что отражает межкультурные связи языков.

Источником происхождения речевых стереотипов могут быть не только цитаты из художественных произведений, фильмов, изречений известных исторических личностей или анекдотов. В сферу речевых стереотипов постоянно вовлекаются разнообразные высказывания, возникшие в повседневной жизни.¹ При этом, как было сказано выше, меняется функционально-семантическая направленность высказывания, возникает иной актуальный коммуникативный смысл. Говорящий соотносит уже существующее высказывание с иной сферой коммуникативной деятельности. Механизм актуализации коммуникативного смысла речевых стереотипов оказывается связанным с изменением вектора направленности коммуникативного действия. Причем процесс актуализации коммуникативного смысла связан с временным фактором.

Некоторые высказывания могут устаревать довольно быстро, а другие надолго остаются в употреблении. Но главное свойство речевых стереотипов заключается в динамичности и

¹ Интересно отметить национальную специфику не самих шаблонных ситуаций, а тех ситуаций, которые прежде всего выступают источником появления речевых стереотипов в разных языках. Так, для французского языка характерно привлечение в разряд речевых стереотипов высказываний, которые можно слышать, например, в магазинах, ресторанах: *C'est la fin des haricots!* (букв. «Это конец фасоли») — в значении «больше не на что надеяться» или *C'est plus fort que le roquefort* («Это сильнее рокфора»), что значит «это невероятно» (Гак 1995: 51—52). Для английского языка более характерны источники высказывания из театральной жизни и шоу-бизнеса (Partridge 1985).

активности функциональных изменений. Например, высказывание *let's face it!* — цитата газетного заголовка статьи о бомбежке Пирл Харбор — сначала использовалось как призыв быть искренним, затем, с 70-х годов, изменяет свое функциональное значение и становится сигналом введения в разговор новой темы, которую собеседники ранее избегали (Partridge 1985: 191).

Одной из особенностей речевых стереотипов является их способность функционировать не как отдельная единица (или подчиненная предикативная единица), но как один отдельный член предложения, даже если речевой стереотип представлен структурой полного предикативного предложения. Самым удивительным фактом может быть включение в структуру предложения речевого стереотипа, заимствованного из другого языка, как это произошло с французским *je ne sais quoi*: *Her reading of the poem lacked a certain je ne sais quoi* (Longman Dictionary of English Language and Culture 1992: 703). В английском языке это высказывание означает одобрительный комментарий с шуточным оттенком. Несмотря на структурную завершенность включенного высказывания, его значение остается единым — шуточное одобрение.

На близость междометий и речевых стереотипов в отношении способности выступать в виде самостоятельных коммуникативных единиц или включенных номинативных единиц указывала в свое время Н. Н. Амосова (1963: 138—139). Она отмечала способность фразеологизмов выполнять такие синтаксические функции, как быть вводным членом предложения (*As far as that goes, for all one knows*), модальным вводным членом (*God knows (how, where etc); it goes without saying (that)*), а также выступать самостоятельными коммуникативными единицами, при этом часто их эмоциональное или даже аффективное значение вытесняет их «номинативную потенцию» (там же: 140). Автор проводит разницу между «функциональными группами фиксированных сочетаний»: 1) этикетными высказываниями (*Good morning; good evening; so long* и т. п.), относящимися к единицам устойчивого контекста, но не к фразеологизмам, 2) высказываниями повелительной структуры (*Take your time; draw it mild*), относящимися к фразеологическому фонду, и 3) фразеологизмами междометного характера (*Save the mark!; hang it all!; look here!*) (там же: 107; 140—142). Третья группа выделяется лишь на том основании, что эти фразеологизмы употребляются исключительно как самостоятельные коммуникативные единицы и, следовательно, лишены, по мнению автора, номинативной функции, как лишены ее все междометия.

Примером тесной связи междометий и речевых стереотипов является переход в разряд стереотипов такого междометия, как *oi, oi!*, которое, как было отмечено лингвистами, при медленном произнесении с особым интонационным рисунком исполь-

зается для выражения недоверия или неодобрения, например, при нарушении правил поведения в обществе. При вовлечении в коммуникативный процесс междометие приобрело новые — диалогические — функции.

В некоторых случаях наблюдается процесс сближения междометий и речевых стереотипов по линии сокращения высказывания до однословной формулы. Например, выражение искреннего одобрения *attaboy* восходит к высказыванию *That's a boy*. Через стадию редукции *'at's a boy* оно превратилось в однословный речевой стереотип, который часто используется в рекламных текстах (Partridge 1985). То же произошло с формулой приветствия *How do you do*, которая сократилась до междометия *howdy* в американском английском (Longman Dictionary of English Language and Culture 1992: 646).

До настоящего времени проблема актуального смысла междометий и речевых стереотипов не решена: они не только являются средствами «экстерниоризации» чисто эмоциональных импульсов говорящего, но и выполняют более сложные коммуникативные операции.

В последнее время поиск новых принципов определения фразеологического значения привел исследователей к таким сложным проблемам, как определение фразеологического знака (Кириллова 1991) и его прагматического потенциала (Артемова 1991). Привлечение категорий семиотики, безусловно, дает возможность описать сложную семантическую структуру фразеологической единицы, включающей в себя такие моменты, как отношение между людьми, между человеком и объективным миром. Эти семиотические категории близки к области функциональной семантики, поскольку они включают социальные, культурные и национальные факторы.

Очевидный речевой статус высказываний этого типа ставит проблему актуализации тех потенциальных коммуникативных значений (не номинативных, как это принято в работах по идиоматике), которые в процессе воспроизводства отождествляются говорящим и слушающим с теми или иными коммуникативными ситуациями. Таким образом, проблематика актуализации речевых стереотипов заключается не только в актуализации понятия с реальным представлением говорящего субъекта (Балли 1955: 87), но и в определении того уровня представления коммуникативного знания, которым владеют собеседники. В таком понимании механизмы актуализации оказываются связанными с моделированием речевого взаимодействия.

Трудности, возникающие при описании механизма актуализации речевых стереотипов по сравнению с другими единицами языка, состоят прежде всего в том, что в качестве актуализаторов выступают не столько элементы языковой системы, сколько внутренние психологические и внешние социальные процессы, которые обуславливают процесс коммуникации. Своеобразие

актуализации подобного рода высказываний состоит в «коммуникативной идиоматичности», способствующей эффективности коммуникации.

Семантика речевого стереотипа указывает на тот факт, что семиологическая функция стереотипа — это функция прагматическая. Если семантика внутренней формы прежде всего занимается определением семантической эволюции знака, ассоциативно-коннотативными признаками, экспрессивно-оценочными значениями, то коммуникативная семантика занимается прежде всего теми компонентами значения, которые релевантны для конкретной коммуникативной ситуации. Сама коммуникативная ситуация пронизывает весь речевой стереотип, относящийся к речемыслительной деятельности.

Исходя из того, что значения и знания неразделимые понятия, и значение — это закрепленное знаком и известное всему языковому коллективу знание о предмете или ситуации, определение значений речевых стереотипов следует проводить в той области лингвистики, которая связана с разработкой проблем становления знания, в том числе коммуникативного, и его представления в лингвистическом описании.

1.2. КОММУНИКАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Исследование речевых стереотипов как знаков, закрепляющих коммуникативное значение, ведется в рамках металингвистики, как ее назвал М. М. Бахтин (1987: 309), в которой язык рассматривается не просто как система знаков особого рода, а как «исследование языка в его взаимосвязи с познавательными и мыслительными структурами человека в контексте социальных закономерностей, управляющих человеческим общением» (Бйм 1983: 3). Установление параметров актуализации коммуникативного значения связано с определением интенциональных характеристик высказывания, которые, в свою очередь, связаны не столько с конкретным значением, сколько с конкретным смыслом (Бахтин 1987: 280). Этот смысл регламентируется не функциями языка, но самой коммуникативной действительностью. Актуализация смысла может пониматься двояко — с одной стороны, она имеет индивидуальный характер. Это означает, что даже типические экспрессивные формы могут выражать разные смыслы — например, в зависимости от контекста высказывание *Какая радость!* может приобрести иронический или горько-саркастический смысл, а высказывание *Он умер* может выражать «положительную, радостную, даже ликующую экспрессию» (там же: 279). Именно на этот факт указывал К. Бюлер, когда писал о том, что обращение «Эй, почтеннейший!» может быть оскорблением (Бюлер 1993: 37). Актуализованный коммуникативный смысл связан с индивидуально психической

интерпретацией, и многое зависит от «тона». Ш. Балли также отмечал, что одним из средств актуализации является интонация. Например, высказывание *Que voulez-vous*, произнесенное с восклицательной интонацией, перестает быть свободным и становится стереотипным выражением; *Que voulez-vous: du vin ou de la bier?* — свободное высказывание; *Que voulez-vous! Il n'y a rien à changer à cela* — стереотипное высказывание. Актуализация связана с явлением транспозиции, которая заключается в том, что «типовая грамматическая конструкция участвует в реализации не свойственной для нее коммуникативной функции» (Балли 1955: 149). В последнее время создание такого коммуникативного тропы соотнобразуется с формированием ситуативной или коммуникативной метафоры (Гак 1995: 50; Третьякова 1995: 65).

Актуализация имеет социализированный характер в том смысле, что актуализируется только наиболее типичный образ, выбранный из ограниченного количества стандартных интерпретаций коммуникативного смысла, закрепленных за тем или иным высказыванием. Эти стандартные интерпретации с тем или иным доминантным коммуникативным смыслом попадают в словари, и именно из них можно черпать информацию о функционально-семантических значениях высказывания. Интерпретация в таком случае понимается как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, и в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном смысле». Интерпретация становится необходимой там, где имеется многосложный смысл, и именно в «интерпретации обнаруживается множественность смыслов» (Рикер 1995: 18). Причем эти смыслы могут ускользать от носителя языка в силу незнания особенностей коммуникативного взаимодействия, а от носителя языка — потому, что многие значения используются носителями языка бессознательно из-за автоматизма и обыденности употребления. Например, высказывание *If you know what I mean* становится речевым стереотипом только в том случае, если оно функционирует в виде иронического комментария. В своем же прямом значении это высказывание стереотипом не является (Partridge 1985: 161).

Осознание и описание таких тонких смещений значения означает необходимость обращения к фиксированным интерпретациям смысловых отношений, которые делают лексикографы. Безусловно, точность толкования и отбор материала зависят от филологического чутья составителей и от исторического знания или понимания жизненной коммуникативной ситуации. Даже такое высказывание, как формула выражения согласия *Yes*, может получать разные толкования. Например, в словаре *Longman Dictionary of English Language and Culture* (1992: 1522) даются следующие варианты: 1) ответ на вопрос: "Is this a dictionary?" "Yes, it is"; 2) частичное согласие: "This system is

too expensive for the company to afford". "Yes, that's true, hut..."; 3) согласие выполнить приказ "Go and close the door." "Yes, sir". В словаре Longman Language Activator (1994: 1585) интерпретация словарной статьи Yes имеет более развернутый характер. Во-первых, сама единица рассматривается как инвариант коммуникативного смысла, который может быть выражен другими лексическими единицами; во-вторых, учитывается речевое взаимодействие коммуникантов. Например, в случае ответа-согласия на вопрос приводятся такие высказывания, как yes, неформальная единица yeah и американский вариант согласия sure, а высказывание I'm afraid so сопровождается комментарием, указывающим на то, что этот вариант согласия следует говорить в тех случаях, когда вы хотите быть вежливым и осознаете тот факт, что человек, задавший вам вопрос, надеется, что вы не согласитесь: "You are not going out, are you?" "I'm afraid so. I'll be back in about an hour though". Такие тонкие комментарии предполагают проникновение в сложности коммуникативного взаимодействия, которые часто могут ускользать от исследователя и не всегда восстанавливаемы из «внешнего» контекста коммуникативной ситуации.

В рамках теории общения Х. Ёйм предложил общую теорию понимания, которая занимается исследованием взаимосвязи единиц с «познавательными и мыслительными структурами человека в контексте социальных закономерностей, управляющих человеческим общением» (Ёйм 1983: 1), ибо именно эти структуры образуют систему человеческих знаний (языковых и неязыковых). Эта теория основана на анализе взаимодействия ассоциативных блоков памяти, включающих: а) когнитивную компетенцию — умение пользоваться всеязыковыми знаниями; б) интерактивную — умение пользоваться прагматическими знаниями и в) языковую — умение пользоваться языковыми знаниями.

Согласно этому подходу у языковых структур можно идентифицировать функциональную предопределенность, выраженную в их способности участвовать в коммуникативном процессе. Эта предопределенность связана со становлением регулятивных речевых функций в процессе интеракции (Halliday 1992). И. И. Ревзин выделяет следующие функции языка как моделирующей системы: 1) коммуникативную (общения); 2) когнитивную (передача мыслительного содержания); 3) фасцинативную (воздействия на слушателя с целью восприятия сообщения в желаемом смысле) и 4) функцию самоорганизации языка (Ревзин 1978: 139—140).

Все эти функции необходимы для определения коммуникативного значения, которое представляет «не просто значение, важное для акта коммуникации, а значение, немислимое вне акта коммуникации» (там же: 133). Так, категории рода, числа, падежа существительного существенны для акта коммуникации

и определяются говорящим, а не только системой языка. Но они не требуют знаний пространственно-временной локализации и указаний на отношение между высказыванием и действительностью. Артикли и местоимения отражают коммуникативные категории существительного, они немислимы вне акта коммуникации. Коммуникативное значение представляет собой не термины и предикаты, а определенные инструкции (там же: 133—143). К коммуникативным категориям относятся категории лица, времени, вида, модальности, истинности (Гак 1986: 101—113), а также такие синтаксические категории предложения, как коммуникативная целустановка, актуальное членение предложения, эмотивность и социальный аспект высказывания (т. е. разные речевые регистры) (там же: 101—139). В отношении последнего аспекта примечателен факт отнесения его не к стилистике, а именно к грамматической системе. Замечание В. Г. Гака, что «во французском языке расхождения избираемых форм в зависимости от условий общения столь велики, что они принимают грамматический характер» (там же: 138), можно отнести и к английскому языку. Речевые стереотипы в такой интерпретации являются выражением социально-коммуникативной категории грамматической системы.

Итак, речевой стереотип — это речевая идиома, которая обладает функциональным потенциалом в свернутом виде отражать всю формулу коммуникативной ситуации и которая не мыслится вне коммуникативной ситуации, т. е. обладает коммуникативным значением, и выступает в роли интеракционной единицы воздействия (имеет фасцинативную функцию). Проблема актуализации этой интеракционной функции связана прежде всего с проблемой выявления тех компонентов, которые могут участвовать в определении значения стереотипа и типа уровня представления этого значения.

Два функциональных компонента — семантический (относящийся к категории коммуникативных знаний) и коммуникативный (относящийся к категории воздействия) определяют свойства речевых стереотипов. Остановимся на проблеме представления этих компонентов.

Семантический компонент связан с определением стереотипности высказывания, т. е. символизацией. Э. Бенвенист отмечал, что способность к символизации у человека достигает своего наивысшего выражения в языке, который является символическим по преимуществу. Язык «делает внутренний опыт одного лица доступным другому в членораздельном и репрезентативном выражении... он реализуется в определенном данном языке, присущем отдельному обществу» (Бенвенист 1974: 30). При этом автор отмечает, что язык сочетает два разных способа означивания — семантический и семантический. Первый присущ языковому знаку как целостной единице, а второй относится к речи, «принадлежит сфере высказывания» (там же: 87—88). В

таком случае для понимания феномена речевых стереотипов необходимо отметить, с одной стороны, близость семиотического и семантического подходов к определению значения речевых стереотипов, а именно способность речевого стереотипа означать единое понятие, а с другой — его речевую принадлежность и способность изменяться в процессе коммуникации (Третьякова 1995: 34, 68—75). Именно такой двойственный характер речевых стереотипов позволяет рассматривать их как единицы речевой деятельности, в которых раскрывается их текстовая природа, способность быть элементом коммуникативной системы.

Семантика коммуникативной идиомы, каковой и является речевой стереотип, как было показано выше, может быть представлена как семантика текста. Л. В. Сахарный, описывая процесс порождения текстов-примитивов (тексты вывесок, ключевые слова и т. д.), указывает на наличие присущих всякому тексту свойств — цельности и связности. Актуализация элементов цельности рассматривается как «интеллектуально-эмоциональный процесс, в котором переплетаются когнитивные и коммуникативные структуры, сознательное и бессознательное, логическое и ассоциативное, выбор средств для оформления текста в процессе коммуникации и т. д.» (Сахарный 1991: 223). Такие же текстовые свойства проявляются в речевых стереотипах, но их цельность — не в номинативном, а в функционально-коммуникативном факторе. Цельность речевых стереотипов находится в динамике воздействия, которая и составляет основное назначение существования этой единицы. Речевые стереотипы как «минидискурсы» представляют метафорическими коммуникативными фигурами воздействия. Их метафорический характер состоит в том, что они передают не только небуквальное значение, но во многих случаях «транспонированное» актуальное значение. В отличие от метафоры как явления номинативного в данном случае мы имеем дело с метафорой коммуникативной.

Если Л. В. Сахарный в определении свойств текстов-примитивов и закономерностей их порождения отталкивается от категории цельности текста, то Ф. Шнейдер при рассмотрении французских речевых стереотипов (их автор называет иллокутивными стереотипными выражениями) предлагает вести анализ, обратный смыслообразованию (Schneider 1989). Порождение смысла осуществляется стратификационно и проходит следующие этапы (стратумы) — сигнификация, аргументация, пресуппозиция, перлокуция; из них и складывается коммуникативный смысл, позволяющий правильно интерпретировать значение высказывания. При этом сигнификация понимается как смысловая трансформация изначальных значений знаков, которая ведет к смысловому сдвигу; аргументация является связыванием своего мнения; пресуппозиция определяет связность

между языком и дискурсом, т. е. связана с идеей о возможных мирах; перлокуция же определяется не только языковым, но и интонационным фактором (Ibid.). Таким образом, актуализация коммуникативного знания предстает как путь от потенциально заложенных в высказывании коммуникативных возможностей к реализации их в контексте коммуникативной ситуации. При этом сам анализ высказываний автор предлагает вести в обратном направлении, т. е. от коммуникативной ситуации к смысловым потенциям высказывания. Трудности лингвистического описания семантики речевой единицы заключаются в simultaneity коммуникативного смыслообразования.

Методика семантического анализа связана с принципами рассмотрения смысловых характеристик единицы. Если в структурной семантике главное — это анализ дискретных единиц, то в методике функционально-семантического анализа необходимым оказывается вовлечение таких «нелингвистических» параметров, которые в совокупности формируют коммуникативную ситуацию. Эти параметры носят дискурсивный характер, в том смысле, что высказывание является дискурсом с такими параметрами, как цельность и связность. Оба эти компонента связаны с проблемой интеракции, которая рассматривается как категория и семантическая и семиотическая.

Речевой стереотип можно считать вербализованным ментальным знаком, отражающим объем коммуникативных знаний, существующих в том или ином сообществе. Для обеспечения актуального коммуникативного смысла речевой стереотип как интеракционный мыслительный акт использует виртуальные элементы, которые прежде закрепились в системе как единые комплексы, заключающие в себе коммуникативный потенциал использоваться в ином коммуникативном значении. Этот коммуникативный потенциал можно сравнить с интуитивным коммуникативным знанием, которым владеют носители языка.² Этот сложный знак является символом в силу своей соотносительности с положением дел, симптомом в силу своей зависимости от говорящего и сигналом в силу своего обращения к слушателю, «чьим внешним и внутренним поведением или состоянием он управляет» (Бюлер 1993: 34).

Единицы когнитивного знания исследователи представляют как ментальные деятельностные репрезентации знания (включая языковое и фоновое): коммуникативные единицы же рассматриваются как вербализованное знание, отражающее информативно-психологическое содержание процесса общения (Чахоян 1979: 90; Шабес 1990: 11).

² В данном случае имеются в виду наиболее обобщенные характеристики, не связанные ни с социальными или региональными диалектами, ни с разными регистрами речи, ни с разными вариантами языка.

Принято считать, что реальная действительность отражается в интеллекте человека в виде представлений и понятий, составляющих систему знаний, которая отражает тезаурус человека и под которой понимается та картина мира, которую человек строит внутри себя, в своем интеллекте, с целью адекватной ориентации в окружающей среде и регуляции своего поведения. Построение такой картины мира — это результат отражения реальной действительности. Такое отражение субъективно в том смысле, что осуществляется каждым субъектом и принадлежит этому субъекту. В то же самое время это знание объективно, поскольку детерминировано действительностью.

К настоящему времени существует несколько гипотез по поводу знакового характера кодификации знаний. Это, во-первых, гипотеза «эталонов», согласно которой в долговременной памяти хранятся миниатюрные копии, эталоны, стимулы. Во-вторых, гипотеза «прототипов», согласно которой в долговременной памяти существует система, основанная на схемах. Схемы представляют собой некоторые правила для описания той абстрактной фигуры, которая и считается прототипом, т. е. идеализированным образом множества стимулов. Образ «эталонов» допускает меньшее количество вариаций, нежели образ «прототипа». Наконец, в-третьих, гипотеза «признаков», по которой предлагается наличие в долговременной памяти образа как конфигурации из нескольких элементов, составляющих нечто целое. Предполагается, что в долговременной памяти хранятся наборы определенных признаков: которые позволяют синтезировать образ, выступающий как объект распознавания (Новиков 1983: 58—59).

Система знаний, в том числе и знаний коммуникативного поведения, может быть представлена как та «картина мира», которую человек создает в своем интеллекте с целью адекватной ориентации в коммуникативной ситуации. Построение такой «картины мира» является результатом отражения реальной действительности и способности интеллекта создать концептуальный аппарат, который хранится в памяти.

На существование когнитивных структур, функционирующих независимо от языка, указывал Н. И. Жинкин, на примере экспериментов доказавший наличие «универсально-предметного кода», такой динамической модели, которая позволяет кодировать информацию.

«У коммуникантов, владеющих общим для них языком, образуется языковая общность, которая выражается в том, что в процессе коммуникации они могут понять, какой образ и соответственно имеет в виду его партнер, применяя то или другое словесное выражение . . . наглядный чувственный образ есть знание о действительности, сформированное на сенсорном материале. Однако указание о формировании поступало в речь, т. е. через язык, обладающий универсальным предметным ко-

дом» (Жинкин 1982: 128). Если учитывать дискурсивный характер стереотипных высказываний, то смысловой «сгусток всего текстового отрезка» сжимается в концепт во внутренней речи. «Концепт хранится в долговременной памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл» (там же: 84). В работе универсального предметного кода как динамического механизма происходит семиотическое преобразование сенсорных сигналов в предметную структуру, т. е. денотативное отражение (там же: 16).

Если семантика текста может быть раскрыта с помощью системы денотатов, которые организуются иерархически, а вероятным методом представления содержания текста выступает экспликация его денотативной структуры (Новиков 1983), то и семантика речевого стереотипа также может быть выражена этой методикой. Но поиск денотата неизбежно связан с динамической коммуникативной ситуацией, которая не укладывается в графы тем и подтем.

Само понятие коммуникативной ситуации — относительно нейтральная форма систематического знания в отношении тех конкретных задач, которые приходится решать человеку. Это понятие есть совокупность знаний о коммуникативной ситуации. Оно выступает как некоторая отвлеченная категория, замещающая в мышлении множество в чем-то близких однородных предметов (элементов коммуникативной ситуации). Использование речевых стереотипов в фиксированных коммуникативных ситуациях является сигналом наличия систематического знания.

Однако представление о предмете реальной действительности и его понятие не совпадают. Представление всегда шире понятия за счет характерных признаков, которые отражают его целостность. Можно сказать, что понятие — это предельное обобщение всех тех многочисленных представлений и восприятий, которые фиксируются в памяти человека. В результате устранения индивидуальных конкретных признаков и выделения наиболее существенных предмет замещается качественно новым образованием, а именно понятием, которое и выступает как отвлеченная категория.

Основное направление при определении места стереотипных фраз в системе знаний проходит от представления к понятию и далее к модели, поскольку, с одной стороны, стереотипные фразы являются символами коммуникативных ситуаций, а с другой — при воспроизведении они сами создают эту ситуацию. Это сложный конструктор, в котором сочетаются некая данность, средство и результат одновременно.

Актуализация в таком понимании означает перевод из внутренней речи во внешнюю тех коммуникативных смыслов, которые составляют стереотипные коммуникативные ситуации.

Для поиска способа представления семантики коммуникативной ситуации в настоящее время разрабатывается два подхода — прототипной и процедурной семантики.

Первый подход связан с представлением структуры знаний в виде фреймов, схем, планов. Их основное назначение — обеспечить адекватную обработку стандартных ситуаций. В качестве доказательства целесообразности введения понятия «фрейм» приводятся соображения о необходимости выведения наиболее общей степени описания языковых явлений. Фреймы описывают «стандартные стереотипные содержательные структуры и могут рассматриваться как продукты процессов концептуализации» (Шабес 1990: 9). Применительно к определению коммуникативного фрейма как возможного способа представления смысла речевых стереотипов мы сталкиваемся с такими проблемами, как порождение и восприятие коммуникативного смысла. В частности, фрейм понимается как некое «множество вопросов, которые необходимо задать относительно предполагаемой ситуации; на их основе происходит уточнение перечня тем, которые следует рассмотреть, и определяются методы, требуемые для этих целей» (Минский 1979: 64).

В моделях поведения уже на протяжении предшествующего опыта была проведена предварительная обработка конкретной ситуации общения, и схема интеракционной поведенческой модели ориентируется на решение определенного круга задач и находится в постоянной готовности к решению. Эти отношения строятся по межличностному принципу. Хотя эти межличностные отношения постоянно меняются в процессе познавательной и коммуникативной деятельности, они характеризуются неким типовым значением и тем самым обладают определенной стабильностью.

Такое неатомарное, целостное представление характерно для прототипического подхода в определении основных (basic-level) категорий. Именно на базовом уровне происходит формирование знания, а к базовым категориям относятся: восприятие, функция, коммуникация и организация знания (Lakoff 1987: 47). Одним из важных понятий, которыми оперирует эта теория, является понятие интеракционной собственности (interactional property), представляющие собой пучки (clusters) накопленного нами опыта в процессе общения, причем сами прототипы могут отражать подобные пучки (Ibid.: 51).

Понятие «прототип» основано на том, что составляющие части мира структурированы по определенной схеме, а не в беспорядке. При этом важно, что прототипы — не модель для обработки категорий или способ представления категорий, но «отраженная в сознании цельная динамическая типизированная сущность» (Ibid.). Согласно этому подходу семантику речевого стереотипа можно связать с концептуальным аппаратом человека. Можно предположить, что каждый из параметров

коммуникативной ситуации концептуализируется в виде типичной ситуации и типичного говорящего.

Особую трудность представляет тот факт, что согласно этой теории прототипическое значение определяется элементарной, или, как пишет Ф. Кифер, «идеализированной ситуацией». В этом случае наблюдается замкнутый круг: ситуация концептуализируется (становится языковым сознанием) и идентифицируется с помощью прототипических значений, а прототипические значения детерминируются элементарными ситуациями (Кифер 1989: 31).

К настоящему времени было предпринято несколько попыток описания речевых стереотипов как образований, отражающих коммуникативный смысл.

Ф. Кифер следующим образом попытался представить связь прототипических значений и ситуаций: «Поскольку прототипическое значение определяется, по-видимому, идеализированной ситуацией, то возникает логический круг: ситуация концептуализируется (становится языковым сознанием) и идентифицируется с помощью прототипических значений, а прототипические значения детерминируются элементарными ситуациями. Постичь окончательное разрешение этого противоречия ситуационной семантики пока не удастся» (Кифер 1989: 31). Несмотря на столь пессимистическое замечание, он следующим образом представил анализ типов ситуационных стереотипных высказываний, выделив буквальное значение $LM(t)$ и небуквальное значение $NM(t)$, где (t) — нейтральный контекст. Буквальное значение определяется по функции F с контекстом (t) , а небуквальное значение характеризуется не нейтральным контекстом $\bar{t}(t)$ по функции, аргументами которой являются буквальное значение и специфический контекст (там же: 36). На этом основании Ф. Кифер выделяет три типа стереотипных высказываний: 1) сложные лексические единицы — *До свидания, Благодарю, Спасибо, Искренне ваш*; 2) единицы с предсказуемым значением составляющих — *Могу я поговорить с Биллом?*; 3) высказывания с частично выводимым значением из составляющих их единиц — *Как тесен мир! Держись крепко!*. Эта методика в отличие от бинарного противопоставления семантики и прагматики основана на четырехчленной оппозиции: «логическая форма — буквальное значение — значение — коммуникативный смысл» (там же: 38). Ситуационное значение $SM(t)$ определяется, по мнению автора, по функции H , в качестве аргументов которой выступает и буквальное значение, и сам сценарий³ (Script). Эти отношения можно представить в виде формулы: $H(LM)(t)$, $Script = SM(t)$.

³ Под сценарием понимается динамика развития от изначального состояния до конечного с учетом событий, которые фиксируют изменения. Онтология сценария состоит из типов людей, вещей, свойств, отношений и пропозиций (Lakoff 1987: 285—286).

Ситуационные значения по ассоциации классифицируются по тем или иным параметрам с уже существующими элементами стереотипных коммуникативных ситуаций. В реальной коммуникативной ситуации актуализируется именно тот смысл, который интенционально задает говорящий.

Речевой стереотип представляет собой пучок коммуникативных знаний, присутствующий в сознании, и актуализация связана в этом случае с выбором того понятия, который был бы актуален для существующей коммуникативной ситуации. Механизм актуализации раскрывается на уровне речемыслительных процессов и связан с раскрытием способов представления внутренней формы речевого стереотипа (внутренняя форма понимается как «центр образа, один из признаков, преобладающий над другими»⁴ (Потебня 1993: 100)) и с переводом внутренней речи во внешнюю (внутренняя речь понимается как семантическая модель высказывания, отражающая интерпретированную коммуникативную ситуацию). Специфика процесса актуализации заключается в символическом характере речевых стереотипов и перевоплощении старых символов для создания новых коммуникативных смыслов. Возникают новые измерения коммуникативных значений, которые «проецируются» на систему и обогащают ее новыми типами стереотипных высказываний. П. Рикер называет способность приобретать новые измерения сложным кумулятивным метафорическим процессом (Рикер 1995: 145). Еще один специфический фактор процесса актуализации стереотипных высказываний — их рефлекторный характер, позволяющий относить их к области бессознательного.

Для защиты сознания от перегрузок регуляция осуществляется с помощью автоматизированных средств и, в частности, стереотипных высказываний. «Непрерывный процесс человеческой жизни не может осуществляться одним лишь сознательным способом, чтобы не допустить пробела в деятельности, а любой пробел в регуляции деятельности может привести к ее распаду, регулирование деятельностью берет на себя бессознательное» (Маслова 1990: 15).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что актуализация коммуникативного знания в типовых коммуникативных ситуациях складывается из двух интеракционных моментов, а именно из интеракции как взаимосвязи сознания и языка и интеракции как компонента коммуникативного взаимодействия в ситуации непосредственного общения. В последнем случае большое значение приобретают такие компоненты коммуникации, как интонации и жест, которые также становятся ситуа-

⁴ Этот образ имеет метафорический характер и связан не с поминанием, а коммуникацией, и прежде всего с функционально-коммуникативными аспектами коммуникации (см. 1.1).

тивными коммуникативными знаками, часто определяющими коммуникативный смысл высказывания.

Актуализация с точки зрения интеракции связана с порождением и восприятием речи. Порождение речи рассматривается как переход по направлению «смысл → текст». Смысл понимается как объект когнитивной природы, имеющий личностный характер. Смысл лежит за пределами дискурсивного мышления и за пределами языка. Он порождается взаимодействием ситуации и индивида, принадлежащего к определенной культуре. То, какой смысл будет порожден в каждом случае, определяется не только самой ситуацией общения, индивидуальными чертами личности, но и ее семиологическими установками. Последние же зависят от типа культуры, носителем которой является личность.

Восприятие речи рассматривается как одна из форм отражения действительности, которая характеризуется тем, что отражение предметов и явлений действительности осуществляется в совокупности их свойств и частей при непосредственном воздействии этих объектов на органы чувств. Восприятие существует в виде образа отображаемого объекта. Характерная черта восприятия та, что оно происходит на сенсорном уровне и на уровне мышления. Конечной целью восприятия выступает смысл высказывания. Он возникает в сознании, оформляется в образ в результате осмысления и понимания комбинации символов. Существует также несколько моделей восприятия смыслового содержания высказывания или текста. Можно сказать, что при анализе этого уровня исследуются не столько логические параметры языка, сколько риторические. К этому аспекту исследования относится и гипотеза об интегральном характере обработки языковых данных, в соответствии с которой с помощью семантической интерпретации происходит обработка данных параллельно на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях. Именно такой подход А. Вежбицка назвала «радикально-семантическим» (Wierzbicka 1991: 20).

Согласно этому подходу семантическая запись может проводиться в виде ментальной модели. «Ментальная модель — это система собственно-когнитивных фреймов, перцепт, отвечающий семантике текста» (Касевич 1989: 252). Именно эта модель обработки информации удобна для описания английских речевых стереотипов: с точки зрения отображаемой ими коммуникативной ситуации и как описание понимания их интерпретации в словаре. Если первый компонент может быть представлен в виде фрейма стереотипной ситуации, то второй компонент включает динамический аспект описания. Этот компонент описания предлагается делать с позиций процедурной семантики (Джонсон-Лэрд 1988) по целому ряду причин. Во-первых, реальное время рассматривается в качестве компонента семантики, что позволяет учитывать нарастание функцио-

нально-семантических значений и проследить движение изначального и конечного смысла. Во-вторых, реальное время позволяет учитывать речемыслительные операции, которые трактуются не абстрактно, а описательно, с учетом «процесса рекурсивного пересмотра, который позволяет произвести любые из возможных моделей, совместимых с данным дискурсом» (там же: 238). В-третьих, реальное время легко соотносится с теми подходами к определению смыслов, которые разрабатывались во фразеологии и идиоматике. В такой интерпретации «понимание языкового выражения заключается в построении ментального образа, описываемого этим выражением фрагмента внешнего мира и последующей интеграции этого образа в модель мира» (Баранов, Паршин 1990: 22). Этот подход позволяет определить функциональную семантику как фактор, интегрирующий прагматику и семантику. Процесс понимания связан с процессом восприятия, предполагающим непрерывный сбор информации. В том случае, если этот процесс прерван, происходит обработка информации, и выстраивается схема понимания.

Речевой стереотип как «минидискурс» рассматривается как текст-инструкция, который имеет цель воздействовать на партнера по коммуникации. Речевой стереотип включен в макроструктуру коммуникации, которая определяет функциональные свойства стереотипного высказывания. Семантическая структура включает не только пропозиции, но и фоновые и выводные знания. Процедурные преобразования представляют собой комплекс операций над смыслами, который приводит к синтезу единой синтаксической структуры. Актуализация речевых стереотипов в таком понимании связана с раскрытием возможности понимания речевого стереотипа в ситуации непосредственного общения с последующей интеграцией этого понимания в системе экспрессивных средств выражения, главным свойством которых является диалогичность. Ментальный образ может пониматься как смысл (Касевич 1989: 252).

Такой интегральный подход в принципе характерен для коммуникативной лингвистики, где представление любой языковой единицы как коммуникативного элемента требует не разложения этой единицы на ее элементы и свойства, а, наоборот, интегрального определения коммуникативного акта. Коммуникативный аспект семантики означает утверждение изначальной предпосылки существования данных единиц только в коммуникации. Таким образом, принципы определения актуальных коммуникативно-функциональных значений связаны с дроблением области коммуникативного взаимодействия. Так, Дж. Бланделл, Дж. Хиггенс и Н. Миддлмисс разделили эту область на следующие секторы: запросы об информации; запросы об отношениях и ответы на них; высказывание отношений; социальные формулы этикета; высказывания для организации коммуникации; за-

просы о языке (Blundell et al 1982). Даже простое перечисление показывает, насколько разные параметры были положены в основу их выделения. Представляется, что наиболее обобщенной функцией, присущей коммуникативному процессу, является функция регуляции, воздействия. Это воздействие может иметь, во-первых, вид манипуляции. К этому типу относятся: ритуальные / этикетные высказывания; метакommunikативные высказывания, организующие речевой процесс или уточняющие содержание иных коммуникативных единиц;⁵ предписывающие императивные высказывания. Во-вторых, вид оценивания. Это ответные высказывания и комментарии, типа одобрения / неодобрения, удивления, проницательные, саркастические и шуточные высказывания (Третьякова 1995: 78 : 92).

Коммуникативно-семантический подход в таком случае предполагает поиск функциональных элементов в двух направлениях: 1) выявления интеракционных элементов воздействия по принципу фреймового представления знаний и 2) выявления интеракционных речевых фигур, обеспечивающих речевое воздействие.

Речевой стереотип как коммуникативный идиоматический знак сложно структурирован, и для определения его содержательных характеристик необходимо привлечение пользователя знака, т. е. говорящего субъекта. Механизм актуализации, таким образом, связан с построением когнитивных и коммуникативных моделей.

⁵ В английском языке к ним относятся так называемые tags — «добавки», например, *After all, Anyway, I mean to say Believe it.*

Глава 2

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ И СПОСОБЫ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ

Неотъемлемой частью анализа речевой актуализации предложения является рассмотрение присутствующих в сообщении скрытых смыслов. На протяжении столетий философы, логики и лингвисты занимались их интерпретацией на самых разных уровнях — от морфемы до текста многотомного романа. Однако, несмотря на многочисленные теории, проблема системного описания скрытых смыслов еще очень далека от разрешения. Их исследование осложняется тем, что подразумевание смысла связано с различными сторонами знания — лингвистикой, психологией, социологией, поэтикой и каждая из этих наук привносит в анализ свои категории и свою методику. Если попытаться отвлечься от сложностей, то проблема превращения неявного в явное сводится, на наш взгляд, к трем основным аспектам:

а) в какой мере неявное принадлежит языку, а в какой — говорящему субъекту, пользующемуся языком как орудием коммуникации; б) каковы механизмы интерпретации, т. е. признаки и показатели, на основании которых адресат сообщения выявляет скрытые смыслы, и в) каковы возможности экспликации скрытых смыслов и их интеграции в текст.

2.1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Ключом к построению теории скрытых смыслов, как нам представляется, являются основы риторики. Уже в «Риторике» Аристотеля мы встречаемся с понятием энтимемы, или неполного логического доказательства (от др.-греч. *ἐνδομήμη* = то, что находится в уме). Это умозаключение, в котором из двух высказываний, посылок следует новое высказывание, заключение той же структуры, что и посылки (Аристотель 1978: 293). Энтимема представляет собой риторический силлогизм, основанный на высокой вероятности определенного развития событий или положения дел, которые, в свою очередь, получены из предыдущего опыта или знания. Она «выводится из немногих положений, потому что, если какое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель: например, для того чтобы выразить мысль, что Дорией победил в состязании, наградой за которое служит венок, достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а что наградой за победу служит венок, этого прибавлять не нужно, потому что все это знают» (там же: 22).

Аристотель рассматривает речь как слагающуюся из трех самостоятельных элементов — «из самого автора, из предмета, о котором он говорит, из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего. (Я разумею слушателя)» (там же: 24). Если взглянуть на эту триаду с современной точки зрения, то мы увидим привычную схему: говорящий—текст—слушатель. Как же функционируют в этой схеме скрытые смыслы, какие из них инвариантны для всех участников порождения и восприятия речи, т. е. представляют собой «то, что все знают», а какие — специфичны для создающей или воспринимающей стороны в акте коммуникации? Вне зависимости от особенностей каждого вида подразумевания все они обладают общим свойством — представляют собой элементы невыраженного содержания, восстанавливаемого адресатом на основании имеющихся в тексте показателей. Это свойство скрытых смыслов дает нам право говорить о них как о системе, характеризующейся набором взаимодействующих признаков, независимых от границ между грамматикой, лексикой и дискурсом.

Термин «скрытый смысл» отличается наибольшей широтой и применим во всех случаях, когда отдельный фрагмент со-

держания отсутствует в поверхностной структуре. Мы можем говорить о скрытых смыслах в эллиптической конструкции, о скрытых грамматических категориях Б. Уорфа (Whorf 1959) и о скрытых фрагментах текста, стоящих за поэтическими метафорами или коммуникативными импликатурами П. Грайса (Grice 1991). Под скрытым смыслом мы будем понимать всякий подразумеваемый смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но понятный адресату и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте сообщения показателей.

Невыраженность некоторого смысла в тексте имеет двоякий характер. В построении теории скрытых смыслов основополагающим становится противопоставление смыслов, опущенных в тексте, смыслом добавленным, или, иными словами, противопоставление линейных структур, в которых опущенное содержание заполняет пустоты в тексте, таким, где дополнительное содержание, усложняя смысл сообщения, накладывается на исходную смысловую структуру. Всякая недоговоренность в тексте от эллипсиса до апосиопезиса может быть отнесена к числу опущенных смыслов, в то время как смыслы усложнения представлены скрытыми грамматическими категориями, метафорами и импликатурами. Всякий пропуск — это сигнал для адресата: то, что вы видите в тексте, еще не все, что я хотел(а) сказать. В свою очередь, усложнение требует интерпретации, так как то, что лежит на поверхности текста, не есть то, что говорящий хотел сказать. Понимание скрытого смысла как усложнения отталкивается от герменевтического понятия «множественный смысл», который реализуется на разных стратегических уровнях интерпретации: «...символизм, взятый на уровне его проявления в текстах, свидетельствует о том, что язык взрывается, устремляясь навстречу к иному, чем он сам...» (Рикер 1995: 103).

Дальнейшая классификация скрытых смыслов, как нам представляется, может быть построена на основании трех критериев, отражающих взаимодействие между отправителем сообщения (говорящим), текстом сообщения и получателем (адресатом). К этим критериям мы относим: а) индивидуальную интенцию говорящего; б) коллективную интенцию общества или больших групп говорящих, активно влияющих на языковые процессы; в) возможности экспликации скрытых смыслов в тексте сообщения.

Первый критерий различения скрытых смыслов связан с наличием или отсутствием намерения говорящего передать информацию косвенным путем. В связи с этим следует обратиться к понятию «интенциональность». Дж. Серль выделяет два вида интенциональности: Интенциональность (с большой буквы) как ментальное состояние, направленное на объекты положения дел внешнего

мира, и интенциональность как намеренность, которую он относит к формам проявления Интенциональности наряду с верой, надеждой, страхом, желанием и т. п. (Серль 1987: 98). Для анализа скрытых смыслов наиболее существенным является фактор намеренного подразумевания, позволяющий говорящему увеличить объем передаваемой в сообщении информации и противопоставленный случайному или не зависящему от воли говорящего возникновению скрытого смысла.

В соответствии с критерием интенциональности скрытые смыслы подразделяются на интенциональные и неинтенциональные. Первые вводятся автором сообщения в текст для достижения определенного эффекта, вторые возникают в процессе восприятия сообщения адресатом, причем они могут присутствовать в сообщении вне зависимости от воли говорящего или восприятия адресата.

Важность признака интенциональности заключается в том, что именно он разделяет структурные и коммуникативные явления в тексте, сохраняя за последними доминирующую роль. При порождении речи интенциональное подразумевание оказывается мощным фактором, способным, как будет показано далее, «перебороть» требования грамматической правильности.

Второй критерий, выступающий как вариант первого, — различие между коллективной и индивидуальной интенцией. Говоря о становлении языков, Вильгельм фон Гумбольдт выделял две ступени языкового развития. Начальной является стадия творчества, в ходе которой нация целиком поглощена «изобретением способов выражения мысли» (Гумбольдт 1984: 162). Когда эта стадия и связанная с ней кристаллизация форм завершается, наступает стадия зрелости, и «деятельность нации переключается с языка на его употребление» (там же: 163). К этому моменту уже создана устойчивая система лексических и грамматических категорий, трудно поддающихся изменениям и отражающих характер языка. По определению В. фон Гумбольдта, характер языка — это «естественное следствие непрекращающегося воздействия, которое оказывает на язык духовное своеобразие нации... Нация постепенно придает языку своеобразную окраску, особенный оттенок, а язык закрепляет в себе эти черты и начинает в том же смысле воздействовать на народную жизнь. Поэтому, отправляясь от любого языка, можно делать заключения о национальном характере» (там же: 168). Проявление национального характера и есть коллективная интенция, которая не прекращает своего действия в различных языковых сферах, как эксплицитно, так и имплицитно. В ряде случаев действие коллективной интенции оказывается настолько сильным, что преодолевает сопротивление грамматической структуры и начинает как бы творить язык заново. Если индивидуальная интенция способна привести к тому, что

бы за счет нарушения грамматических правил в отдельном высказывании был передан более емкий смысл, то коллективная интенция обладает достаточным потенциалом для введения серьезных изменений в лексику и/или грамматику языка в целом. Успешность попыток языковой переделки проверяется временем, а примерами ее являются крупные социальные и политические сдвиги, влекущие за собой изменения в национальных языках (грамматические и лексические изменения в русском языке после победы революции 1917 года; неологизмы в русском языке после 1985 года; изменения в английском языке, связанные с движением за политическую корректность, и т. п.).

Хорошим примером проявления коллективной интенции при создании скрытых смыслов являются э в ф е м и з м ы, предназначенные для осуществления операции замены социально недопустимого обозначения общепринятым выражением без потерь общего объема содержания. Проще говоря, при их использовании имеет место процесс вычитания из высказывания нежелательного смысла с учетом того, что сумма смыслов остается постоянной, а коммуниканты владеют правилами речевой арифметики. Истинной индивидуальностью и независимостью от созданных обществом коммуникативных моделей обладают, пожалуй, только высказывания или шутки, основанные на эпизодах, известных ограниченному кругу людей (англ. in-jokes). Замена одного слова в такой шутке может лишить смысла весь текст. В то же время при замене объекта в косвенных речевых актах типа *Не могли бы вы передать мне ... соль / сахар / молоко / нож / отвертку / книгу* или замене глагола в метафорах типа *Покойный ушел от нас / оставил нас / навсегда простился с нами* — основное смысловое ядро не претерпевает никаких изменений. Таким образом, по признаку противопоставления коллективной и индивидуальной интенции можно выделить конвенциональные скрытые смыслы, занимающие промежуточное положение между неинтенциональными и интенциональными скрытыми смыслами.

В результате применения критерия интенциональности мы получаем три класса скрытых смыслов: 1) неинтенциональные, принадлежащие языковой системе; 2) конвенциональные, основанные на социальных и этических нормах; 3) интенциональные, намеренно вводимые говорящим в текст сообщения.

Третий критерий — экспликация; действует внутри каждого из перечисленных классов, противопоставляя скрытые смыслы друг другу на основании возможности или невозможности их вербального выражения в пределах предложения или отрезка текста. Для каждого класса мы будем рассматривать экспликацию скрытого смысла исходя из следующих параметров. а) нарушает ли эксплицированный компонент структуру текста; б) приводит ли его появление в тексте к излишнему

повтору, или в) экспликация скрытого смысла легко осуществима.

Если экспликация скрытого смысла приводит к разрыву смысловых связей, а вербализованный фрагмент содержания выступает как чужеродное тело в структуре предложения или текста, то выявление скрытого смысла возможно лишь при трансформации исходной конструкции. Назовем скрытые смыслы этого типа интерпретируемыми. Если экспликация скрытых смыслов приводит к дублированию уже имеющихся в тексте элементов, то такие скрытые смыслы следует отнести к тавтологиям или тавтологическим скрытым смыслам. Наконец, если имплицитные смыслы легко вплетаются в ткань текста, не нарушая имеющихся в нем связей, не создавая эффекта избыточности и не искажая смысла, то их можно назвать эксплицируемыми скрытыми смыслами.

В результате мы получаем две шкалы признаков — шкалу интенциональности и шкалу экспликации. Наложение этих шкал друг на друга позволяет построить классификацию, включающую 9 типов скрытых смыслов, по три внутри каждого класса.

I. Класс неинтенциональных скрытых смыслов: 1) неинтенциональные интерпретируемые; 2) неинтенциональные тавтологические; 3) неинтенциональные эксплицируемые.

II. Класс конвенциональных скрытых смыслов: 4) конвенциональные интерпретируемые; 5) конвенциональные тавтологические; 6) конвенциональные эксплицируемые.

III. Класс интенциональных скрытых смыслов: 7) интенциональные интерпретируемые; 8) интенциональные тавтологические; 9) интенциональные эксплицируемые.

Основным признаком в классификации выступает интенциональность. Намеренное введение скрытого смысла в текст сообщения ведет к кардинальным изменениям как в объеме передаваемой информации, так и самом ее характере. В ходе дальнейшего изложения мы проследим на примере неологизмов, стилистически маркированных и аномальных конструкций, — как отклонения от нормы связаны с признаком интенциональности. Именно новообразования дают материал, отражающий переход индивидуальной интенции в коллективную.

2.2. КЛАСС НЕИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ

2.2.1. Неинтенциональные интерпретируемые скрытые смыслы

Класс неинтенциональных интерпретируемых скрытых смыслов включает скрытые грамматические категории и значения, традиционно изучаемые лингвистикой. Давая определение скрытым грамматическим категориям, Б. Уорф указывал на отсутствие явных грамматических формантов, регулярно проявляю-

щихся в структуре слова или предложения. Особенность скрытых категорий он видел в том, что их морфологические или синтаксические показатели «проявляются только в определенных типах предложений и не в каждом предложении, в котором функционирует слово или элемент, принадлежащий этой категории» (Whorf 1959: 89). Принадлежность слова или элемента скрытой категории становится очевидной только в специфических условиях, включая отрицательный контекст. Б. Уорф называет это реактивным сопротивлением категории. К числу скрытых категорий он относит, например, категорию непереходных глаголов в английском языке. Эти глаголы маркированы отсутствием пассивного причастия, а также отсутствием пассивной и каузативной форм. Категория непереходности проявляется посредством отрицательного признака, т. е. невозможности употребления форм типа *I appeared the table. Другими примерами скрытых категорий, приводимыми Б. Уорфом, являются род в английском языке, значение формы предмета (круглый, удлинённый и т. д.) в языке навахо. Более мелкую скрытую категорию образуют названия городов и стран в английском языке. В качестве ее признака выступает невозможность образования конструкций типа That's Boston — *I live in it, в отличие от I live in Boston. Реактивность порядка слов для прилагательных в английском языке позволяет выделить две категории прилагательных, выражающих ингерентные и неингерентные признаки предметов. Те прилагательные, которые выражают внутренне присущие признаки предметов, обычно стоят ближе к определяемому существительному, чем те, которые относятся к размеру, форме или оценке. Например, large red house, pretty French girl, но не *red large house, *French pretty girl (Whorf 1959: 92—93).

Значительный вклад в исследование скрытых категорий был внесен С. Д. Кацнельсоном. По его определению, скрытые категории — это «подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке» (Кацнельсон 1972: 83). Вместе с тем этот автор предостерегает нас от того, чтобы рассматривать скрытые категории, как не имеющие никакого звукового выражения и пребывающие в «эфире чистого духа». Их главная особенность состоит в зависимости от контекста, а их выявление осуществляется за счет имеющихся в предложении четких и недвусмысленных указаний на наличие скрытого смысла.

Приведенные выше рассуждения Б. Уорфа и С. Д. Кацнельсона касаются порождения и действия скрытых категорий в рамках предложения. Не менее существенной стороной их функционирования оказывается и их восприятие адресатом сообщения. В этом отношении действие скрытых категорий подобно действию метатекста в тексте (Вежбицка 1978: 404). Только высказывание о предмете переплетено не нитями вы-

сказываний о самом высказывании, а путями грамматических правил и запретов, которые становятся очевидными лишь в ходе интерпретации высказывания. Так же как и в случае метатекста, скрытые категории создают комментарий, своеобразную вторую дорожку мысленной записи, которая может быть активизирована адресатом при восприятии текста в ходе применения интерпретационных процедур различной степени сложности. В простейшем случае контекст, т. е. соседнее слово, выступает в качестве указательного минимума для выявления скрытого смысла. Так, примета класса, лишь предполагающаяся в русском существительном, «в согласуемых частях речи обязательно получает звуковое выявление, ср. рус. *черный кофе, похоронное бюро* и т. д., где примета класса дана лишь в согласуемом прилагательном» (Кацнельсон 1972: 23). В более сложных случаях выявление скрытой категории осуществляется при трансформации предложения.

Скрытые категории прослеживаются практически во всех языках, что позволяет говорить о правомерности их типологического анализа. Множество примеров совпадения скрытых грамматических категорий и значений дают английский и русский языки. К их числу могут быть отнесены: категория переходности / непереходности глаголов; связанное с ней грамматическое значение контролируемости / неконтролируемости действия; значение отчуждаемого / неотчуждаемого свойства. В то же время существует ряд скрытых категорий и значений, определяющихся спецификой строя отдельного языка, как, например, порядок следования английских прилагательных в цепочке определений при существительном, род в английском языке или категория одушевленности в русском языке и т. п.

2.2.1.1. *Одушевленность / Неодушевленность.* Одним из проявлений скрытой категории одушевленности в русском языке являются пассивные конструкции с дополнением в творительном падеже. Скрытые категориальные признаки проявляются при соответствующих трансформациях: (1а) *Стол был накрыт официантом.* (1б) *Стол был накрыт скатертью* (примеры из кн.: Кацнельсон 1972: 83). Разница между приведенными выше предложениями прослеживается уже на уровне «наивной» грамматики. Предположим, что адресат, не расслышав последнего слова в (1б), решил переспросить: *Кем был накрыт стол?* Очевидным ответом на переспрос будет: *Да не кем, а чем — скатертью*, где в противопоставлении одушевленного местоимения неодушевленному эксплицируется скрытое значение. Если же мы попытаемся ввести эксплицитные категориальные признаки в текст соответствующих предложений, то мы получим, по меньшей мере, странные высказывания типа: **Стол накрыт официантом и официант одушевленный предмет; *Стол накрыт скатертью и скатерть артефакт / вещь.*

В качестве лингвистической процедуры, выявляющей грамматические различия между (1а) и (1б), выступает преобразование пассивной конструкции в активную. После преобразований мы получаем грамматически правильную конструкцию (2а) и аномальную конструкцию (2б). Ср.: (2а) *Официант накрыл на стол*; * (2б) *Скатерть накрыла на стол*. По справедливому утверждению С. Д. Кацнельсона, «скрытые категориальные признаки выступают здесь как различители функций орудийности и агентивности» (там же: 84). Вместе с тем высказывание (2б) все же может рассматриваться как грамматически правильное, но только для этого нужен особый контекст, принадлежащий такому из возможных миров, где артефакты способны осуществлять разумную деятельность (ср.: *скатерть-самобранка* в русских сказках).

2.2.1.2. *Контролируемость / неконтролируемость*. Во многих работах по семантике предикатов рассматривается скрытый признак контролируемости состояний и действий. Наиболее известным является противопоставление стативных признаков глаголов и прилагательных динамическим (Lakoff 1966; Quirk, et al. 1976: 93—97; 265—267). Стативные признаки включают неупотребительность в длительных временах (*He is being tall), а также невозможность употребления их в императивных конструкциях (Be brave!, но не *Be tall!)

Т. В. Булыгина анализирует примеры А. Х. Востокова, иллюстрирующие произвольность действия в конструкциях с глаголом *стать* + инфинитив: *Ребенок стал играть*, но не **Румянец заиграл на его щеках* (Булыгина 1982: 69). Эта пара предложений достаточно убедительна (за исключением фразеологического характера примера *Румянец заиграл на его щеках*) и показывает возможность образования конструкции при одушевленном субъекте и невозможность ее образования, если в качестве субъекта выступает не-лицо. При внимательном рассмотрении вопрос контролируемости действия оказывается более сложным. Анализируя предложения со скрытыми смыслами, вряд ли можно говорить об одной лингвистической процедуре, выводящей на поверхность соответствующие признаки, что подтверждает мысль С. Д. Кацнельсона о том, что «не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматически оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий» (Кацнельсон 1972: 83). На самом деле понятие контролируемости включает, помимо произвольности действия, еще и скрытые признаки разумности, способности предмета вне зависимости от того, является он одушевленным или неодушевленным, производить некоторое действие без вмешательства извне или, точнее, самопроизвольно приходить в некоторое состояние.

При одушевленных субъектах мы наблюдаем сочетание обоих признаков: действие произвольно, и субъект обладает спо-

собностью совершать это действие: (3) *Дети стали играть.* (4) *Мы стали думать, что делать.* (5) *Он стал врать что-то про свою занятость.* Если же в качестве субъекта выступает неодушевленный предмет, доминантный признак меняется: в качестве основного выступает признак способности предмета приходить в определенное состояние без непосредственного вмешательства извне: (6) *Что-то диван у нас стал скрипеть. Надо его починить.* (7) *Стол стал качаться. Нужно подложить что-нибудь под ножку.* (8) *Машина стала барахлить. Надо проверить двигатель.*

В приведенных примерах состояние неодушевленного предмета фактически приравнивается к контролируемому действию. Объясняется это довольно просто. Состояние предмета приобретает в силу независимых от человека факторов, таких, как износ, поломка и т. п. (ср. *Чашка разбилась*). То же самое можно сказать и о примерах, отражающих физические и психические проявления человека. (9) *Его глаза стали уставать.* (10) *Его лицо стало бледнеть.* (11) *Ее щеки стали заливаться краской.* Однако, как только речь заходит о предмете или тех его функциях, которые осуществляются при вмешательстве извне, образование конструкции «*стать* + инфинитив» становится невозможным: (12) **Ручка стала писать.* (13) **Машина стала ехать.* (14) **Корабль стал плыть.* (15) **Посуда стала мыться.* Ср. англ: (16) **The car began to drive.* (17) **The pen began to write.* (18) **The dishes began to wash themselves.*

При всем многообразии проявления скрытых категориальных признаков контролируемости / неконтролируемости ни одно из преобразований не допускает вербальной экспликации категориального значения. Так же как и в случае признаков одушевленности / неодушевленности, оно выявляется лишь в контрастах употребления.

2.2.1.3. *Отчуждаемость / неотчуждаемость свойства.* В ставшей классической статье "Sylvie est jolie des yeux" (Сильви хороша глазами) рассматриваются семантические особенности прилагательных, описывающих ингерентные свойства человека (Frei 1939). Эти прилагательные также обладают рядом сочетаемостных особенностей, накладывающих ограничения на их функционирование. Сопоставим скрытое значение отчуждаемого / неотчуждаемого свойства в русском и английском языках: (19a) *У Маши серые глаза* — *Masha has grey eyes.* (19б) *У Маши серые котята* — *Masha has grey kittens.* В обоих случаях перед нами на первый взгляд идентичные конструкции. Однако если мы попытаемся осуществить замену глагола в этих конструкциях, то в одной из пар получим ненормативные высказывания, употребление которых потребует специфического контекста: (20a) **Маша отдала свои серые глаза* — **Masha gave away her grey eyes.* (20б) *Маша отдала своих серых котят* — *Masha gave away her grey kittens.* Ср. также: (21) *У Пе-*

ти длинный нос / У Пети длинный плащ. (22) У Васи большие уши / У Васи большие ботинки.

2.2.1.4. *Эффект интенциональности.* Отсутствие формальных показателей у скрытых категорий ведет к их повышенной мобильности, позволяя имплицитным значениям обращаться в свою противоположность, что часто сопровождается приращением новых скрытых смыслов к изначально имевшимся в конструкции. По нашим наблюдениям, функционирование скрытых смыслов происходит по диалектическому принципу — неинтенциональные скрытые смыслы, характеризующиеся стабильностью передаваемых ими категориальных признаков, имеют тенденцию приобретать интенциональность, переходя в класс интенциональных скрытых смыслов, а интенциональные, напротив, тяготеют к закреплению и приобретению устойчивого положения в языковой системе. На статичный признак, т. е. грамматический скрытый смысл, накладывается динамический процесс намеренного подразумевания. Имплицитный смысл выступает как результат импликации.

Одним из наиболее характерных примеров интенционального использования скрытых грамматических категорий является импликация абсурдности, часто встречаемая в рассказах Д. Хармса: (23) *Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили* (Хармс, 308). Использование существительного *название* в несвойственном ему контексте применительно к одушевленному субъекту является нарушением основного принципа коммуникации — «принципа кооперации». Определяя этот принцип, П. Грайс прежде всего оговаривает его основное условие: на каждой стадии общения некоторые реплики должны исключаться как неприемлемые для данной коммуникации (Grice 1991: 307). Далее он переходит к формулировке коммуникативных постулатов и имплицатур, определяя последние как следствие нарушения постулатов. Но что же происходит при нарушении самого основополагающего принципа кооперации? Ответ на этот вопрос дает литература абсурда, практически целиком построенная на нарушениях законов коммуникации.

Строго говоря, нарушение кооперативного принципа требует, чтобы интерпретатор оценил текст в целом и определил причины нарушения кооперации, сводящиеся к основному противопоставлению — намеренности или ненамеренности введения скрытого смысла в сообщение. Наиболее очевидной причиной ненамеренного нарушения кооперативного принципа является ошибка, т. е. неправильное употребление элемента в нормативном контексте. Ошибка привлекает внимание адресата, который либо исправляет ее, либо указывает отправителю сообщения на ее наличие. Существуют, однако, случаи, когда ошибка приобретает прагматический смысл в процессе ее интерпретации адресатом, который воспринимает и оценивает ее как интенцио-

нальное нарушение исходного текста. Примерами могут служить знаменитые скандалы вокруг опечаток в газетах: *ворона Российской Империи* вместо *корона Российской Империи*, *Души прекрасные порывы*, понятое как *останавливай / прекращай* ... и т. п.

Причинами интенционального нарушения принципа кооперации выступают а) употребление в одном из возможных миров (соответствие контексту, например, сказочный сюжет) и б) абсурдное употребление (аномальный контекст). При этом существенную роль играет наличие аналогичных элементов в контексте, позволяющих адресату подготовиться к восприятию сообщения.

Менее серьезные нарушения законов сочетаемости ведут к образованию коммуникативных имплицатур. Примером может служить употребление непереходных глаголов в переходном значении. Для ряда глаголов в английском языке возможность двоякого употребления отражает норму (ср.: *to walk smb home, to talk smb, into smt, etc*). Этот же процесс, но пока как яркое экспрессивное средство начинает наблюдаться и в разговорном русском языке. Ср.: (24а) англ. *We wined and dined them* и (24б) рус. *Кто ее обедает, тот ее и танцует*. Аномальные высказывания типа (24б) кардинально меняют статус скрытого смысла. Помимо изменения категориального грамматического значения, происходит увеличение объема информации, содержащейся в сообщении. И в русском и в английском примере грамматическое значение переходности, т. е. направленности деятельности субъекта на объект, используется как эвфемизм, замещающий эксплицитное упоминание денег, потраченных на еду и вино. Английский пример интерпретируется как «*We entertained them and paid for their wine and dinner*», значение русского примера — «Я заплатил за ее обед и тем самым купил себе право танцевать с ней». Приведенные интерпретации указывают на то, что скрытый смысл в таких примерах приобретает интенциональность. Объем информации в сообщении увеличивается благодаря желанию говорящего косвенным путем передать дополнительный смысл.

Рассмотрим это явление более подробно. В примере (25) *Его ушли с работы* интерпретация высказывания позволяет выявить два дополнительных компонента: а) семантический компонент каузации, несвойственный глаголу *уйти*: его заставили уйти с работы; б) прагматический, оценочный компонент: к нему плохо относились на работе. Нетрудно заметить причинно-следственные отношения между (б) и (а). В результате это сообщение может быть семантически представлено как ситуация *S*, где *X* — работник, *Y* — наниматель и: (*X* работал у *Y*) → (*Y* работу *X* оценивал (—)) → (*Y* каузировал *X* уйти).

Скрытые смыслы различных типов могут взаимодействовать друг с другом. В (25) мы наблюдаем взаимодействие трех ти-

пов отношений: пресуппозиции (X работал у Y), скрытой каузации, возникающей за счет употребления непереходного глагола в переходном каузативном значении и, наконец, скрытой оценки, имплицитруемой говорящим. Может возникнуть вопрос: чем доказывается подразумевание отрицательной оценки? Наиболее очевидным подтверждением может служить тот факт, что конструкция *Его ушли с работы* построена по аналогии с конструкцией *Его выгнали с работы*, где глагол *выгнать* имеет те же пресуппозиции, что и наш пример (X работал у Y) и (Y отрицательно оценивал работу X). Эти пресуппозиции выступают в качестве антецедента ассертивной части глагола *выгнать*: заставить (каузировать) прекратить деятельность в данном месте. Ср. также: (26а) *Он не поладил с начальством и его ушли с работы*; но не (26б) **Начальство было довольно его усердной работой и его ушли с работы*.

Отметим также, что сочетание *ушли с работы* выступает в качестве эвфемизма, с одной стороны, встающего на место более прямолинейного *выгнали*, а с другой — более детально описывающего ситуацию: *вынудили подать заявление об уходе по собственному желанию*.

Аналогичная картина наблюдается в английских примерах типа: (27) McGee's daughter admits she lied on the witness stand. She says she lied her father into prison (McDonald, 366). В (27) непереходный глагол to lie используется в функции переходного по аналогии с выражением she got/put father into prison. Категориальный сдвиг становится частью стилистического эффекта экспрессивной компрессии за счет повтора глагола в несвойственном ему каузативном значении: her lies caused her father to go to prison.

Итак, первый класс скрытых смыслов — интерпретируемые неинтенциональные — представлен скрытыми грамматическими категориями и значениями, принадлежащими языковой структуре. В процессе актуализации предложения они учитываются, но не создаются говорящими. Принадлежа метаязыку грамматических правил, они не могут быть эксплицированы в самом предложении. Как было показано выше, отсутствие морфологических формантов позволяет скрытым категориям с легкостью присоединять новые смыслы и менять свой статус, что, как нам представляется, объясняется их способностью непосредственно отражать мир, не преломляясь через грамматические форманты, а подчас действуя вопреки им.

2.2.2. Неинтенциональные тавтологические скрытые смыслы

Основываясь на действующем внутри каждого класса критерии экспликации, мы переходим от неинтенциональных интерпретируемых скрытых смыслов к группе тавтологических скрытых смыслов. Их экспликация в тексте возможна, но она

приводит к семантической избыточности или тавтологии. Особенность этой группы заключается в том, что эксплицитный компонент высказывания на первый взгляд неотличим от имплицитного, что и объясняет название группы. Разность составляют семантические компоненты, такие, как истинность пресуппозиции, соответствие высказывания имеющейся у говорящего и слушающего картине мира, осуществленность действия. К их числу относятся имплицативные глаголы, модальные имплицативные рамки, пресуппозиции пропозициональных глаголов.

2.2.2.1 *Имплицативные глаголы.* Простейшим случаем скрытых смыслов этого типа являются имплицативные глаголы, описанные Т. Гивоном (Givon 1972), такие, как, например, to manage, to fail, to succeed, to refuse, etc. Значение этих глаголов складывается из двух элементов — осуществление / неосуществление действия плюс компонент трудности или необходимого для осуществления действия усилия. Что же произойдет, если мы попробуем эксплицировать скрытый смысл? (28a) *Ему удалось сделать это, и он сделал это* — He managed to do it and he did it. (28б) *Ему не удалось сделать это, и он не сделал этого* — He failed to do it and he didn't do it. В обоих примерах мы получаем тавтологии.

Аналогичная картина наблюдается при глагольных выражениях, составляющих модальную рамку действия. Имплицативная связь настолько сильна, что фактически при экспликации меняется только морфологическая форма глагола: инфинитив заменяется личной формой. Глагольные выражения не эксплицируют значения совершения / несовершения действия, но однозначно подразумевают его: (29) Solzhenitsyn still *found time to write* to his friends — He wrote... (30) *There was no time to stop* and inquire further — He didn't stop... (31) *Some of them had allowed themselves to be recruited* into the so-called Russian army — Some of them were recruited...

Как в русском, так и в английском языках экспликация консеквента избыточна в пределах одного предложения. Для того чтобы имплицативный глагол и его консеквент могли появиться, рядом, должны быть созданы дополнительные условия, оправдывающие повтор: *Ему удалось сделать это дело, но сделал он его с трудом / плохо, / не до конца* и т. д. Появление обстоятельств *с трудом / плохо, / не до конца* в рематической позиции позволяет повторить глагол в личной форме. Тем самым реализуется имплицативный смысл сочетания «удалось + инфинитив», и снимается тавтология.

2.2.2.2 *Пресуппозиции пропозициональных глаголов.* Обширный материал для анализа скрытых смыслов дают пресуппозиции. Попытка эксплицировать пресуппозиции является процедурой проверки языковой (в отличие от логической) связи между ассертивной и подразумеваемой частями предложения. Следуя определению Р. Сталнакера, мы можем рассматривать

«пресуппозицию как своего рода предрасположение к определенному лингвистическому поведению, так, как если бы мы исходили из очевидных для нас положений или делали бы некоторые допущения» (Stalnaker 1991: 474). Экспликация этих положений и допущений представляет собой неестественное языковое поведение и ведет к образованию семантических не-суразностей. Так, экспликация пресуппозиции сложных предложений с пропозициональными глаголами *выяснить, удивляться, подтвердить* и т. п. англ. *find out, be surprised, confirm* приводит к образованию тавтологических высказываний: (32а) *Я выяснил, что Петя приехал, и Петя приехал. (32б) *Я был удивлен, что Петя приехал, и Петя приехал. (32в) *Он подтвердил, что Петя приехал, и Петя приехал. В (32а) — (32в) видна тематичность пресуппозиций: аномальность высказывания определяется не только повтором, но и тем, что эксплицированная пресуппозиция следует за пропозицией, к которой она относится. Попробуем изменить порядок слов: (32а') ?Петя приехал и я выяснил, что Петя приехал. (32б') ?Петя приехал, и я был удивлен, что Петя приехал. (32в') ?Петя приехал, и Вася подтвердил, что Петя приехал. Нам кажется, что примеры в (32а') и (32в') более приемлемы, чем в (32а) — (32в). Однако и перестановка не особенно улучшает положение. Тавтология не уничтожается. Возникает потребность в дальнейших преобразованиях. Для того чтобы текст освободился от излишней тяжести повтора, достаточно выделить пресуппозицию в отдельное предложение, а исходное предложение насытить наречьями или другими элементами, легко занимающими рематическое положение, а также провести прономиннализацию существительных (в данном случае имени собственного): (32а'') Петя приехал вчера. Я выяснил, что он приехал только сегодня к вечеру. (32б'') Петя приехал с фронта. Я был обрадован, что он благополучно доехал. (32в'') Петя приехал. Это подтвердил его сосед по комнате.

Таким образом, экспликация пресуппозиции возможна при соблюдении условий, снимающих тавтологичность компонентов текста. Если же эти условия не соблюдены, то возникают аномальные высказывания: (33) *I expected to enjoy the film, but that was before I saw it* (Lederer, 5), где аномальность объясняется экспликацией пресуппозиции глагола *to expect* — *to regard as likely to happen*. Предложная группа *before I saw it* оказывается тавтологичной, так как само значение глагола предполагает компонент предшествования, предположения или ожидания некоторого события, ощущения, действия.

Если следовать П. Грайсу, то подобные случаи следует рассматривать как нарушение постулата количества, что должно вести к возникновению коммуникативной имплицатуры. Существенная разница между приведенными выше примерами и имплицатурами П. Грайса заключается в том, что наши при-

меры неинтенциональны: смысловые эффекты возникают помимо воли говорящего, даже вопреки ей. Повторение элементов, принадлежащих картине мира, создает не только тавтологическое высказывание, но и комический эффект. При этом происходит обособление текста от автора. Смешно не то, что автор хотел сказать, а то, что у него невольно получилось в результате актуализации пресуппозиции: (34) *Shakespeare was born in the year of 1564, supposedly on his birthday* (Lederer, 12). В (34) тавтология создается за счет экспликации пресуппозиции глагола *рождаться* (to be born). Само значение глагола (или выражения to be born) обладает презумпцией места и времени. Однако, если эта информация эксплицируется без уточняющих элементов, то возникает излишний повтор: *born on his birthday*. Сочетания типа *родиться в свой день рождения* относятся к числу коммуникативно запретных, так как нарушают нормальный ход диалога, вводя в него самоочевидные элементы. При этом комический эффект усиливается за счет наречия *supposedly* 'предположительно', несовместимого с выражением очевидной истины.

2.2.2.3 *Допустимость актуализации пресуппозиции*. Всегда ли актуализация пресуппозиции влечет за собой тавтологию? Оказывается, что примеры актуализованной в тексте пресуппозиции далеко не единичны. Экспликация допустима в тех случаях, когда очевидное становится важным, или, иными словами, когда говорящий, меняя функциональный статус пресуппозиции, делает ее фокусом высказывания. Движущей силой этого процесса выступает фактор интенциональности. Пресуппозиция как бы вытягивается говорящим на поверхность высказывания. Простейшим случаем является усилительная экспликация, осуществляемая в целях увеличения убедительности высказывания: (35) *The story takes place in Bombay, India, where many people starve to death every day; but not all the people in Bombay are starving...* (Irving, 43). Пресуппозицией местоименного прилагательного *many* можно считать *not all*, так как это выражение синонимично *some* и отвечает основному требованию пресуппозиции — сохранению при отрицании: ср. (35a) *Many people starve to death every day.* — пресуп.: *Not all people / some people...* (35b) *Not many people starve to death every day.* — пресуп.: *Not all people / some...* В примерах (35a), (35б) актуализованная пресуппозиция заостряет внимание читателя на той детали, которая иначе оказалась бы незамеченной в силу своей очевидности: *если мы говорим многие, то подразумеваем, что не все*. Попад в фокус высказывания, пресуппозиция теряет свою тавтологичность.

Активизация пресуппозиции в диалоге может быть вызвана пропуском одного из актантов. Не имея возможности соотнести действие или признак с определенным референтом, адресат вы-

нужден вернуться к исходным данным высказывания и эксплицировать пресуппозицию: (36) — I said that I tell dreams, the man informed her. — You tell dreams. Grandmother said: Meaning, *you have them? Have them and tell them*, he said mysteriously (Irving, 145). Отсутствие эксплицитного экспериенцера в первой реплике (указания на лицо, которому снятся сны), позволяет второму участнику диалога задать вопрос относительно пресуппозиции. Так как для первой реплики возможны, по крайней мере, три варианта заполнения позиции экспериенцера: а) *my dreams*; б) *other people's dreams*; в) *both my dreams and other people's*, то адресат строит догадку на основании пресуппозиции: *somebody has dreams*. Актуализированная пресуппозиция, эксплицируя посылки высказывания, представляет собой функциональную ретроспективу диалога.

2.2.2.4 *Снятие (подавление) пресуппозиции*. Особый интерес представляют случаи интенционального снятия (подавления) пресуппозиции. Анализируя семантические пресуппозиции (презумпции) с точки зрения применимости критерия истинности / ложности, Е. В. Падучева обращается к понятию внешнего отрицания, т. е. случаев, когда некоторое положение дел, подразумеваемое предложением, просто не имеет места. В ее книге рассматриваются примеры типа *Иван не выздоровел — он вообще не болел; Иван не перестал бить свою жену — он ее никогда не бил; Мой муж не пришел меня встречать, и вообще я не замужем* (Падучева 1985: 56). Е. В. Падучева считает употребление отрицания в этих случаях, во-первых, «если не аномальным, то, во всяком случае, весьма специфическим». В частности, понимание отрицания в значении, подавляющем презумпцию, всегда требует мощного контекста... Во-вторых, требуется отдельное поясняющее предложение: само по себе *Иван не выздоровел* ни в каком случае не может быть понято в том значении, которое ему приходится иметь в контексте» (там же: 56). Приведенные в книге Е. В. Падучевой примеры можно одновременно рассматривать и как случаи необходимой актуализации пресуппозиции. Ошибочность предположения вынуждает говорящего снабдить сообщение «мощным контекстом», поясняющим ситуацию.

Экспликация пресуппозиции возможна как в диалогическом, так и в монологическом тексте. В монологе говорящий может актуализировать пресуппозицию высказывания, меняя ее статус и превращая ее в фокус высказывания, а затем снимая (подавляя) ее, как, например, в отрывке из интервью с бывшим генералом КГБ Олегом Калугиным: (37) *После победы над путчистами все обвинения с меня сняты. Чувствую себя уверенно. Впрочем, и раньше чувствовал себя также. Друзья не предали меня* (Огонек. 1992. № 2). В примере (37) высказыванию *Впрочем, и раньше чувствовал себя также* предшествует процесс прагматической переориентации пресуппозиции, состоя-

ший из следующих трех этапов: а) говорящий замечает причинно-следственную связь между первым и вторым высказываниями, из-за которой его уверенность в себе может быть интерпретирована адресатом как результат снятия обвинений: человек невиновный ли в каких преступлениях обычно чувствует себя уверенно. Напротив, лицо, обвиняемое в преступлении, как правило, находится в состоянии неуверенности и страха, пытается доказать свою невиновность; б) в стратегии построения сообщения эта причинно-следственная связь оказывается неуместной, и говорящий намерено разрушает ее посредством подавления нежелательной пресуппозиции: *раньше чувствовал себя неуверенно*; в) снятие пресуппозиции влечет за собой потребность в усилении высказывания обоснованием, что и происходит в последнем предложении текста: *Раньше чувствовал себя неуверенно, а сейчас чувствую себя уверенно, потому что друзья не предали меня*. При этом происходит замена одной причинно-следственной цепочки другой: *Все обвинения с меня сняты* (следовательно), *чувствую себя уверенно* заменяется на *Друзья не предали меня* (следовательно), *чувствую себя уверенно*.

Таким образом, тавтологические скрытые смыслы в отличие от интерпретируемых могут быть актуализированы в тексте, но их актуализация, как правило, требует дополнительных условий: перестановок, выделения в отдельное предложение, введения рематических элементов. Специфика этой группы заключается в том, что эксплицированная пресуппозиция создает текстовые эффекты независимо от говорящего, как бы заставляя текст говорить сам за себя и косвенным путем передавая информацию о говорящем. Речевые действия говорящего при тавтологических скрытых смыслах направлены на снятие тавтологии и приведение высказывания в грамматически и семантически приемлемую форму.

2.2.3. Неинтенциональные эксплицируемые скрытые смыслы

Третью группу скрытых смыслов составляют эксплицируемые скрытые смыслы. В отличие от первых двух групп неинтенциональных скрытых смыслов (интерпретируемых и тавтологических), они беспрепятственно вербализуются в тексте, не нарушая его целостности или связности. В группу эксплицируемых скрытых смыслов входят эллиптические и каузативные конструкции, текстовые мосты, т. е. такие пропуски элементов текста, восстановление которых легко осуществимо в опоре на контекст и знания о мире.

В рамках данного раздела мы ограничимся рассмотрением того, как восстанавливаются в тексте опущенные компоненты

эллиптических конструкций. Импликация опущенных фрагментов содержания в эллиптических конструкциях настолько сильна, что скрытые смыслы восстанавливаются однозначно, что и позволяет безболезненно удалить их из высказывания. В простейшем случае эллипсиса мы имеем дело с одним словом или формой, опущение которого / которой не влияет на общий смысл текста. Восстановление слова или конструкции в поверхностной структуре также существенным образом не меняет нашего восприятия сообщения. Нюансы значений зависят от интонационной структуры, контрастного ударения и т. п. По определению М. Хэллидея и Р. Хасан, «эллипсис представляет собой субституцию нулем, а эллиптическая единица — это единица, оставляющая структурный пробел, который должен быть заполнен из другого источника» (Halliday, Hasan 1976: 142—143). Этим источником, как правило, служит предшествующий контекст. Вместе с тем эти авторы приводят немало примеров двусмысленностей и неясностей в текстовых связях эллиптических конструкций: *Don't you like those three little white eighteenth-century stone cottages? — I prefer mine*, неясна референтная отнесенность местоимения в последней реплике: *My three little white eighteenth-century cottages, Or just my cottage?* Подобный ответ возможен даже когда адресат имеет в виду *one large Elizabethan brick and timbered one* (Ibid.: 152). Интерпретация референтной отнесенности местоимения *mine* зависит от степени нашей осведомленности о том, что имеет в виду говорящий.

Помимо референтной неопределенности, пропуск слова или формы может осложняться сочетанием с другими видами скрытых смыслов. В разных типах эллиптических конструкций прослеживаются колебания от однозначного восстановления элемента до одновременного действия эллипсиса и импликации, эллипсиса и умолчания, эллипсиса и обрыва высказывания, что отражает градации подразумевания, охватывающие обширную область от элементарного пропуска слова или грамматической формы до вариативности при восстановлении пропущенного фрагмента предложения или текста. В рамках этого подхода мы выделяем четыре типа эллиптических конструкций.

1. Опущенные элементы представляют собой повтор уже эксплицированной в тексте информации. Они однозначно восстанавливаются из контекста: (38) *Renko, you say someone killed this girl and you won't find out who?* Hess asked — *I don't think I could* (Smith, 90). В первой реплике восстанавливается придаточное *you won't find who killed this girl*, во второй — *I don't think I could find out who killed this girl*. Ср. также: (39) *But suddenly I had another idea. Perhaps Laider had returned? He had* (Beerbohm, 127), где *He had* = *he had returned*.

2. Опущенные элементы восстанавливаются, допуская вариативность в длине цепочки. Этот процесс сопровождается из-

менением референтной отнесенности. В примере М. Хэллидея и Р. Хасан *Here are my two white silk scarves. Where are yours?* (Halliday, Hasan 1986: 150) местоимение *yours* может подразумевать каждый из элементов *two, white, scarves*. Однако полное совпадение вовсе необязательно. Произнося *Where are yours?*, говорящий может исключить из именной группы часть ее членов, сужая или расширяя референцию: *Where are your scarves? Where are your silk scarves? Where are your rayon scarves?* В качестве обязательного элемента выступает лишь ядро именной группы.

Существует ряд текстовых единиц, использование которых в эллиптических предложениях затемняет пресуппозицию. М. Хэллидей и Р. Хасан подробно рассматривают функционирование местоимения *other / others* в примерах типа: *I see you've sold those two large red china dogs. Have you any others?* В последнем предложении *others* может замещать *china dogs, red china dogs, large red china dogs* (Halliday, Hasan 1976: 161).

Аналогичная картина складывается в вопросительных предложениях с вопросительными словами *зачем, почему, как* (англ. *why, what, for, how*), где неясность референтной отнесенности при использовании этих слов в эллиптических конструкциях влияет на ход развития диалога. Возможны ситуации, при которых адресат вынужден уточнять, что именно имел в виду говорящий: (40) Ромашка: *А потом днем я опять пришел к шестерке. Сел на лавку. — Зачем? — спросил судья. Что «зачем»? Сел или пришел?* (Токарева, 398). В примере (40) из-за пропуска глагола сведенное к одному вопросительному слову вопросительное предложение становится непонятным адресату и заставляет его уточнять, к какому из его действий относится вопрос.

3. Опущенные элементы восстанавливаются, но выступают в измененной грамматической форме: (41) Renko, you say someone killed this girl and you won't find out who? Hess asked. — *I don't think I could — and I'm not interested* (Smith, 90). В примере (41) пассивная конструкция *I'm not interested* может быть развернута до: *I'm not interested in finding out who killed the girl*. Инфинитив (*find out*) из первой реплики заменяется формой герундия (*in finding out*). При этом изменение грамматической формы не сопровождается семантическими изменениями. Ср. также: (42) *Why didn't you stay at the hotel with me? Susan asked. — I told you that Volovoi was coming to take me back to the ship. — Maybe he should have. There'd be more people alive now* (ibid., 248).

По терминологии М. Хэллидея и Р. Хасан, в этом случае имеет место лексический эллипсис, так как в предложении *Maybe he should have* опущен смысловой глагол. Однако, на наш взгляд, к лексическому фактору здесь добавляется и фак-

тор грамматической трансформации: глагол *to take* в инфинитивной конструкции *to take me back to the ship* при экспликации пропущенного фрагмента должен был бы преобразоваться в причастие прошедшего времени: *Maybe he should have taken you back to the ship.*

4. Эллиптические конструкции могут осложняться прагматическим содержанием, превращаясь из неинтенциональных в интенциональные. В этих случаях сам по себе пропуск одного или нескольких компонентов высказывания становится значимым и начинает передавать наряду с грамматической или лексической информацией отношение автора к содержанию сообщения. Эллипсис функционирует в сочетании с импликацией: (43) — *I do wish we could bring her up in the country, Alex. She'd be a brighter baby. — Money, he said (Chandler, 52).* В примере (43) эллиптическая конструкция обладает особым статусом. Опущенные элементы неочевидны и неоднозначны: *We don't have money; We don't have enough money; Money is the problem; If we had money* Во всех случаях, однако, эллипсис соседствует с импликацией. Во-первых, одночленное высказывание *Money* содержит скрытое отрицание. При любой из интерпретаций ответ подразумевает отказ выполнить желание первого коммуниканта: *I do wish we could bring her up in the country.* Во-вторых, одночленное высказывание *Money* выступает как обоснование неэксплицированного отказа, а сослагательное наклонение первой реплики согласуется с отрицательной модальностью ответа.

Взаимодействие эллипсиса с импликацией нередко используется как стилистический прием в детективной литературе. Целью его является активизация внимания читателя на неожиданном сообщении. Имплицитное содержание, как правило, не может быть выведено из контекста, и необходимые пояснения даются в авторском комментарии: (44) *Miss Marple said, — In connection with the murder of Mrs Spenlow? Palk was startled. — May I ask, madam, how you got to know of it? — The fish, said Mrs Marple. The reply was perfectly intelligible to Constable Palk. He assumed correctly that the fishmonger's boy had brought it with Miss Marple's evening meal (Christie I, 111).* Одночленное высказывание *The fish* не имеет контекстуальной опоры в предшествующем тексте. Несмотря на то, что опущенные элементы эллиптической конструкции (типа *From the fish, By means of the fish, etc.*) легко восстановимы, интерпретация высказывания остается неясной. Реплика *the fish* появляется совершенно неожиданно для читателя и, естественно, заставляет его теряться в поисках объяснения. Экспликация дается в авторской ремарке *the fishmonger's boy had brought it (the news of the murder) with Miss Marple's evening meal.*

Примеры такого рода представляют интерес с точки зрения взаимодействия семантического, прагматического и стилисти-

ческого уровня текста. На семантическом уровне имеет место опущение компонентов содержания, напоминающее обычный эллипсис. На прагматическом уровне (читатель—текст) в этом высказывании содержится нарушение Грайсовского постулата количества: информация явно недостаточна для интерпретации высказывания. Особенностью подобного рода скрытых смыслов является действие фактора интенциональности: сам по себе недостаток информации представляет собой часть авторской стратегии развития текста. Отсюда на стилистическом уровне пропуск информации способствует концентрации внимания читателя, оставляя ключи к интерпретации в руках автора.

Таким образом, в эллиптических конструкциях сохраняется принцип, свойственный всем представителям класса неинтенциональных скрытых смыслов, а именно — тенденция к нарушению статичности, переходу от элементов, пропущенных в грамматической форме или конструкции, к элементам, подразумеваемым говорящими и активизирующимся в ходе коммуникации. Скрытые грамматические категории демонстрируют тенденцию к аномальному употреблению, сопровождающемуся обращением в свою противоположность. Пресуппозиционные элементы, появление которых в тексте должно было бы создавать тавтологию, благодаря изменению своего функционального статуса преобразуются в элементы фокуса высказывания. Наконец, восстановление опущенных частей высказывания в эллиптических конструкциях может выступать как момент стилистической организации текста. Неизменным остается лишь одно — поворотным механизмом всех перечисленных процессов является интенция коммуникантов, способная, как мы постарались показать, пересиливать даже грамматические правила.

2.3. КЛАСС КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ

Второй класс скрытых смыслов можно определить как смыслы, характеризующиеся коллективной интенцией. Это явление подразумевает стереотипных отношений или социально-политических позиций говорящих. При стабильной политической ситуации — это наименее заметные из скрытых смыслов. По сути своей они отражают национальный характер и этические нормы, характерные для данного региона. Однако стоит перемениться политическому ветру, как именно эта сфера языка оказывается наиболее подверженной изменениям. Более того, конвенциональные смыслы оказываются в зависимости как от стихийных, так и от сознательных изменений. Введение новых этических норм неизменно влечет за собой изменения в аксиологической системе социума.

Следуя предложенной классификации, так же, как и в предыдущем изложении, мы рассмотрим три группы конвенцио-

Важных скрытых смыслов, выделяемых с помощью критерия эксплицитности: интерпретируемые, тавтологические и эксплицируемые.

2.3.1. Конвенциональные интерпретируемые скрытые смыслы

Подобно скрытым грамматическим категориям, конвенциональные интерпретируемые смыслы являются носителями информации, которая не может быть введена в текст, так как принадлежит надязыковому уровню. Однако если для скрытых грамматических категорий это была метаязыковая информация грамматических правил, то для конвенциональных смыслов — это социолингвистическая информация этических предрассудков.

2.3.1.1. *Язык политической корректности.* В современном американском варианте английского языка сформировался подязык *political correctness*, название которого было бы правильно перевести на русский язык, пользуясь прежней советской терминологией как «язык политической грамотности». Возникновение этого языка восходит к социальным и философским баталиям 60-х годов на Западе. Цель движения за язык политической корректности — покончить с социальной и расовой несправедливостью во всех сферах жизни, включая язык. Не затухает дискуссия относительно того, какими нравственными канонами должно руководствоваться современное общество. Появились руководства по употреблению политически корректной лексики, как, например, «Словарь непредвзятого словоупотребления», в значительной мере напоминающий языковые инновации в России двадцатых годов (*The Bias-Free Word Finder*. New York, 1994). Автор словаря Р. Маджио выделяет ряд языковых средств, отражающих предрассудки в отношении к цвету кожи, полу, возрасту и т. п. Приведем некоторые из них.

1. Пренебрежение к личности или группе людей: а) приглашение *Employees are welcome to bring their wives and children* исключает тех служащих, которые хотели бы прийти с мужьями или сексуальными партнерами (имплицитно ущемление прав работающих женщин); б) утверждение *We are all immigrants in this country* игнорирует коренное население Америки, индейцев (имплицитно ущемление прав национальных меньшинств).

2. Необоснованные допущения: а) рекламное письмо с описанием новых пеленок, адресованное матери, подразумевает, что отец не будет пеленать ребенка (имплицитно ущемление прав женщин: муж должен разделять с женой все обязанности по уходу за детьми); б) утверждение *Anyone can use this fire*

safety ladder предполагает, что в семье нет людей с физическими недостатками (имплицитно ущемление прав людей с физическими недостатками).

3. Употребление произвольных обозначений отдельных личностей и групп людей, не соответствующих желаниям этих людей: а) обозначения типа *Gypsy, office girl, the elderly, etc*; б) уничижительные обозначения *fairly (gay man), libber (feminist), nigger, old goat, etc*.

Таким образом, в цели этого словаря входят жесткие инструкции относительно того, как нужно изменить свою речь, чтобы она не задевала чужих интересов и отражала идею культурного многообразия. При этом новизна обозначений еще резко ощутима в американском варианте английского языка, что, как нам кажется, превращает каждое высказывание, содержащее политически выдержанное обозначение, в имплицитную декларацию политических взглядов говорящего.

Идеи политической корректности проникли и в грамматику. В тех случаях, когда грамматическая категория не имеет регулярной системы средств выражения, она легко поддается влиянию экстралингвистических процессов. Так, в английском языке происходит глобальное переосмысление суффикса *man*, который на протяжении долгого времени выступал не столько в качестве морфологического показателя рода в словах типа *spokesman, foreman, postman, fireman, horseman*, а, скорее, как показатель деятеля в названиях профессий или рода деятельности *chairman, congressman, horseman*.

Мощная волна движения за политическую корректность оживила прямое значение суффикса *-man*. Слово *chairman* стало употребляться только тогда, когда речь идет о председателе — представителе мужского пола. Нейтральным обозначением для обоих полов стало слово *chairperson* — неологизм 70-х годов, и, наконец, если председателем является женщина, употребляется обозначение *chairwoman*. *Fireman* превратился в *firefighter*, появились обозначения типа *horsewoman*. Сосредоточенность на равноправии в распределении профессий привела к необходимости точно указывать пол лица, осуществляющего ту или иную деятельность, чтобы не оставалось места для импликаций. Этот процесс зашел так далеко, что возникли и обратные образования типа *male nurse*.

Каждое из приведенных выше обозначений содержит имплицитный компонент. Замена *chairman* на *chairperson* или *chairwoman*, вы тем самым декларируете свою приверженность идеям женского равноправия. (ср. также: *salesman — salesperson / saleswoman; congressman — congresswoman; horseman — horsewoman, spokesman — spokeswoman*). Замена *black person* на *Afroamerican*. *Italian* на *Italian American* является свидетельством признания равноправия народов, проживающих на

территории США. Употребление *physically challenged* или *alternatively abled* вместо *invalid*, а также *deaf* вместо *deaf and dumb* или *senior citizen* вместо *old-aged* отдает дань идеям равноправного участия в общественной жизни пожилых людей и людей с физическими недостатками. Интересно, что всякое вмешательство политики в язык, какими бы благородными намерениями оно ни мотивировалось, как правило, влечет за собой попытки необоснованных или даже абсурдных изменений. Так, политические пуристы уже доходят до абсурда, требуя замены прилагательного *short* в значении *невысокий / маленького* роста на *vertically challenged*.

Подразумевание социально-политических значений отражает оппозицию *изоляция / включение*. В провинции Квебек в Канаде вместо международного дорожного знака *Stop* употребляют знак с французским глаголом *Arrêt* того же значения, что свидетельствует о коллективном нежелании большинства населения использовать английский язык в качестве основного средства общения и стремлении закрепить это качество за французским языком. Интересно, что во Франции используется международный дорожный знак *Stop*.

Напротив, для русского языка недавно обретенная свобода общения с остальным миром привела к массовому заимствованию английского словаря всеми функциональными стилями — от жаргонных *гринов* до политически возвышенного *консенсуса*.

Стремительно развивающиеся процессы в сегодняшних русском и английском языках можно сравнить со сгустками энергии; это своеобразные языковые вулканы, в которых расплавляются старые значения и создаются новые под влиянием экстралингвистических процессов. При этом направление развития конвенциональных скрытых смыслов противоположно тому, которое мы описывали для класса неинтенциональных интерпретируемых смыслов. Для неинтенциональных смыслов было характерно движение, направленное на разрушение системы, легкость внедрения в любые нетрадиционные формы выражения, характеризующиеся повышенной эмоциональностью или экспрессивностью. Конвенциональные смыслы, отражающие языковую волю больших групп людей, имеют противоположную тенденцию — к вхождению в систему языка. Именно этим объясняется, на наш взгляд, стремление создателей новых обозначений закрепить их лексикографически и грамматически, придав им статус узусальных номинаций.

2.3.1.2. *Этические предписания.* К конвенциональным скрытым смыслам относятся также языковые выражения постулатов вежливости, описанные Дж. Личем (Leech 1984). Принятые социальные нормы поведения препятствуют употреблению высказываний, возвышающих говорящего над собеседником, оскорбляющих собеседника или призывающих собеседника к

действиям, считающихся дурными в данном социуме. Так как перечисленные выше вопросы достаточно подробно освещены в литературе, мы остановимся лишь на одном явлении, которому не было уделено достаточно внимания, а именно функционированию социальных норм в императивных предложениях.

Неупотребительность лексических единиц с отрицательными коннотациями в структуре императивных предложений объясняется влиянием этических норм на язык: (45а) рус. *Будь добрым (честным, справедливым, вежливым, смелым,* (45б), англ.: *Be kind (honest, fair, polite, brave).* В обоих языках приведенные выше императивные предложения звучат естественно и не требуют особых контекстуальных условий. Значение положительной оценки заложено в самой конструкции и может усиливаться или ослабляться попадающими в нее элементами. Если мы попробуем заменить прилагательные в составе конструкций их антонимами, содержащими отрицательную оценку, то мы получим грамматически правильные предложения, которые, однако, крайне редко встречаются в речи, так как противоречат социальным нормам. Ср.: (46а) рус. *Будь злым, бесчестным, грубым, трусливым,* (46б) англ.: *Be cruel, dishonest, rude, cowardly.*

Если оценочные знаки конструкции и входящего в нее элемента оказываются противоположными, создается своеобразный лексико-грамматический оксюморон, который, как всегда бывает в таких случаях, может существовать только в особых контекстуальных условиях. Если же значение элемента, входящего в конструкцию, нейтрально и не имеет четко выраженных оценочных коннотаций, то они возникают или активизируются под действием аксиологической рамки. Так, знаменитая некрасовская строка *Будь гражданин! Служи народу...* отнюдь не предполагает призыва быть плохим или средним гражданином, ее прочтением может быть только *Будь хорошим/настоящим гражданином.* Ср. также: (47а) рус. *Будь мужчиной, не трусь; Будь человеком, помоги* и (47б) англ.: *Be a man!*

Интересно отметить, что этические нормы, регулирующие языковое употребление, в свою очередь, управляются еще более общими аксиологическими установками, свойственными данной культуре. Оптимистическая презумпция, господствующая в американской культуре, диктует следующий выбор обращения к человеку, поскользнувшемуся и упавшему на улице, или попавшему в автокатастрофу на ваших глазах: (48) *Are you all right?* Эту конструкцию невозможно перевести на русский язык дословно по этическим причинам, так как дословный перевод не будет соответствовать контексту ситуации. Вопрос к потерпевшему: *Вы хорошо себя чувствуете? / Вы в порядке?* будет воспринят скорее как оскорбление, чем как проявление участия. В России в такой же ситуации более естественными

будут вопросы: *Вы не (очень) ушиблись? Вы можете встать?* и т. п. Однако презумпция будет пессимистической, т. е. исходной точкой говорящего будет то, что адресат так или иначе пострадал.

2.3.2. Конвенциональные тавтологические скрытые смыслы

К конвенциональным тавтологическим скрытым смыслам прежде всего относятся эвфемизмы. По своим семантическим и прагматическим характеристикам эвфемизмы близки к метафорам, т. е. их употребление создает «несоответствие между прямым значением предложения и тем смыслом, который говорящий вкладывает в высказывание» (Searle 1991: 522). Выступая в качестве субститутов, легализирующих социально неприемлемые выражения, эвфемизмы сохраняют, однако, тесную связь с мотивирующим элементом.

В классификации, предложенной Н. Хастон, описаны следующие способы образования эвфемизмов: морфологические, фонетические, семантические, риторические и редакторские. Морфологические и фонетические способы образования эвфемизмов предполагают замену одной или нескольких букв в слове или добавление суффикса, что создает звуковые отличия, легализирующие употребление слова. Так, восклицание *Shoot!* гораздо более приемлемо, чем оригинал *Shit!*, а *Darn it!* звучит благопристойнее, чем *Damn it!*. Попытка поставить рядом эвфемизм и исходное, запретное обозначение ведет к образованию тавтологии.

Тавтологичность этого рода не нужно смешивать с накоплением эмоциональной лексики в тексте, когда за эвфемизмом следует исходное обозначение и образуются цепочки типа *Darn it!, Damn it!* С точки зрения передаваемого ими смысла исходное обозначение и эвфемизм идентичны. Ни в коей мере не являясь экспликацией скрытого смысла, исходное обозначение в этих случаях выступает как средство увеличения эмоционального накала высказывания.

Семантические процессы образования эвфемизмов представлены метафорическими и метонимическими переносами, создающими новые образные обозначения референта. Созданные таким образом эвфемизмы недолговечны. Это их свойство было отмечено еще Э. Бенвенистом: «Все зависит от того понятия, которое хотят вызвать в сознании и вместе с тем избежать его называния. Если это понятие принадлежит к числу тех, которые осуждаются моральными и социальными нормами, то эвфемизм не сохранится надолго. Получив отпечаток этого понятия, он, в свою очередь, требует обновления» (Бенвенист 1974: 372).

Таким образом, чтобы сохраниться в языке, эвфемизм дол-

жен сочетать образность с максимально возможной ясностью референтной отнесенности, которая облегчала бы замену.

К риторическим средствам эвфемизации Н. Хастон относит вводные высказывания, выступающие в качестве сигнала, что за ними последует или может последовать непристойное выражение. К таковым она относит извинения: франц. *Je vous en prie. il y a des dames présentes*, рус. *Не при дамах / детях будет сказано*; англ. *Excuse my French*. При сочетании с социально запретным выражением такие формулы смягчают эффект грубости выражения и подготавливают адресата к его восприятию. Наконец, к редакторским средствам относятся кавычки, выполняющие защитную функцию в тексте: «Это не я так говорю, это кто-то другой...» (Huston 1980: 74).

Замена прямого обозначения эвфемизмом может происходить многоступенчато, с постепенным нарастанием степени абстракции, как это часто наблюдается в случае субститутов ругательств.: (49) *Do you speak Russian? No. I mean we use expressions*, Mike said, without, you know really knowing what they mean. Like when you hit your thumb with a hammer, right? (Smith, 60). Здесь эвфемизм *we use expressions* имеет дальнейшее уточнение. Like when you hit your thumb with a hammer, обеспечивающее недостающее звено причинно-следственной цепочки. Если *expressions* относится к выражениям, употребляемым людьми, когда они попадают себе молотком по пальцу, то, скорее всего, это ругательства. Таким образом, создается отношение тождества между *expressions* и *curses*. Само по себе слово *curses* (ругательства) не является социально неприемлемым, но и оно кажется говорящему недостаточно вежливым, поэтому он прибегает к сравнению, находящемуся в отношении экзemplификации к эвфемизму *expressions*.

Еще более тонкие случаи употребления эвфемизма наблюдаются тогда, когда само упоминание о грубости или резкости выражения заменяется дескрипцией: (50) *He then went to the length of suggesting that, in the future, we act as decoys for the police; they would drop us by car at various farms ... We told him what we thought of that* (Vassiltchikov, 89).

Предпочтение косвенного обозначения прямому определяется прагматическими факторами, к которым, помимо социальной приемлемости высказывания, относятся и такие, например, как статус адресата. Н. Бишоп описывает косвенные способы передачи каузативных значений в официальной обстановке. Она указывает на преобладание намеков, эвфемизмов, а также на использование пассивных конструкций как на прагматическое средство передачи социальных отношений между собеседниками. Одна и та же ситуация увольнения с работы по-разному описывается экспериментером в официальной и неофициальной обстановке. Ср.: (51a) *They heavily encouraged me to find another job*. (51b) *Bob fired me last week* (Bishop

1992: 301). При всех отличиях в лексическом наполнении двух высказываний разность их смыслов определяется прежде всего прагматикой. В первом использование местоимения *they* позволяет не указывать на субъект действия, а выражение *encourage me to find another job* выступает в качестве эвфемизма *fired me*.

Если мы попытаемся привести (51a) и (51b) к общему знаменателю, то получим высказывания-синонимы, соположение которых в данном контексте ведет к образованию тавтологии: **Last week my boss heavily encouraged me to find another job and fired me*. Последовательность (51a) + (51b) возможна только в том случае, когда (51a) перестает интерпретироваться как эвфемизм (51b) и начинает выступать в своем прямом значении: *Last week my boss heavily encouraged me to find another job. He then / later fired me*.

Таким образом, мы приходим к выводу, что эвфемизмы, выступая в качестве субститутов социально неприемлемых слов и выражений, сохраняют смысловое тождество с прямыми обозначениями, но отличаются от них своими прагматическими характеристиками. Так же, как и неинтенциональные тавтологические смыслы, конвенциональные тавтологические смыслы подразумеваются, но при попытках их экспликации создается излишний повтор. Пробивать себе дорогу в текст они могут лишь при специфических контекстуальных условиях.

2.3.3. Конвенциональные эксплицируемые скрытые смыслы

Специфика конвенциональных эксплицируемых смыслов заключается в том, что их декодирование основывается на экстралингвистической реальности — фоновых знаниях. В данном разделе мы рассмотрим два вида конвенциональных эксплицируемых смыслов: конвенциональные импликации и ассоциативные импликации. Их общность определяется тем, что и те и другие происходят из наших знаний об устройстве мира, что позволяет говорящим опускать их в процессе коммуникации.

2.3.3.1 *Конвенциональные импликации*. Конвенциональные импликации в значительной мере близки к эвфемизмам, отличаясь от них возможностью экспликации опущенных элементов в тексте. Маркерами конвенциональных импликаций являются особые субституты, характеризующиеся тем, что они содержат некоторую недоговоренность, намек на подразумеваемый смысл, который далее угадывается адресатом на основании присутствующей в его сознании картины мира. Подобно эвфемизмам, они представляют собой высказывания, смягчающие неприятные или непристойные стороны жизни. Одновременно с этим конвенциональные субституты близки к эллиптическим

конструкциям, в которых за счет прочных имплицативных связей опускается один или несколько элементов. При этом импликация подразумеваемого смысла является достаточно жесткой, чтобы адресат сообщения мог ее безошибочно интерпретировать: (52) *The usual food on such journeys is a steady diet of salt fish. The salt creates a raging thirst that is never satisfied by the meagre water ration that is handed out. And yet this water ration is sufficient to create biological urges that the guards will reluctantly satisfy only once a day — with consequences that can easily be imagined* (Skamnel, 272). В примере (52) декодирование импликации происходит на основании общего знания о мире. Одно слово *consequences* замещает описание ситуации, возникающей в тюремном вагоне. Оно подразумевает ряд элементов, таких, например, как физические страдания, грязь, нечистоты, инфекция и т. п. Контекстуальные маркеры *this water ration is sufficient to create biological urges* ограничивают сферу возможных подстановок. Ср. также: (53) *Everyone knows what a bufetchitsa does. I direct the officers' mess, I clean the captain's cabin, I keep the captain happy. It's customary and I knew it the day I applied. The Ministry of Fisheries knows it. His wife knows it. If I didn't take care of him on board ship, he'd rape her at the door, so she knows* (Smith, 168). Высказывание *I keep the captain happy* замещает более откровенное *make love with the captain*. Исходное высказывание составляет антецедент (текстовую пресуппозицию) перефразы: *I make love with the captain, and thus / in this way keep the captain happy*. Ход интерпретации также направляют маркеры подразумеваемого смысла *his wife knows it; he'd rape her at the door, etc.* Вместе с тем подстановка пропущенного элемента не создает тавтологии и не нарушает связности текста. Экспликация прерывает прежде всего компонент социального запрета, налагаемого на публичное обсуждение сексуальных отношений.

Сходная ситуация наблюдается при упоминаниях о смерти. В приведенном ниже примере имплицитруется содержательный компонент существительного *sad news* = *news of death*: (54) *Sallie stayed in town on market day to buy a black dress. Five days passed. Then the sad news came from the hospital and she was able to put it on* (Kneale, 66).

Восстановление скрытого смысла осуществляется дедуктивным методом на основании посылок, содержащихся в контексте. Читательский вывод складывается из двух этапов: сначала автор позволяет читателю построить достаточно основательную гипотезу, а затем прийти к ее подтверждению. Первой посылкой, подготавливающей заключение, является упоминание о покупке черного платья: *Sallie bought a black dress*. Имеющаяся у представителей западной цивилизации картина мира дает вторую посылку: *A black dress is a*

symbol of mourning. Из этих двух посылок читатель должен сделать заключение: Sallie bought a black dress; A black dress is a symbol of mourning → Maybe, somebody close to Sallie was dying. В последующем контексте содержится подтверждение этого предположения: Sallie was able to put her black dress on. На основании этого подтверждения строится следующий вывод: Sallie was able to put her black dress on; A black dress is a symbol of mourning → Somebody close to Sallie died.

Полученное заключение служит ключом к интерпретации выражения sad news и позволяет установить опущенные элементы: sad news of Uncle Quaggin's death. Следует отметить, что само по себе выражение *плохие новости из больницы* является контекстом, достаточным, во всяком случае, для следующих интерпретаций: а) grave diagnosis; б) worsening of the patient's condition; в) death. Выбор интерпретации осуществляется под воздействием приведенного выше заключения: Uncle Quaggin was in hospital; Sad news came from the hospital → Somebody close to Sallie died. Из текста известно, что Uncle Quaggin was in hospital, следовательно: Uncle Quaggin died. Таким образом, читатель приходит к последнему этапу вывода: The sad news was the news of Uncle Quaggin's death. Ср. также импликацию самоубийства: (55) He was so weary. *The deed he had in mind to do was an easy way out for him. It would be the end of his troubles* (Forester, 28).

В качестве конвенциональных субститутов могут выступать показатели времени: выражение *предпринять что-либо, пока не поздно*, т. е. пока не последовали нежелательные события, например, в криминальном контексте — *пока не произошло убийство*: (56) What is it? — You will find out, — I said soothingly. — So long ... as I do not *find out too late* (Christie II, 45). В такой же функции могут выступать локативы: (57) You mean that we can rule out a stranger? — That's what I mean, Hastings. It is no stray lunatic who is at the bottom of this. We must look *nearer home than that* (Ibid., 47). Выражение *nearer home than that* открывает ряд социально приемлемых интерпретаций: а) не сказать дурного, так как подозревается один из обитателей респектабельного дома, б) косвенно указать на возможного убийцу через локатив, в) заменить отрицательно оцениваемое нейтральным.

Таким образом, можно заключить, что конвенциональные субституты выступают в функции, близкой к эвфемизмам, отличаясь от последних большей свободой экспликации подразумеваемого смысла, а также увеличением объема передаваемой ими информации по сравнению с исходным выражением.

2.3.3.2. *Конвенциональные скрытые смыслы и интенциональность*. В силу того что конвенциональные скрытые смыслы отражают политические, социальные, этнические позиции больших групп людей, индивидуальная интенция говорящего сводится

к выбору приемлемого для него выражения. Факт этого выбора несет дополнительную информацию для адресата: «...сама по себе языковая система через присущие ей специфическое отражение социальной действительности создает базу для выбора, который может осуществить отдельный человек, пользующийся языком, но в то же время накладывает на этот выбор определенные ограничения» (Блакар 1987: 112).

Прагматические различия такого рода четко прослеживаются при разном обозначении собеседниками одной и той же референтной ситуации, когда диалог начинает развиваться на двух уровнях: эксплицитном и имплицитном. При этом каждый из собеседников «порождает контекст, в котором он хотел бы видеть свое высказывание» (там же). Примером может служить соположение конвенционального субститута и дисфемизма: (58) *Gruppenfuhrer Frey, sald Dexter. — I don't know him either. But I know why he has been appointed. — To spy on you? — To keep me up to my duty, sald Dexter (Forester, 18)*. Из примера (58) ясно видно, что применительно к политическому диалогу нельзя говорить о нейтральности высказывания. Немаловажной деталью здесь становится особый статус конвенциональных импликаций. Как уже подчеркивалось, интенция говорящего проявляется лишь в факте выбора и солидаризации с определенным видом коллективной интенции. Изменяется направление связей: не говорящий намеренно передает информацию о себе через текст, а текст, несущий, некоторую кодированную информацию, передает дополнительное сообщение о своем авторе.

При декодировании приведенного в примере (58) разговора между двумя офицерами немецкой армии в конце Второй мировой войны имеет место именно этот процесс, когда адресат интерпретирует первую реплику-вопрос: *To spy on you?* В этой реплике через коннотацию глагола *to spy* выражено отрицательное отношение говорящего к власти. При смене ролей адресат исправляет социальную оплошность собеседника и косвенно передает свое несогласие с его позицией посредством использования «политически корректной» формулировки: *to keep me up to my duty*. Эта реплика может быть развернута в текст. *I don't like the way in which you describe Gruppenfuhrer Frey's responsibility. I would rather call it → To keep me up to my duty*.

2.3.3.3. Ассоциативные импликации. Под ассоциативными импликациями мы будем понимать такие скрытые смыслы, которые за счет своих социальных коннотаций вызывают у адресата определенные ассоциации или образы. Как и все другие конвенциональные скрытые смыслы, они характеризуются коллективной интенцией, т. е. основываются на моральных и этических нормах, принятых в данном обществе.

С коммуникативной точки зрения появление в тексте элемента с социальной нагрузкой ведет к активизации роли адресата сообщения. Оторвавшись от говорящего, текст оказывается во власти адресата, который в процессе восприятия выделяет скрытые смыслы, релевантные для его собственной стратегии ведения коммуникации. Отдельное слово или высказывание, использованное говорящим для описания ситуации, может приобретать иное звучание для адресата и, что очень важно, наращивать объем информации. При этом говорящий либо осознает социальную нагрузку своего высказывания и учитывает ее при выборе стратегии ведения коммуникации, либо находится в неведении относительно социальных импликаций своих слов.

Ассоциативные импликации отражают социальную оппозицию престижный / непристижный, которая, в конечном счете, сводится к аксиологической оппозиции хороший / плохой, или, иными словами, соответствующий / несоответствующий социальным канонам данного общества. Они возникают при упоминании любого из атрибутов социального статуса человека и включают названия учебных заведений, должностей, района города, марки машины и других социальных параметров. Актуализация этих обозначений в речи подобна диалекту. Так же как региональные особенности речи, упоминания социальных атрибутов ведут к тому, что, по словам Р. Барта, «индивид оказывается пленником своего языка; за пределами своего класса он обнаруживает себя каждым произнесенным словом, каждое слово выявляет его всего целиком и выставляет напоказ вместе со всей его историей...» (Барт 1983: 345).

Смыслы, связанные с социальным статусом человека, как правило, имплицитны. При высоком социальном положении действует принцип скромности: не говори того, что возвышает тебя над другими людьми. При низком социальном положении начинает действовать принцип, обратный принципу скромности, но имеющий тот же эффект. Этот принцип можно назвать принципом гордости/собственного достоинства и определить следующим образом: не говори того, что может унижить тебя в глазах других людей.

Так, в романе М. Смита «Полярная звезда» рассказывается о русском следователе по особо важным делам, который был снят со всех постов, лишен всех званий и в итоге оказался рабочим на поточной линии на плавучем рыбо-консервном заводе: (59) Renko, Renko. Where are you from? — Moscow, Slava answered for Arkady. — Moscow? Karp whistled appreciatively. You must have really fucked up to end up here (Smith, 68).

В примере (59) наблюдается действие обоих принципов. Следуя принципу вежливости, персонаж умалчивает о

своим высоким положением следователя по особо важным делам в Москве. Следуя принципу гордости, он не упоминает о своем нынешнем положении рабочего на поточной линии плавучего рыбозавода. Вместе с тем адресат, сопоставив имеющуюся у него информацию о говорящем с упоминанием столицы Советского Союза, где раньше жил Ренко, делает безошибочный вывод: *You must have really fucked up to end up here.*

В отличие от других видов конвенциональных импликаций ассоциативные импликации легко приобретают интенциональность. Это происходит тогда, когда говорящий намеренно вводит в текст сообщения элементы, способствующие возникновению у адресата дополнительных ассоциаций. В приведенном ниже примере говорящий сообщает о том, что он жил во Франции с целью вызвать одобрение собеседника: (60) *I dropped the course. And besides, I wanted to live in France.* — *Oh, you lived in France?* *Helen asked him, knowing that's what she was supposed to ask him, knowing it was one of the things he thought was special about himself and didn't hesitate to slip it in. He had even slipped it in the questionnaire. He was very shallow, she saw right away ...* (Irving, 317). В этом фрагменте текста наблюдается одновременное действие ассоциативной импликации (престиж путешествия во Францию) и интенциональной импликации (желание говорящего вызвать одобрение адресата на основании ассоциативной импликации). Однако перлокутивный эффект его высказывания оказывается противоположным запланированному за счет нарушения принципа вежливости (постулат скромности): *I lived in France* → *I am special*. Это позволяет нам вывести следствие из постулата скромности: тот, кто говорит о себе вещи, возвышающие его в глазах собеседника, рискует вызвать реакцию, обратную планируемой: вместо ожидаемого одобрения — неодобрение или даже презрение.

Тяготение конвенциональных скрытых смыслов к грамматизации и лексикализации затрудняет возможность приобретения ими интенциональности, что объясняется пределом прагматической нагрузки, которую могут нести языковые единицы: коллективная и индивидуальная интенции вступают в конфликт друг с другом, и первая препятствует реализации последней. В этом отношении исключение составляют ассоциативные импликации, которые могут быть использованы говорящими для создания перлокутивных эффектов при упоминании социального статуса индивида.

2.4. КЛАСС ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ

Инвентарь интенциональных скрытых смыслов богат и разнообразен. Рассматривая ненитенциональные и конвенциональные скрытые смыслы, мы постарались показать, каким образом

коммуникативные намерения говорящего меняют смысл высказывания в целом.

При анализе интенциональных скрытых смыслов в рамках данного раздела мы ограничимся анализом небольшого количества примеров исходя из избранного нами в начале исследования критерия экспликации подразумеваемых смыслов.

2.4.1. Интенциональные интерпретируемые скрытые смыслы

К интенциональным интерпретируемым скрытым смыслам относятся стилистически обусловленное употребление грамматических категорий, экспрессивная функция повторов, стилистические функции графических средств, говорящие имена в литературных произведениях и т. д. Сущность отношений между языковыми средствами, носителями скрытого смысла и самим скрытым смыслом, та же, что и у других классов скрытых смыслов: имплицитный смысл принадлежит другому коммуникативному уровню и поэтому не может быть эксплицирован в тексте сообщения.

2.4.1.1 Стилистическое употребление грамматических категорий. Обращаясь к стилистическим возможностям глагольных категорий, И. В. Арнольд говорит об их большом стилистическом потенциале и способности транспозиций служить средством экспрессии (Арнольд 1973: 192). Действительно, использование глагольных значений для создания стилистического эффекта представляет собой одну из неотъемлемых частей художественного текста.

Сокращение расстояния между героями и читателем достигается в современном романе, особенно там, где присутствуют элементы философии экзистенциализма, за счет чередования настоящего и прошедшего времени в повествовании. В романе А. Камю «Посторонний» чередование времен происходит на уровне абзаца или даже внутри абзаца.

Еще одним широко используемым стилистико-грамматическим средством является смена перспективы повествования, достигаемая варьированием авторского повествования и повествования от первого лица.

В романе Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» в качестве скрытого смысла всего макротекста, выступает чередование перспективы рассказчика. Главы 1—2 первой части написаны от третьего лица; 3—10 — от первого. Аналогично в части второй: главы 11—12 написаны от третьего лица, 13—22 — от первого. Смена перспективы позволяет читателю добиваться эффекта, напоминающего оптический эффект наплыва, то удаляя, то приближая читателя к герою.

Так же как и в двух других классах метауровневых скрытых смыслов, экспликация интенциональных интерпретируемых импликаций в поверхностной структуре текста невозможна из-за того, что скрытая информация принадлежит другому коммуникативному уровню. На этот раз это уровень индивидуальной авторской интенции. Это та горизонтальная плоскость, которая рассекает текст надвое и на которой происходит непосредственный диалог автора с читателем. Говоря словами М. Бахтина, «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» (Бахтин 1979: 285). Точнее этот вид подразумеваемого можно определить как авторский метатекст в тексте.

2.4.1.2. *Цитация как интенциональный скрытый смысл.* Проблема цитации широко изучается современной лингвистикой и стилистикой. В своей известной статье о метатексте А. Вежбицка справедливо указывает на тавтологичность метатекста и на возможности его экспликации (Вежбицка 1978). Однако в рамках художественного или публицистического текста цитация приобретает стилистическую нагрузку, становясь частью игры автора с читателем. Связанный с цитацией скрытый смысл представляет собой «ожидание узнавания». Писатель или поэт как бы задает задачу читателю, которую тот должен разрешить. В этих случаях экспликация не только является излишней: ее появление привело бы к разрушению авторского замысла.

У Т. Элиота мы находим строку: (61) And the dead tree gives no shelter, the cricket no relief (Eliot, 20), отсылающую нас к библейскому тексту и представляющую собой скрытую цитату из Экклезиаста: ... and the almond tree shall flourish, and the grasshopper shall be a burden. При поверхностном подходе сопоставление смыслов цитации и авторского текста ставит интерпретатора в тупик. Создается впечатление, что поэт стремится передать смысл, противоположный тому, что мы находим в библейском тексте. Однако еще один шаг на пути интерпретации скрытого смысла позволяет установить истинное толкование: цветущее миндальное дерево выступает в Библии как символ раннего появления седин на голове и вообще старости (Библейская энциклопедия 1990: 474).

Аналогичным образом скрытая цитация функционирует в публицистическом тексте. Она вплетается в авторский текст, способствуя созданию новых стилистических эффектов. Например, назвав учителя, врача, офицера и т. п. *первым среди равных*, мы часто, даже не подозревая об этом, отсылаем адресата к цитате из сталинской конституции, в которой русский народ был назван первым среди равных народов СССР. На основе цитирования создается скрытое сравнение: подобно тому как русский народ благодаря своим особым качествам занимает особое положение среди других народов, так и учитель,

врач или офицер, обладающий исключительными способностями, занимает исключительное место среди своих коллег.

2.4.1.3 *Повтор как интенциональный скрытый смысл.* И. В. Арнольд обращает внимание на важную стилистическую особенность повтора в художественном тексте. При использовании повтора слова или словосочетания «величина расстояния между повторяющимися словами и число повторений могут быть различными, но обязательно такими, чтобы читатель мог заметить повтор» (Арнольд 1973: 125).

Выступая как авторское экспрессивное средство, повтор может быть интерпретирован, но трудно представить себе способ его экспликации. Например, роман К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» начинается с воспоминания героя: (62) *I remember all this real clear. I remember the way he closed one eye and tipped his head back and looked down across that healing wine — colored scar on his nose, laughing at me I remember thinking that he was laughing because he wasn't fooled for one minute by my deaf-and-dumb act. . .*» (Keseey, 3). Троекратное повторение глагола *to remember* в сравнительно коротком отрезке текста создает семантическую избыточность, которая используется автором для усиления экспрессивности, достижения эффекта присутствия в воспоминаниях героя.

Аналогичные повтору стилистические явления прослеживаются при использовании стилистического потенциала графических средств (Арнольд 1973: 275). Однако ни одно из этих средств не может быть введено в сам текст повествования. Подобно тому как для скрытых грамматических категорий экспликация подразумеваемого смысла привела бы к смешению текста с метатекстом грамматических правил, так и экспликация стилистических средств в художественном тексте нарушила бы его единство и внесла бы элементы учебника по стилистике в художественный текст.

2.4.2. **Интенциональные тавтологические скрытые смыслы**

К интенциональным тавтологическим скрытым смыслам относятся две широчайшие области авторских стилистических средств: а) метафора и метонимия; б) гипербола и литота. Так как исследование соотношения эксплицируемой и имплицитруемой составляющих метафоры представляет собой отдельный большой вопрос, мы ограничимся рассмотрением импликаций, создаваемых гиперболой и литотой.

Гипербола и литота — это скрытые смыслы, декодируемые адресатом, но не подлежащие экспликации в тексте, так как их экспликация ведет к тавтологии. Прагматический эффект гиперболы заключается в том, что происходит намеренное нарушение принципа истинности и смысл высказывания настолько

далеко отклоняется от контекста, что само высказывание не может восприниматься как истинное. Таким образом, гипербола представляет собой классический пример создания имплицатуры за счет нарушения коммуникативных принципов.

При этом, как нам кажется, возникают особые отношения между ассертивной частью высказывания и пресуппозицией. В конечном итоге, истинность высказывания обеспечивается пресуппозицией, которая приобретает большую функциональную нагрузку. На долю ассертивной части высказывания приходится прагматическая функция, которую Дж. Лич назвал принципом Интереса. Согласно этому принципу в процессе коммуникации предпочтительны новые непредсказуемые элементы, а не очевидные или скучные. Рассказывая историю, мы не можем удержаться от соблазна приукрасить ее разными видами добавлений и преувеличений. Если преувеличений становится много, адресат в процессе восприятия корректирует свою интерпретацию таким образом, что они теряют свою непредсказуемость (Leech 1984: 146—147). Одним из наиболее частных случаев преувеличения является употребление местоимений *все, всё* вместо *многие, некоторые*: (63) This was shortly after the Japanese had bombed Pearl Harbor and the people were being tolerant of soldiers, because suddenly *everyone* was a soldier (Irving, 1). (64) Susan ... can speak Russian so much better than that Uzbek girl — No one speaks Russian anymore (Smith, 46); (65) The crew on the Eagle are usually great guys. Susan is generally an angel. Why is *everyone* nervous? We're in American waters (Ibid., 65). (66) *Everyone* had been smoking Marlboros since Dutch Harbor (Ibid., 246). Во всех приведенных примерах истинную информацию несет пресуппозиция: *Everyone* was a soldier → *many people* were soldiers, *Everyone* had been smoking Marlboros since Dutch Harbor → *many people* had been smoking Marlboros since Dutch Harbor. Why is *everyone* nervous? → *many people* are nervous. *No one* speaks Russian any more → *few people* speak Russian.

Что же касается ассертивной части, то в какой-то степени она подчиняется постулату Интереса: «Говори то, что является неожиданным и, следовательно, интересным» (Leech 1984: 146). Однако более существенным, чем фактор Интереса, на наш взгляд, является фактор усиления убедительности. Говори так, чтобы убедить адресата в своей правоте. Гипербола при этом создает парадоксальный эффект: бросающаяся в глаза ложность высказывания при истинности пресуппозиции усиливает пресуппозицию, тем самым подготавливая реакцию собеседника: если не веришь всему, поверь хотя бы части. Гипербола выступает как пример функциональной переориентации пресуппозиции. Экспликация пресуппозиции при этом является излишней и ведет к созданию тавтологического высказывания.

Аналогичным образом можно рассмотреть примеры идео-

матических гипербола, приводимые Дж. Личем (Leech 1984: 150): (67) *Her eyes nearly popped out of her head* — She was *surprised*. (68) *It makes my blood boil* — It makes me *angry*. (69) *He was all ears* — He *listened*. При синонимичности ассертивной части и пресуппозиции ни одну из приведенных пар высказываний нельзя поставить рядом в тексте, не создав эффекта избыточности. Они оказываются взаимозаменяемыми, разность составляет значение заведомого, намеренного преувеличения.

Вместе с тем существуют примеры гипербола и литот, допускающих частичную экспликацию. Это случаи их сочетания с другими видами подразумевания, как, например, комбинация из преувеличения / преуменьшения и эллипсиса: (70) *There is absolutely nothing on television tonight*, где *nothing* подразумевает *nothing interesting*. (71) *He is a nobody here*, где *nobody* — *nobody important*. (72) *You will not get anywhere this way*, где *anywhere* — *anywhere you want to be*. В отличие от примеров (67) — (69) в этих случаях (70) — (72) происходит не усиление пресуппозиции ассертивной частью, а столкновение между истинностью прагматической пресуппозиции, основанной на наших знаниях о мире, и ложностью высказывания. Ср.: *There is nothing on television tonight* противоречит *There is something on television tonight* (*There is something on television every night*). *He is nobody here* противоречит *He exists, he is a male human being*. Это противоречие достаточно легко разрешается подстановкой недостающего элемента: Ср.: (70a) *There is nothing interesting on television tonight*. (71a) *He is nobody important here*. (72a) *You will not get anywhere you want this way*. Одновременно с этим, однако, разрушается идеоматичность высказывания и снимается эффект гипербола.

Интересно, что в ряде контекстов, особенно таких, где важна точность выражения (например, при допросе), говорящий осознает преувеличение или преуменьшение, допущенное им в речи, и старается исправить ошибку: (73) ... *But really I don't know anything at all. About the murder, I mean* (Christie I, 117). Уточнение *about the murder* отражает попытку говорящего устранить содержащееся в его реплике несоответствие.

При сочетании гипербола с метафорой интерпретация оказывается еще более сложной: (74) *Emma and I have had it up to here with each other. Not to mention a hotel tab that reads like a defence budget* (Allen, 89). В этом случае мы имеем дело уже не с пресуппозицией, а с импликацией и выводом, основанными на аналогии. Наши знания о мире позволяют нам заключить, что гостиничный счет был очень большим. Как мы приходим к этому выводу? Интерпретация выражения *reads like a defence budget* складывается из следующих этапов: фоновые знания — *a defence budget is usually enormous*; метафорическое сравнение и вывод, делаемый на его основании, — *the hotel tab is enormous*; фоновые знания — *any hotel tab is smaller*

than a defence budget; учет свойственного гиперболе противоречия; применение критерия истинности — a hotel tub cannot read like a defence budget; импликатура, создаваемая этим противоречием, — an unusually big hotel tub и, наконец, вывод: the hotel tub is smaller than the defence budget, but it is enormous as hotel tubs go.

2.4.3. Интенциональные эксплицируемые скрытые смыслы

Интенциональные эксплицируемые скрытые смыслы делятся на две большие группы: интенциональные эксклюзивные и интенциональные инклюзивные. Эксклюзивные смыслы представляют собой фрагменты содержания, по тем или иным причинам исключаемые говорящим из текста, но легко восстанавливаемые адресатом сообщения. К ним относятся различные виды незаконченных высказываний. Инклюзивные скрытые смыслы выступают как элементы подразумеваемого дополнительного содержания, осложняющего эксплицитные компоненты.

2.4.3.1 *Незаконченные высказывания* близки по форме к эллиптическим конструкциям, так как, подобно эллипсису, основываются на восстановимости опущенного элемента или элементов. Отличие незаконченных высказываний от эллипсиса определяется коммуникативными и прагматическими факторами. Обычно говорящий не заканчивает высказывания из-за боязни нарушить принципы вежливости, т. е. тем или иным образом задеть собеседника, сказав нечто неприятное, из-за боязни выдать свои чувства, ощущая неуместность своего высказывания: (75) *Да, новую, сказал с варварским спокойствием Петрович. Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того ... То есть, что будет стоить? — Да* (Гоголь, 132). В отрывке из гоголевской «Шинели» прослеживается одновременное действие фактора имплицитности, т. е. непосредственного пропуска информации и прагматического фактора, обуславливающего незаконченность высказывания. Страх и нежелание Акакия Акакиевича упомянуть дороговизну новой шинели заставляют его остановиться на середине реплики. Причина его страха и нерешительности ясна собеседнику (Петровичу), поэтому он с легкостью заканчивает высказывание. Однако, следуя постулатам вежливости, Петрович избегает отрицательных коннотаций слов, связанных с дороговизной, и использует нейтральную формулировку, заменяя подразумеваемый вопрос-оценку *не будет ли слишком дорого* простым запросом о цене: *То есть, что будет стоить?*

В текстах литературных произведений, где в каждом диалоге, помимо непосредственных участников коммуникации (персонажей), всегда присутствуют автор и читатель, соотно-

шение эксплицитной и имплицитной информации усложняется: то, что очевидно персонажам-собеседникам, может быть неясно читателю или, напротив, то, что уже давно стало понятно читателю, выступающему в качестве немого свидетеля чужого разговора, еще не дошло до сознания персонажей. Творцом этих отношений является автор, выбирающий ракурс восприятия диалога. Авторская интенция либо помогает, либо мешает читателю угадать скрытый смысл.

Если автор ставит своей целью максимальную ясность изложения, то экспликация осуществляется в авторской ремарке, выступающей как усилитель читательской догадки: (76) *В ту же секунду зизвонил телефон. — Скажи, что меня нет дома, — попросил Вадим. Светлана сняла трубку и обернулась к Вадиму. Тебя... — Я же просил. — Ну, я не могу... — Светлана не умела врать физически* (Токарева, 422). Обрыв высказывания происходит на модальном глаголе *мочь*, требующем инфинитива. Хотя просьба солгать эксплицитно не выражена в реплике *Скажи, что меня нет дома*, ее смысл очевиден из самой ситуации: человек, который, находясь дома, просит сказать, что его дома нет, иными словами, просит другого человека солгать. Таким образом, глагол *лгать* (*врать, говорить неправду*) восстанавливается в этом контексте с идентичной эллиптическим конструкциям однозначностью. Авторская ремарка *Светлана не умела врать физически* выполняет две функции. Во-первых, она подтверждает догадку читателя, и, во-вторых, глагольная группа *не умела врать* выступает как тематический связующий элемент, позволяющий ввести рематический элемент *физически*. Так создается характеристика персонажа: *не умела врать физически*, т. е. то, что Светлана не соврала, является свойством характера, а не случайностью.

Другой возможностью является введение экспликации в рамках самого диалога, в речи персонажей. При этом автор полностью или частично снимает с себя обязанности комментатора, предоставляя читателю возможность интерпретировать недосказанное вместе с героями. При частичном комментарии восстановление скрытой информации распределяется по трем направлениям: а) догадка адресата (персонажа), б) авторские ремарки, в) догадка читателя. (77) *Charles stood by the ivy, as if at a door. He avoided her eyes; sought, sought for an exit line,—If I could speak on your behalf to Mrs Tranter, I shall be most happy ... but it would be most improper of me to ... Interest yourself further in my circumstances.—That is what I meant to convey, yes* (Fowles, 114—115). В приведенном выше отрывке из романа «Женщина французского лейтенанта» опущение говорящим фрагмента *interest myself further in your circumstances*, объясняется прагматическими причинами. Согласно постулатам вежливости не следует говорить то, что может быть неприятно другим, особенно собеседнику

(Leech 1984: 135). Вместе с тем Дж. Фаулз предваряет реплику, содержащую обрыв высказывания, намеком на дальнейшую интерпретацию: *He avoided her eyes; sought, sought for an exit line.* Катафорическое положение этого частичного комментария подготавливает читателя как к собственно обрыву высказывания, так и к восприятию эксплицирующей реплики *interest myself further in your circumstances*, которая появляется в тексте в форме догадки адресата о том, что неловко произнести говорящему. Автор создает ситуацию, при которой персонаж как бы опережает и своего собеседника, и читателя в интерпретации незаконченной реплики. Наконец, автор может вообще оставить незаконченное высказывание без комментариев, и тогда интерпретация полностью зависит от догадливости читателя.

2.4.3.2. *Инклюзивные скрытые смыслы*, как уже указывалось ранее, представляют собой дополнительные компоненты содержания, усложняющие эксплицитный текст. В отличие от незаконченных высказываний они не только дополняют, но и видоизменяют текст. Функционирование инклюзивных скрытых смыслов в значительной мере напоминает аллегорию и символ, где, по определению Гадамера, «нечто замещает нечто другое» (Гадамер 1988: 117). Заметим, однако, что в отличие от аллегории, где «вместо того, что собственно подразумевалось, говорилось другое, более доступное и конкретное» (там же: 117), текстовые скрытые смыслы оказываются по своей структуре равноценными или даже более сложными, чем эксплицитная часть высказывания: (78) *She stopped in the very act of filling the glasses and said sharply: Well? — That is what I wish it to be — well, Mademoiselle. — He took the cocktail from her hand. To your good health. Mademoiselle, — to your continued good health.* The girl was no fool. The significance of his tone was not lost on her. Is anything the matter? (Christic II, 25). В примере (78) тост с пожеланием доброго здоровья замещает предупреждение о грозящей опасности. Интересно, что высказывания такого типа не нарушают коммуникативных постулатов П. Грайса: тост за здоровье дамы во время приема в богатом доме не является ни информативно избыточным, ни информативно недостаточным. Он также не нарушает постулатов качества и релевантности. Каким же образом и адресат реплики, и читатель понимают тот дополнительный смысл, который несет тост? Ответ на этот вопрос традиционен: двойной смысл маркера импликации, носителем которого выступает прилагательное *continguous*, порождается контекстом детективного романа, который позволяет с легкостью установить причинно-следственную связь между таинственными убийствами, происходящими в доме, и пожеланием *долгие-долгие годы пребывать в добром здравии* его обитательнице. Смысл тоста как бы возвращает нас к прямому значению высказывания: мы обычно желаем человеку то

го, чего у него нет. Следовательно, если молодой женщине желают *долгих лет жизни*, то ей угрожает какая-то опасность. Связав этот вывод с текстовой пресуппозицией, касающейся предшествовавших тосту убийств, адресат делает вывод о том, что кто-то или что-то угрожает ее жизни. Пример (78) подтверждает справедливость герменевтического подхода к анализу текстов, позволяющему «за несколькими и даже противоположными значениями одного и того же имени сохранить возможность реализовать себя в одном и том же эпизоде» (Рикер 1995: 110).

Итак, мы рассмотрели 9 типов скрытых смыслов, принадлежащих трем классам: неинтенциональных, конвенциональных и интенциональных скрытых смыслов. Используя шкалу экспликации, мы подразделили их на интерпретируемые, тавтологии и эксплицируемые скрытые смыслы и проследили постепенные переходы от тех смыслов, которые ни при каких условиях не реализуются в тексте, до тех, которые с легкостью включаются в эксплицитную часть высказывания. Подводя итог проведенного исследования, будет интересно бросить взгляд на горизонтальные связи между представителями разных классов скрытых смыслов. Все интерпретируемые смыслы объединяет метатекстовая функция скрытых смыслов: будь то скрытая грамматическая категория, этическая норма или стилистический/риторический прием. Тавтологии всех трех классов обнаруживают связь с предтекстом. Пресуппозиция имплицативных глаголов, эвфемизм и гипербола так или иначе относят нас к предварительным условиям, делающим высказывание возможным. Наконец, функция эксплицируемых смыслов всех трех классов связана с продолжением и развитием высказывания, с экспликацией недосказанного, и, наконец, с созданием нового смысла на основании взаимодействия контекста и маркера импликации.

Глава 3

СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ О СМЫСЛЕ

3.1. О СМЫСЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Прежде чем приступить к анализу конкретного материала, остановимся на самом понятии смысла, так как в настоящее время, вероятно, нельзя считать его ни общепринятым, хотя и общеупотребляемым, ни однозначно понимаемым. Когда речь заходит об изучении и описании смысла, то сразу же встают по меньшей мере три вопроса: что это такое? в чем его суть? зачем это? Раскрытие двух последних вопросов дает ответ в какой-то мере и на первый. В этом можно убедиться, если

взять определения смысла, предлагаемые некоторыми словами. «Смысл — содержание знакового выражения; мысль, содержащаяся в словах (знаках, выражениях); назначение, цель какого-либо действия, поступка» (Кондаков 1975: 553).¹ Смысл — это «1. Внутреннее содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом ... 2. Цель, разумное основание» (Ожегов 1972: 678).² В лингвистических словарях смысл определяется не как смысл чего-либо, а лишь применительно к слову или словосочетанию как их значение. В словарях Ж. Марузо (1960) и Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990) понятие смысла и термин не определяются. Современное положение дел в лингвистике, а именно теория речевых актов, деятельностный и процессный подход к языку позволяют при изучении содержания языковых единиц и в первую очередь предложения принимать во внимание определение смысла и как содержания, мысли и как цели, назначения.

То, что понятием смысла интересовались на протяжении многих веков и продолжают интересоваться логики и философы, может служить для нас также гарантией правомерности обращения к проблеме смысла. Фактором, гарантирующим такую правомерность, служит повседневная речевая практика людей. О смысле вещей, поступков, языковых выражений говорят постоянно в научной и житейской практике. Этот фактор связан прямо с тем, что в естественном языке, в обыденном метаязыке,³ существуют соответствующие лексические и синтаксические единицы. Мы постоянно слышим и сами спрашиваем «В чем, какой в этом смысл?», «В чем смысл, зачем это?», «Что это значит?» и др. В английском языке в аналогичных ситуациях употребляются лексические единицы в значении «значение», «смысл» — *meaning, sense* и, может быть, чаще глагол *значить* — *mean*, а также предложения или выражения, не содержащие указанных слов, но передающих содержание типа «В чем смысл», «Что это значит»: *What does it all mean? What's for? It doesn't make any sense; What is the point?* и др. Оба английских существительных *meaning* и *sense*, некоторые их производные и выражения с ними употребляются как в значении «какое содержание» (значение, смысл), так и «какая цель, мотив» (смысл). Поскольку лингвистика изучает то, что есть в естественном языке, и практически ни одно философское учение не обходится без анализа языка, естественно, что все три основания — гарантии взаимодействуют, и это находит от-

¹ Смыслом как назначением, функцией характеризуются и все элементы языковой системы: «Структура придает частям их смысл, или функцию» (Бенвенист 1974: 25).

² Подобные определения смысла даются и в других словарях.

³ Следует отметить, что при задании свойств и в понимании смысла мы опираемся прежде всего на отечественную лингвофилософскую литературу.

ражение в системе, или наборе, свойств, которые можно выявить и приписать понятию смысла или тому, что понимается под смыслом. Указанные гарантии позволяют охарактеризовать «смысл» соответственно с трех сторон: в наиболее общем лингво-философском плане, чисто лингвистическом, на фоне соответствующих и соотносимых лингвистических понятий и фактов языка, и в плане связи понятия «смысл» с речевой деятельностью человека, которая является частью его практической деятельности и, что важно в данном случае, частью (возможно, наиболее важной и определяющей) знаковой символической деятельности. Последнее, очевидно, определяет прагматические аспекты рассмотрения понятия смысла.

Рассмотрим те свойства, или характеристики смысла, которые удалось выявить из философских, лингвистических и естественно-языковых источников. Таких характеристик (признаков, свойств) оказалось около 50. Самым сложным было установление принципа их классификации, вернее упорядочения. Характеристики смысла предварительно распределяются по трем группам А, Б, В в соответствии с тремя основаниями, гарантирующими наличие смысла: общим, логико-философским (группа А), научно-лингвистическим (группа Б) и обыденным пониманием (группа В). Прежде всего следует остановиться на описании самого слова «смысл». Это — существительное-классификатор и, вероятно, самый мощный, емкий классификатор, поскольку смысл есть у всех языковых единиц, и в том числе у самого слова смысл.⁴

3.2. ХАРАКТЕРИСТИКИ СМЫСЛА

3.2.1. Группа А (свойства 1—6)

Смысл — это предикат,⁵ трехместный: смысл «чего», «какой» и «для кого». Хотя данное свойство характеризует слово, оно проецируется на то, что оно называет.⁶ Поэтому такую «предикатность» можно считать свойством смысла.

(1) «Предикатность» — первая характеристика смысла.

⁴ Слово «смысл», вероятно, можно считать автологическим, как, по нашему мнению, и многие другие лингвистические термины, учитывая ограничения и возможные допуски на толкование понятия автологический (Вригт 1986: 451 сл.).

⁵ Упорядочение материала лингвистических описаний относительно некоторого предиката, представляющего материал описания, по существу, является одним из основных методов лингвистических описаний в области семантики, синтаксиса и прагматики языковых единиц.

⁶ Такая проекция является, с нашей точки зрения, естественной, если учитывать, чем имя является для вещи, в широком смысле слова, и чем имя вещи является для человека.

(2) Смысл нематериален, он идеален, поэтичен.⁷

(3) По определению выше, смысл — это содержание языковых выражений.

(4) Смысл — это назначение поступка.

(5) Смысл есть у всего: слов, вещей, поступков, в том числе и речевого «поступка» как его назначение.

(6) Важнейшим свойством смысла является его органическая связь со знаковой символической деятельностью, вернее, способностью человека к такого вида деятельности. Человек познающий осмысливает все или многое из того, что есть в его мире, и, наоборот, мир человека включает все, что он осмысливает.

3.2.2. Группа Б (свойства 7—33)

В этом разделе речь пойдет в первую очередь о смысле как содержании языковых единиц и в основном предложения. Когда говорят о смысле слов, выражений, то квалифицируют его как прямой / не прямой, явный / скрытый, общий / конкретный; смысл может быть ясным / туманным; далее некоторые из этих характеристик будут подробнее рассмотрены (см. группу В). Свойства смысла находятся в определенных отношениях друг к другу: они могут предполагать друг друга, находиться в оппозиции, дополнять, уточнять друг друга и перекрещиваться друг с другом, что осложняет их выявление и описание.⁸ (7) Из этого следует, что смысл может быть вербализован, выражен словом, предложением, текстом. (8а) Смысл языковой единицы определяется или формируется ее тремя сторонами: семантикой, структурой / синтактикой и прагматикой. Обычно смысл слова определяют как его сигнификат, сигнификативный аспект, противопоставляемый денотативному или референциальному. (8б) Смысл предложения может быть равен сигнификату в некоторых случаях, но практически смысл предложения формируется механизмами сигнификации и референции. Под референцией мы будем понимать в буквальном смысле слова «отнесение слова»⁹ в акте коммуникации, в процессе актуализации предложения, к тем предметам, признакам, действиям, о которых идет речь в конкретном речевом акте. Следо-

⁷ Трудности, связанные с этим положением, те же, что возникают и обсуждаются в связи с проблемами языкового значения и свойств языкового знака. Поэтому здесь мы просто констатируем наличие данного свойства у смысла.

⁸ Для характеристики смысла в данном случае можно было бы использовать понятия логической семантики «интенционал», «экстенционал», но при этом необходимо было бы их согласовать с другими терминами, используемыми в работе, и с их различным пониманием у разных авторов, что требует значительного расширения научного контекста.

⁹ Данный вид референции иногда называют референцией Говорящего (Петров 1979), см. также гл. 2 в ч. 1.

вательно, слово выступает как единица, уже включающая в свое содержание отношение между объектом и знаком, (означающим), т. е. отношение именования, называния, или обозначения.¹⁰ Таким образом, на данном этапе описания проблема референтного и нереферентного употребления имен, знаков не рассматривается, тем более что для смысла предложения она не представляется важной, поскольку, как уже отмечалось выше, смысл предложения формируется всеми актуализирующими его механизмами.

(9) Смысл противопоставляется значению в знаке (слове, высказывании).¹¹ Для предложения-высказывания такое противопоставление можно считать релевантным. «...Подобно всякому другому знаку, оно (высказывание. — А. В.) характеризуется значением, т. е. отношением к референту, и смыслом, т. е. способом представления референта в знаке» (Гак 1973: 353). Способ представления референта — это сигнификат. Для предложения такой способ (сигнификат) можно рассматривать как конфигурацию, сформированную некоторым набором категориальных элементов. Мы рассматриваем такой «смысл» как смысловую основу, смысловую базу конкретного или более или менее конкретного (о чем ниже) смысла актуализированного предложения. В обиходном понимании такой смысловой основе соответствует выражение «смысл в общем» или выражения типа «кто-то что-то сделал», «что-то там случилось» и т. п., которые могут быть ответами на вопрос: «Что он сказал?». В наиболее общем виде смысловая база — это типовое значение модели простого предложения (Золотова 1973: 25 и далее): предмет — признак, лицо — действие / состояние и т. д. Типовое значение практически всегда «двучленно», что соответствует свойству I (пропозициональность) и свидетельствует о некото-

¹⁰ Подобная «вторичность» отношения референции имеет место в речи, тексте, актуализованном предложении. Установление отношения называния наблюдается лишь в определенных контекстах, когда человек или предмет получает имя в речевом акте (РА) номинации, маркируемом перформативами со значением «называть», «обозначать» — *to name, to denote* и др. Это акт так называемого первичного семиозиса, но и он, как правило, оказывается включенным в текст, поток речи, т. е. результаты «вторичного» семиозиса. Можно заметить, что для современного состояния языка вопрос о порядке семиозисов не представляется однозначным, поскольку, например, в текстах акт именования обуславливается контекстом — результатом «вторичного» семиозиса. Через контекст новое имя вводится в систему «первичного» семиозиса.

¹¹ Проблема разграничения смысла и значения в знаке связывается прежде всего с именем Г. Фреге и с его работой «Смысл и денотат»: «Таким образом, становится ясно, что знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, т. е. с тем, что можно было бы назвать денотатом знака (*Bedeutung*), но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака (*Sinn*); смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» (Фреге 1977: 182).

рой оформленности смысла (его «конфигуративности», пропозициональности). В подобных случаях смысл представлен лишь своим содержанием без целевого аспекта. Смысл, как правило, ищут, до него доискиваются. При этом человек ставит вопросы себе, другим, природе.¹² Это способ достижения смысла, и поэтому косвенным образом, через понимание данное свойство характеризует смысл. Человек находится по отношению к миру в состоянии постоянного «вопрошания», по выражению М. М. Бахтина (1987). Смысл отыскивается с помощью вопросов, но столь же постоянно звучит вопрос: «В чем смысл, суть вопроса?» (по крайней мере, в русской дискурсивной традиции). И на этот вопрос дается ответ. Получается, что смысл вопроса есть смысл ответа на него. Для спрашивающего приведенных выше ответов часто бывает достаточно; это тот смысл, который их удовлетворяет. Таким образом, сигнификат предложения может быть не только способом представления референта в знаке, но и самым смыслом. Однако и в таких случаях нельзя отрицать необходимость знать в определенной степени референциальную отнесенность. Как пишет Э. Бенвенист, «при общении людей общей как раз и является определенная соотнесенность с ситуацией, без чего коммуникации как таковой не происходит: ведь даже если „смысл“ и понятен, а „референция“ не известна, коммуникация не имеет места» (Бенвенист 1974: 140).

(10) Смысловая основа непосредственно связана с семантикой, синтаксическим уровнем семантических падежей, синтаксическими значениями (функциями членов предложения), которые служат средством ее оформления. Отмеченные свойства 9 и 10 характеризуют смысл каждого предложения, который оформлен и опирается на смысловую основу. Свойство 10 характеризует смысл со стороны синтактики знака. Со стороны семантики знака-предложения смысл можно охарактеризовать как общий, конкретный и смешанный (неопределенно-конкретный). Но это «сппозитивные» свойства, и они предполагают разные типы смысла. Мы рассматриваем их после свойств (10), общих для каждого предложения, предложения с любым типом смысла, хотя описываемые ниже содержательные характеристики органично связаны со свойством.

(11) Смысл бывает разной степени обобщенности или, напротив, конкретности (11а); каждое предложение несет свой смысл: общий, конкретный или смешанный (11б); оппозиция общий—конкретный не может быть представлена в виде нисходящей или восходящей шкалы, но скорее, как смысловое поле или пространство (11в).

(12) Смысл предложения может быть общим. Лингвисти-

¹² О диалоге человека с природой см.: (Пригожин, Стенгерс 1988: 44 и далее, и др.).

чески самый общий смысл может быть у предложений, построенных из элементов с категориальной семантикой или категориально-грамматической, например, местоименных элементов и в первую очередь местоимений «кто» и «что» — *who, what*. Практически такие предложения встречаются, вероятно, не очень часто. Общий смысл имеет достаточно известное предложение (a) *Who is who*, а также предложения из песенки всем хорошо знакомого Винни Пуха, который пытался ответить на вопросы: (b) *Now is it true or not, that what is which and which is what?* (Milne, 84). Но даже на таком уровне обобщения предложение может быть интерпретировано по-разному. Категориальная семантика, передаваемая соответствующими элементами (значения одушевленности, лица, предмета, действия, процесса и др.), присутствует как подразумеваемое содержание и в предложениях с конкретным смыслом. Оно может входить в предложения как «со-мысль» смысла в дискурс разной протяженности, от пары предложений до главы, книги.

(13) Можно полагать, что такой пресуппозитивный компонент входит в смысл высказывания.¹³ (c) *They dragged a man out. — They dragged somebody out*. Очевидно, что предложения (a) и (b) имеют разные предшествующую и последующую части контекста в силу различия категорий лица и предмета, а предложение (c) сохраняет или предполагает то, что связано с процессом или состоянием человека.

(14a) Предложение имеет конкретный смысл в том случае, если оно заполнено конкретными лексическими единицами и при этом участникам коммуникации, согласно положению, высказанному Э. Бенвенистом, должна быть известна референция этих единиц. В противном случае конкретный смысл останется непонятым. Возьмем два стандартных примера: (d) *Men love women* — Мужчины любят женщин. (e) *John loves Beth* — Джон любит Бесс. Первое предложение будет понятно всем или большинству людей, живущих в среде современной культуры. Предложение (e) может быть понято только теми, кто знает референты имен «Джон» и «Бесс». Возникает вопрос: является ли один из двух смыслов более или менее понятным, чем другой, или понимание, осмысление связано с уровнем знаний. Последний вопрос неоднократно ставился исследователями в связи с проблемой понимания. Поскольку мы намеренно не касаемся здесь проблем, связанных со знанием, то нас будет интересо-

¹³ Для того чтобы нести эту часть смысла, так называемой пресуппозиции, язык использует неопределенные местоимения и местоименные слова, относимые к другим частям речи. Личные местоимения входят в предложения с конкретным смыслом, точнее, являются выразителями конкретного смысла. Здесь лишний раз можно отослать к мысли, высказанной Н. М. Жинкиным: «Грамматика — это трамплин, от которого следует отталкиваться для того, чтобы попасть в сферу смысла» (Жинкин 1982: 45). Справедливость этой мысли подтверждается разными свойствами смысла: 10, 14, 16 и др.

вать ответ только на первый вопрос. Но тем не менее признак «понятности» является вполне релевантным для понятия смысла. Смысл предложения (d) сходен с тем смыслом, который выше характеризовался как обобщенный. Предложение (d) построено из слов с родовой референцией, которые есть, с нашей точки зрения, грамматические формы существительного в том смысле, что они передают грамматическое значение категории (в данном случае категорий «мужчина», «женщина»), а точнее, оформлены им. Обычно в практике общения люди пользуются знаками с известными референтами или стараются уточнить их, вводя дополнительную информацию, так что смысл конкретного предложения бывает правильно понят. (146) Таким образом, степень «понятности», кажется, не связана с типом смысла: обобщенным или конкретным. Это два разных смысла. Признак «понятности», вероятно, характеризует не сам смысл, а механизм его получения, процесс осмысления, понимания и понимающего. В чистом виде конкретный смысл бывает у предложений, элементы которых (слова, точнее, словоформы) имеют конкретные, идентифицируемые референты. Общий смысл бывает у предложений, включающих имена с категориальной семантикой или с неидентифицированными референтами, на которые в предложении-высказывании лишь указывается как на «кто-то», «что-то». Предложения с категориальной семантикой имен — это универсальные генерализованные суждения, которые являются обязательными для языка науки. Вполне вероятно, что для ученого предложение или суждение общеутвердительное или общеотрицательное представляются достаточно конкретными. Но это также можно объяснить уровнем и объемом знаний или даже «складом ума». Есть люди, которые чаще довольствуются «общим представлением» (смыслом) о ситуации, и есть такие (любопытные), которым обязательно нужны все подробности.

(15) Часто в реальных актах коммуникации используются предложения со смешанным смыслом, т. е. предложения, включающие как конкретные лексические единицы с конкретной референцией, так и элементы с родовой (категориальной) референцией, неопределенные местоимения *something*, *somebody* — «что-то», «кто-то» и неопределенные местоимения с более конкретным указанием на референт, содержащие в структуре своего значения сему количества *everybody*, *anyone* 'каждый', 'любой' и др. Возьмем пример диалогической речи, в котором использованы разные местоимения:

P: (1) Sometimes in every life there's something that you just can't handle all by yourself. (And now that you've told me, you must never tell anyone else. And I do mean never.)

H: (2) I was asleep in the back room at Tony's. (3) I was half awake, I mean, when some men came in and they were talking about somebody being afraid, that Ben would talk in court...

They were real toughs, like the ones in the movies. (4) One man said Ben's too smart for that, and the others said, yes. P: (5) That doesn't prove anything... (Plain, 240, 250).

Предложение (1) — генерализованное. Наличие обобщенно-и неопределенно-личных местоимений подчеркивает различие между категориальным одушевленным лицом и категориальным неодушевленным (здесь, скорее, событийным). Предложение (2) — конкретное, что вполне очевидно и не требует комментария. В предложении (5) усматривается иной характер обобщенности: у местоимения *anything* есть конкретное «подразумеваемое» (факт убийства Бена), и именно этот конкретный факт подразумевают оба говорящих в дальнейших разговорах — актах вербальной коммуникации. Конкретное может быть «подразумеваемым» содержанием (в жизни — это тайна, раскрытая или нет). То, что подразумеваемым может быть и обобщенное, даже категориально-грамматическое, содержание и конкретное содержание, имеет большое значение для процесса понимания, поскольку позволяет говорящим маневрировать в смысловом пространстве, в котором они «пребывают». В предложениях (3) и (4) — смысл смешанный. Личные местоимения передают конкретное содержание; выражение *some men* 'несколько человек' (скорее, «мужчин», поскольку говорящий отметил бы, вероятно, факт присутствия женщины) несет обобщенный смысл. Проводя различие между смыслами предложений, мы говорили главным образом об именах предметных членов, а не сказуемого. В формировании совокупного смысла глагол-сказуемое, прилагательное-сказуемое играют не меньшую роль. Свойства, обозначенные ими, могут быть конкретными «сказать» — *tell* и обобщенными «справиться» — *handle*.

(16a) Смысл предложения формируется совокупно всеми его составляющими: лексическими и грамматическими; он коммулятивен. Но (16b) смысл предложения, как принято считать, не равен сумме значений его составляющих.¹⁴ При этом, кажется, имеется в виду конечный точечный результат¹⁵ как нечто подобное, например, числу 4 в выражении $2+2=4$ и не учитывается, что число 4 в этом случае не то, что число 4 в числовом ряду 1, 2, 3, 4, и т. д. или в выражениях $3+1=4$, $1+3=4$, где оно вступает в иную систему отношений с другими числами. Все зависит от того, что понимать под «суммой»:

¹⁴ О взаимодействии компонентов атрибутивных и предикативных синтагм в литературе писали достаточно много; см., напр.: Weinreich 1972; Кацнельсон 1972; Никитин 1974.

¹⁵ К. Гаузенблас писал, что суммарный смысл, «как представляется, концентрируется в одной точке». Но добавлял, что «суммарный смысл едва ли может быть передан словами, фактически его вообще нельзя передать во всей полноте» (Гаузенблас 1978: 60, 77). К. Гаузенблас говорил о перифразе, передаче смысла чужого предложения. Вероятно, сам говорящей может, если хочет, выразить смысл достаточно полно или совсем полно.

в) суммарный смысл предложения включает, «суммирует» не только лексические, но и грамматические значения. Не редки случаи, когда то, что человек хочет сообщить, заключено не в лексических единицах, а в грамматических значениях. Ср.: *My brother left for Boston / is leaving for Boston* — Мой брат уехал в Бостон / (Мой брат) уезжает в Бостон; или классический пример: *A girl entered the room / The girl entered the room*. — В комнату вошла девушка / Девушка вошла в комнату.

(17) Смысл предложения актуализируется через грамматические механизмы. Грамматическое выступает как бы в двух функциях: как то, что передается предложением, и как то, с помощью чего передается, т. е. как способ передачи.

(18а) Смыслы, соответствующие грамматическим значениям, называются здесь *узуальными*. Узуальный смысл — это то, что мы постоянно и одинаково сообщаем о вещах, событиях, своих и чужих действиях, поступках и т. д., и то, что мы понимаем о них. Мы ежедневно и обиходно говорим что, где, когда, почему, зачем и т. д. Об этом очень хорошо сказано Б. Заходером. Вот какими категориями (в русском варианте) мыслил Винни Пух:

На днях, не знаю сам зачем,
Зашел я в незнакомый дом,
Мне захотелось Кое с Кем
Потолковать о том и сем
Я рассказал им, кто, когда
И почему и отчего

Сказал, откуда и куда,
И как, и где, и для чего;
Что было раньше, что потом,
И кто кого, и что к чему,
И что подумали о том,
И если нет, то почему!

(18б) Однако к узуальным относятся не только те смыслы, что строятся на грамматической семантике. К узуальным можно отнести смыслы, которые несут большое число слов и в первую очередь существительные с абстрактной и пропозициональной семантикой. К ним прежде всего следует отнести категории или отношения, определяющие нравственную, социальную жизнь человека, его культуру: добро — зло, успех — неудача, счастье — несчастье, дружба — вражда, любовь — ненависть, храбрость — трусость, вера, надежда и др. Особенностью существительных (имен), называющих эти категории, является не только то, что они обозначают абстрактные сущности, но и то, что в речи они употребляются в сочетании с выражениями, конкретизирующими их содержание: конкретные проявления счастья — несчастья, любви, вражды и т. д. Категоризирующая природа существительных отражает категоризирующую природу узуальных смыслов (смысловых категорий). Некоторые существительные явно функционируют как классификаторы. Классифицирующую функцию можно усмотреть у ряда существительных в выражениях, используемых гадалками или в астрологических прогнозах: «Вас ждет счастье (несчастье), успех». В свою очередь, конкретные действия, поступки, события осмысливаются и оцениваются человеком через призму указанных и им подобных

смыслов (об интерпретирующей функции смысла см. свойство 36). Говоря об узуальности смыслов, мы стараемся не выходить за лингвистические рамки, т. е. за пределы тех языковых фактов, которые служат обоснованием этих смыслов и средством их выражения и верификации. В наиболее чистом виде соответствующие смыслы несут выражения, которые сообщают о самих понятиях, о том, что они существуют, или о том, что они собой представляют. Приводимый ниже пример показывает, как можно понимать «успех» и как ведет себя английское существительное-классификатор *success* и стоящий за ним смысл: 1. That is what success commonly means and is the sense in which the term will be here used. It is not to be denied that other forms of success exist, from cannonization downwards. Some have given their names to exotic blooms or else dashed off immortal verse. Others have lived to an improbable age or played in concerts from the age of eight. Success can take this form or that (Parkinson, 116). Приведенный отрывок может служить примером высказывания о смысле.

Узуальными можно считать смыслы высказываний «о родовых положениях дел» (понятие Г. Х. Вригта 1986): «солнце светит», «дверь открыта» (Вригт 1986: 79). Узуальный смысл несут также сообщения о погоде, состоянии атмосферы, природных явлениях. Так, мы знаем что снег может быть пушистым или слякотью: 2. Snow is so snowy when it's snowing I'm sorry it's slushy when it's going (Nash, 1). Ярким примером узуальных смыслов служат лозунги: *Mur!*, *Свобода* и др. Примерный набор подобных узуальных смыслов можно выявить через субкатегоризацию имен существительных, прилагательных, глагола.¹⁶

(18в). По определению, смысл — то, зачем совершается действие, в данном случае речевой акт. Это коммуникативное задание сообщения. Каждый речевой акт, выделяемый исследователями языковой прагматики, имеет свой смысл. Смысл речевого акта является узуальным, если речевой акт действительно обоснован лингвистически, обеспечен языковым материалом, удовлетворяет определенным лингвистическим требованиям (таким, как наличие перформатива или возможность его экспликации, наличие определенных грамматических условий).

Смысл «перформативного» высказывания формируется из смысла перформатива, т. е. иллокутивного эффекта и содержа-

¹⁶ Вероятно, наиболее часто в «чистом» виде подобные смыслы несут поэтические произведения, где они бывают заключены уже в самом звучании слова. Кроме того, любое произведение искусства — это воплощение осмысленного, реализация результата осмысления жизненного опыта человека. Наиболее полную, в смысле оформленности, систему самых абстрактных и конкретных нравственных и социальных категорий (смыслов), вероятно, можно найти в Yogicских учениях в осмыслении мантр: абсолют, вечность, сознание, пространство, время, жизнь, смерть, страх, зависть, радость, печаль и др.

ния пропозитивной части. «Речеактовый смысл, как и другие узуальные смыслы, представлен в языке своим именем, обозначающим иллокутивный эффект: обещание, приглашение, благодарность, угроза и др. Некоторые имена существительные, называющие речевые акты, ведут себя как классификаторы и как своеобразные смысловые операторы (см. ниже). Неопределенно большое число действий или пропозиций включается в сферу одного перформатива, например обещания или угрозы, и, напротив, одно и то же действие или пропозиция включается в сферу действия разных перформативов, конкретизирует разные иллокутивные цели. Иллокутивная цель речевого действия — это то содержание, которое понимает слушающий, и в этом плане она составляет часть перлокутивного эффекта и таким образом входит в опыт слушающего, определяя его реакции или поступки. Реакция слушающего на речевое действие определяется его пониманием данного действия. Конечно, слушающий может неправильно понять говорящего — принять обещание за угрозу, или наоборот. Но он не может выйти в своем понимании за пределы принятых узуальных способов понимания. Конкретный поступок как перлокутивный эффект¹⁷ бывает осмыслен, понят как часть иного смыслового поля, в ином смысле. В этом заключается, частично, взаимодействие смыслов: обещание может предлагать ожидание, надежду или страх, отчаяние со стороны слушающего. В терминах узуальных смыслов конкретная реакция на речевой акт может быть осмыслена в плане причинного, целевого объяснения: «почему, зачем он это делает», «куда направился», «что будет делать», «не сделает ничего дурного, вредного для меня», т. е. надежды, желания со стороны говорящего.

Проблема числа узуальных смыслов и их взаимодействия — это проблема не только лингвистическая, что вполне очевидно. Но задать узуальные смыслы, например в виде тезауруса, подобного тезаурусу Роже, вероятно, возможно.

(19). Все сказанное, как представляется, позволяет говорить об определенной автономности смысла. Вновь можно привести положение Г. Фреге о разграничении смысла и представления: «Очевидно, что смысл можно рассматривать сам по себе, то есть, можно говорить о смысле как таковом, в то время как, говоря о представлении, необходимо уточнять кому именно оно принадлежит и к какому времени относится» (Фреге 1977: 186).

Заклячая перечень характеристик смысла, связанных с семантической стороной знака, приведем еще несколько свойств смысла, которые можно прямо или косвенно вывести из суждений Г. Фреге.

¹⁷ Вопрос лингвистической релевантности перлокутивного эффекта достаточно широко обсуждался в работах по прагматике, а также ранее в работах бихевиористического направления при освещении проблемы стимул/реакция.

(20) Смыслом предложения является суждение (Gedanke). Данное положение характеризует смысл как величину не точечную, а как пропозициональную или, по меньшей мере, реляционную (см. выше, свойство 1).

(21) Смысл предложения — суждение — может стать денотатом (Bedeutung), если предложение входит в сложноподчиненное предложение при предикатах *говорить, думать, слышать, заключать* и др.

(22) Смысл может быть индивидуальным, субъективным.

(23) Смысл может быть интерсубъективным и социальным.

(24а) Смысл — часть опыта человека индивидуального и общественного. (24б) Очевидно, что узуальные смыслы непосредственно связаны с миропониманием человека, с его знаниями, входит в его когнитивную или концептуальную систему. «Именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению» (там же).

(25) Смысл оказывается динамичным, он становится в предложении, создается на основе лексических и грамматических значений.

(26) Смысл — это цель, по отношению к которой значения входящих в предложение единиц (их денотативные и сигнификативные компоненты, экстенсионалы и интенсионалы) выступают как средства ее достижения. Здесь мы вплотную подошли к связи смысла и человека, к прагматической стороне знака, хотя, как можно было заметить, все характеристики смысла, как и само понятие, «немыслимы» без человека, которому приходится осмысливать (интерпретировать) говорящего к знаку, его использованию, с одной стороны, уходят глубоко в семантику знака, а с другой — в сферу поведения человека или в коммуникативную сферу, в широком смысле, где есть аспекты, не имеющие лингвистической значимости. Провести границу между тем, что релевантно и что нерелевантно для собственно лингвистической прагматики до настоящего времени никому не удается.

(27) Смысл есть результат совершаемого человеком (говорящим) мыслительного, или ноэтического, акта, акта осмысления, понимания некоторого «кусочка» окружающего мира, и самого процесса осмысления.

(28) Смысл создается в условиях знаковой ситуации, которая включает осмысливающего субъекта, осмысливаемое, средство осмысления (язык) и результат осмысления — смысл.

(29а) Смысл создается в результате «использования» некоторого средства, а именно языка, при том, что язык — не форма, в которую вливается готовая мысль. Положение, что «мысль не выражается, но совершается в слове» (Виготский 1956: 332), характеризует отношение к проблеме взаимоотношения языка и мышления многих философов и лингвистов.

(296) Смысл создается в ситуации общения, между говорящим и слушающим. Хотя говорящий на первый взгляд, осмысливает то, о чем он хочет говорить, а слушающий осмысливает услышанное, практически оба используют при этом один интерпретационный код (иначе понимание невозможно) и одинаковые механизмы референции. Кроме того, говорящий в процессе общения неизбежно осмысливает высказывания собеседника.¹⁸

(30а) Смысл может быть окказиональным. Обычно в лингвистике говорят о прямом и переносном или непрямом смысле предложения или другого речевого произведения. Можно как прямой рассматривать узуальный смысл, т. е. смысл, соответствующий значениям лексических и грамматических единиц, составляющих предложение, но, безусловно, проблема прямого/непрямого смысла решается не так легко и пока остается вообще неразрешенной. (30б) Окказиональных смыслов у одного предложения может быть неопределенно много. Говорят, что каждый человек понимает по-своему. Примеров, иллюстрирующих этот факт, в лингвистической литературе и смежных дисциплинах приводилось достаточно много. Примером окказионального смысла может служить каждое отдельное «умозаключение» (то, как может быть понято) для предложения, приведенного в работе Р. Шенка: «Джон сказал Мери, что Биллу нужна книга». Для этого предложения автор дает такие «умозаключения»: «О чем книга?», «Мери знает, что Биллу нужна книга», «Билл хочет прийти за книгой», «Билл хочет, чтобы некто перестал иметь книгу», «Билл хочет прочитать книгу» (Шенк 1980: 8). Вероятно, число «умозаключений», пониманий, или окказиональных смыслов, может быть увеличено. Показательно, что многие умозаключения формулируются у Р. Шенка как «смысл в общем» (см. свойство 12). Узуальный смысл (см. свойство 18) для данного предложения можно сформулировать так: «кто-то кому-то сообщает о чьей-то потребности в книге». Понятия «сообщение», «потребность», «книга», «субъект сообщения», «субъект обладания» являются узуальными смыслами. Имена собственные делают узуальный смысл конкретным, не лишая его свойства узуальности. (30в) Смысл может характеризоваться разной степенью окказиональности. Варьирование идет по линии увеличения/уменьшения степени окказиональности, но не узуальности, по линии добавочных значений, коннотаций. Рассматривая контекстуальную реализацию предложений с модальным глаголом *can* — мочь, Т. И. Полянских (1992: 83—95) отмечает наличие у них в определенных контекстах дополнительного значения выбора. Ср. пример: *You had a choice: you can either*

¹⁸ Об осмыслении невербальных знаков и лингвистической релевантности данного акта будет сказано ниже, см. раздел 33.

strain and look at things that appeared in front of you ... or you can relax and loose yourself. Такое понимание предложения обуславливается не только контекстом или ситуацией общения, но и в не меньшей степени модальным значением возможности у глагола и у всей модальной конструкции как смысловой базы высказывания, которое может передавать узуальный смысл возможности, совершения действия.

(31) Смысл — это то, что бывает понятно как содержание речевого произведения, как то, «что сообщается», и как то, что оказывается осмысленным.

(32) Но для человека часто бывает важно понять не только то, «что сообщается», но и «зачем сообщается». Смысл по определению имеет целевую направленность, характеризуется интенцией на достижение результата. Такая интенция также должна быть понята, осмыслена. Сообщение может быть сделано с разными целями. Такая целевая разнонаправленность, особенно отчетливо видна на примере высказываний — речевых актов. Речевой акт обещания может совершаться только с целью выражения обещания. В этом случае узуальный смысл конкретизируется тем, что обещается. Смысл собственно локуции — произнесение обещания, смысл иллокуции — обещанное, кумулятивный смысл — обещание плюс обещанное. Но обещание может быть высказано (совершенно) с целью обмануть или вызвать хорошее расположение партнера. Такое перлокутивное намерение, рассчитанное на определенную реакцию соучастника акта, является в значительной степени окказиональным.

Поскольку реакция на иллокуцию речевого акта может быть вербальной и невербальной, очевидно, что речевое непосредственно вплетается в практическую деятельность, входит в сферу общественного поведения, в опыт человека.

(33) Смысл в полной мере связан с практикой человека, опирается на нее, определяется и ограничивается ею, в целом зависит от опыта. Смысл зависит не только от практического, физического, эмоционального, но и от опыта осмысления, от того, в какой степени практика осмысления окружающего мира и себя в нем входит в опыт человека. Попытка охарактеризовать такое сложное и неопределенное явление, как смысл, через некоторый набор признаков может показаться, по меньшей мере, неоправданной. Однако перечисленные признаки, за небольшим исключением, извлечены прямым и косвенным образом из описаний семантико-синтаксической структуры предложения. В конце 60—70-х годах в нашей стране был опубликован ряд лингвистических книг, статей, в название которых входило слово «смысл». Это работы И. А. Мельчука (1974), Н. Д. Арутюновой (1976), В. В. Бондарко (1978). Отметим также обобщающую в определенном смысле статью В. В. Богданова (1982), в которой автор характеризует упомянутые работы с точки зрения подхода к семантической и семантико-синтакси-

ческой структуре предложения. Монографии И. А. Мельчука и Н. Д. Арутюновой, статья В. В. Богданова ориентированы на представление в более или менее формализованном виде именно семантической организации предложения. Соответственно термины «смысл», «смысловой» или «семантический» употребляются практически недифференцированно. Об определении смысла говорится главным образом в связи с содержанием слова, и смысл определяется как сигнификат слова. Подробное сопоставление заданных признаков и соответствующих явных и косвенных указаний на них в упомянутых работах потребовало бы специального описания. Поэтому остановимся лишь на статье В. В. Богданова, показательной в интересующем нас плане. Автор приводит десять компонентов, составляющих базу семантической структуры предложения: предикаты, аргументы, лексико-грамматические единицы (фазовость, модальность), кванторы, показатели перформативности, логические связи, маркеры АЧ, индексы референтности (Богданов 1982: 31), а также формулирует несколько наиболее важных, с его точки зрения, идей, которые могли бы определить дальнейшие исследования смысла, семантики, содержания предложения. Сформулированные девять идей (там же: 35) в нашей интерпретации соответствуют признакам смысла, характеризуют его в плане содержания, выражения и взаимодействия смыслов.

Все признаки смысла, включенные в группу Б, с одной стороны, могут рассматриваться как результат лингвистического научного анализа свойств языковых единиц (семантики, синтактики, прагматики), а с другой — это свойства, которые говорящий не осознает, воспринимает их естественно, органично.

3.2.3. Группа В (свойства 34—40)

В третью группу включены признаки смысла, приписываемые ему в результате «обыденного» осмысления самого смысла лингвистами и не-лингвистами. Определения при существительном «смысле» входят в обыденный метаязык.

(34) Мы часто говорим о смысле слов, предложений, просим объяснить смысл сказанного (или увиденного, сделанного) и оцениваем его.

(35) Смысл бывает тайным, скрытым или иносказательным. Непрямой смысл высказываний бывает достаточно конвенциональным. Это относится к тайному смыслу различного рода табу, ритуалов, обрядовой символики. «Таинственность» смысла речи в ряде случаев определяется или задается культурной традицией народа. Люди часто «говорят намеками», непрямо, и «понимают друг друга с полуслова». Если человек обладает способностью вести общение на подобном языке, говорят, что он «дипломат». В качестве иллюстрации такого своеобразного отношения к языку можно привести анекдот из рассказа И. Вар-

шавского. Встречаются на пароходе два коммивояжера. «Куда вы едете?» — спрашивает первый. «В Одессу». «Вы говорите, что едете в Одессу для того, чтобы я думал, что Вы едете не в Одессу, но Вы же действительно едете в Одессу, зачем Вы врете?».

Робот — вычислительная машина, способная производить тысячу логических операций в минуту, не может уловить ни смысла анекдота, ни импликаций, связанных с ним, всего того, что понимает человек, кроме «прямого» смысла. Лингвист видит в таких случаях лингвистическую проблему, вернее, ряд проблем. Одна из них афористично формулируется так: «что мы имеем в виду, когда говорим то, чего не имеем в виду». Как мы это понимаем? Как мы понимаем, что говорящий имел в виду и чего не имел, как мы узнаем, что он сказал не то, что имел в виду? Эти проблемы давно интересуют лингвистов, философов и логиков.¹⁹ Приведенным примером мы хотели бы подчеркнуть то, что указанная проблематика выявляется из материала языка, из осознания человеком языковой деятельности, осознания себя как носителя—субъекта языка.²⁰ Результаты такого осознания зафиксированы в языке: человек различает типы такого языкового феномена, как смысл, проводит различие между смыслом и значением и создает обыденный метаязык, интуитивно, «неосознанно» фиксируя результаты своего осознания, что наблюдается во всей практике использования или функционирования языка.²¹ Как представляется, смысл — это феномен, категория, в которой отражается или, точнее, которая призвана устанавливать связь между человеком и миром. Человек осмысливает мир. Это универсальная предпосылка, которая представлена в языке (поэтому и релевантна в лингвистическом плане) совокупностью узуальных смыслов, грамматизированных в языке, заданных в упорядоченной системе лексических единиц, семантических полей, в системе существительных-классификаторов; именами речевых актов — иллоку-

¹⁹ Ряд работ по данной проблеме можно найти в кн. (Петров 1979).

²⁰ Сегодняшняя проблематика когнитивной лингвистики, как нам представляется, является прямым продолжением исследований смысла и значения в логике, философии и лингвистике 60—70-х годов за рубежом и в нашей стране. Поворот в сторону прагматики и теории речевых актов был неизбежным шагом в сторону Говорящего и Слушающего, так как теория речевого акта с максимальной очевидностью показывает, что можно сказать и как это сделать. Но совершенно очевидно, что речевые акты не покрывают всего того, что человек говорит, и того, как он это делает. Выход в проблематику коммуникативной деятельности в широком смысле лишь подтверждает важность и необходимость для лингвистики проблемы смысла и понимания, которая не может исследоваться вне связи с человеком.

²¹ Так, результат категоризирующей и классифицирующей деятельности мышления и языка закрепляется в грамматическом значении категории и класса у существительных, которое в английском языке маркируется артиклем. Это, вероятно, самый яркий пример слияния, или неразрывности, языкового и ментального.

тивных эффектов и другими общими понятиями и обыденным метаязыком.

Конечно, нельзя считать обыденный метаязык достаточно прочным критерием и основанием для лингвистических выводов, однако все, что люди говорят о языке, более чем любопытно. Проблема смысловой интерпретации мира — не единственная, которую «осознаёт» язык. Обыденным языком «решена» проблема слушающего и говорящего или дешифровки и кодирования. Доказательством, например, могут служить такие выражения: «Ты понимаешь, что говоришь?» Обыкновенный человек не сомневается, что для того, чтобы говорить, необходимо понимать, что говоришь. Человек знает также, что смысл, или мысль, надо понимать: «Ты понимаешь, что я говорю?», «Ты улавливаешь мою мысль?» и т. д.

(36a) То, что смысл выполняет интерпретативную функцию, не осталось незамеченным в языке. Показателем того, что это есть функция, именно функция, а не просто наличие смысла (или смыслового поля), являются выражения, обозначающие этот вид мыслительной деятельности. В русском и английском языках имеются эквивалентные выражения: *в смысле, в некотором смысле, в известном смысле, в буквальном / переносном смысле, в общем, в широком / узком смысле, в конкретном смысле, в общепринятом смысле*; английские: *in a certain / one sense, literal / figurative, broad / strict, proper, general sense*.

(36b) Смысл обладает свойством интерпретировать другие смыслы, выступать как оператор понимания. Приведенные выражения, а также ряд синонимичных им с другими существительными, наречия, некоторые союзы и др. служат показателями интерпретирующей функции смысла. Их можно назвать интерпретационными, смысловыми операторами или операторами понимания.²² Очевидно, что некоторые из них указывают на тип смысла, обозначая через прилагательные его признаки, и на то, как следует понимать другие выражения или другие виды понимаемого, того, что подлежит уразумению. Операторы вводят понимаемое содержание речевого произведения (это может быть текст достаточной протяженности) в более широкий понятийный контекст одного или разного с понимаемым уровнем абстракции, в контекст более общих или, наоборот, более конкретных понятий. Оператор указывает, как надо понимать интерпретируемое: 3. *In one sense, of course, any grouping has form of some kind, but when we speak of Form with approval we mean attractive and suitable form* (M. R., 255); 4. «the mea-

²² Операторы и предикаты понимания составляют в английском языке достаточно многочисленную группу, включающую в себя также предложные сочетания с существительными «слово», «способ» — *word, way* и др., глаголы понимания, наречия, союзы (*as if*), союзные наречия, предлог *as* и др. Они выполняют текстообразующую функцию, маркируя дискурсивный акт объяснения через определение (дефиницию), классификацию, перифразу.

surement» so often referred to is not true measurement in the physical scientist's sense, but simple counting (Ibid., 248). Операторы понимания часто встречаются в предложениях вместе с другими предикатами понимания — глаголами «понимать», «видеть» (в значении 'понимать'), «значить» и др. Этот факт свидетельствует о том, что смысловые операторы действуют в сфере уже осмысленного, оперируют другими смыслами. По крайней мере, один из аргументов предиката и оператора понимания (смысл — двухместный предикат: смысл чего и смысл какой) должен быть тем «смыслом», в каком следует понимать объект понимания. В предложении (3) имеется два эксплицитных предиката понимания: *speak*, *mean* (кроме оператора *in one sense*) и один имплицитный — заглавная буква в слове *Form* (если такой показатель можно назвать имплицитным); указаны области понимания, узואльно смысловые поля, — оценочные: красота и пригодность (*attractive*, *suitable* и *approval*). Маркер *in one sense* в (3) говорит о некотором из многих пониманий формы, в (4) — о конкретном, строгом физическом понимании измерения. Признаки смысла, обозначенные прилагательными при слове *смысл*, — результат рефлексии над содержанием языковых единиц — можно рассматривать в качестве отдельных свойств смысла.²³ (Выше шла речь об обобщенном, широком и конкретном смысле предложения.) Однако не все они одинаково важны для характеристики смысла. Имеют значимость в этом плане лишь те признаки, за которыми стоят лингвистические проблемы.

(37) Можно считать важными для смысла признаки: а) буквальный и б) переносный. За первым стоит проблема отношения к именуемому объекту, отождествления имени и сути именуемого, за вторым — осознаваемый факт метафоричности языка, непрямого и окказионального смысла. Интерпретационная функция смысла реализуется также через семантику существительного «смысл» как классификатора по отношению ко всем возможным смыслам всех возможных высказываний, что свойственно большому числу абстрактных существительных, в том числе и именам узואльных смыслов (см. свойство 18). В любом случае осмысление протекает по схеме: осмысляемое — смысл, т. е. что осмысляется и каков в этом осмысляемом смысл. Очевидно, что при вербальном общении осмысляемым может быть не одно предложение, а текст значительной протяженности: содержание, оформление, коммуникативные интенции и другие

²³ И. М. Кобозева пишет, что определения «широкий»/«узкий» и «изначальный» указывают соответственно на экстенциональный и этимологический смысл значения слова (Кобозева 1991: 185). В смысле предложения данное противопоставление как будто снимается, как и некоторые другие, например, статическое — динамическое, экстенциональное — интенциональное, индивидуальное — социальное, референциальное — сигнификативные и др.: все в предложении становится актуальным смыслом.

контекстуальные факторы, «обуславливающие» речевые произведения и акт коммуникации. Собственно смысл также может быть представлен крупным речевым произведением, объединяемым с осмысляемым оператором смысловой интерпретации, выполняющим метатекстовую (текстообразующую) функцию. В каком-то отношении обе части, соединяемые интерпретационным оператором, обладают единым совокупным смыслом, к которому, в свою очередь, может быть применен смысловой оператор. (Однако практически не встречаются тексты, в которых бы несколько раз подряд встречался такой оператор.)

(38) Таким образом, можно считать, что «сказанное» осознается как то, что может быть осмыслено, иметь смысл, и об этом можно говорить, говорить о смысле.

(39) Смысл может быть понят и иначе. Осмысляемость смысла свидетельствует о его динамике, но не в том плане, что смысл становится в акте осмысления (свойства 25, 27), а в плане углубления, роста, усложнения. Смысл бывает «глубоким» и «изначальным». По словам Г. Г. Шпета, смысл имеет свою историю, носит на себе, так сказать, «историю своего сложения». Изначальный смысл может утрачиваться, затушевываться. «Смысл есть также исторический, точнее, диалектический аккумулятор мыслей, готовый всегда передать свой мыслительный заряд на должный приемник. Всякий смысл таит в себе длинную „историю“ изменений значений (*Bedeutung Wandel*)» (Шпет 1989: 418). В приведенном высказывании Г. Г. Шпета, кроме признака исторического, содержится указание на диалектический характер смысла.

(40) Можно говорить, что смысл диалектичен. Диалектичность смысла проявляется не только в его изменении, истории, но также в том, что он характеризуется противоположными признаками: тайный—явный, прямой—переносный, глубокий—поверхностный, общий—конкретный, старый—новый. Смысл может быть статичным и динамичным, т. е. в какой-то момент он улавливается и тут же переходит или в практическое действие—реакцию или смысл следующего высказывания, или в «интеллектуальный запас». Свойство смысла быть диалектичным, с одной стороны, достаточно общее и могло бы быть отнесено к первой группе (А), но с другой оно является как бы итоговым и обобщающим по отношению практически ко всем рассмотренным признакам. Поэтому кажется оправданным дать его в заключение перечня свойств смысла. Напомним, что к первой группе (А) отнесены свойства общего, лингво-философского плана, ко второй (Б) — свойства, выявляемые при научном лингвистическом анализе языковых единиц, и к третьей (В) — свойства, приписываемые смыслу обыденным мышлением в житейской, научной и культурной практике. Еще раз отметим, что границы между группами устанавливаются не очень

строго; некоторые свойства могут быть объединены, некоторые, напротив, разделены, некоторые можно поменять местами. Фактически за каждым из перечисленных признаков стоит крупная лингвистическая проблема или даже ряд проблем.

3.3. ВЫСКАЗЫВАНИЯ О СМЫСЛЕ

3.3.1. Высказывания о ситуации «первичного» понимания

В разделе 3.2. рассматривались характеристики самого смысла как бы безотносительно к языковым формам его выражения: словам и предложениям. Но в практике вербального общения, во-первых, довольно часто оцениваются сами слова безотносительно к их смыслу или к осмысляемому, и, во-вторых, естественной, нормальной является ситуация, когда нельзя определить, что осмысляется, сказанное или то, о чем говорить, сам факт или сказанное о факте. Вот что пишет о самих словах Г. Г. Шпет: «Слово — не свивальник мысли, а ее плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало — мысль зачинается в слове. Оттого-то и нет мертворожденных мыслей, а только мертворожденные слова; нет пустых мыслей, а только пустые слова; нет позорных мыслей, а только позорные слова; нет потрясающих мир мыслей, а только — слова. Ничтожество, величие, пошлость, красота, глупость, коварство, бедность, истина, ложь, бесстыдство, искренность, предательство, любовь, ум — все это предикаты слов, а не мыслей. ... Все качества слова приписываются мысли метафорически» (Шпет 1989: 397). Сказать об этом лучше — трудно.²⁴ Ситуации, когда трудно определить, что осмысливается, факт или сказанное о факте и есть ли разница в осмыслении, вероятно, достаточно разнообразны. Рассмотрим несколько таких ситуаций, учитывая при этом, что результатом осмысления может быть как узуальный, так и окказиональный смысл. Если признавать «наличие» узуальных смыслов (а они, с нашей точки зрения, не менее «реальны», чем концепты и концептуальная система, если не одно и то же), то следует признать и то, что языковые выражения входят в жизненный опыт человека своими смыслами, и действия, деятельность, состояния человека (мир человека) «входят» в языковые выражения своими смыслами. Смысл наблюдаемого факта, события, ситуации и смысл сказанного о ней могут совпадать, что говорит, как представляется, о свойстве языка, которое А. Р. Лурия, характеризуя детскую речь, называл симпрактичностью (Лурия 1979). Ребенок проговаривает вслух то, что он делает. Вероятно, это же свойство симпрактич-

²⁴ Свойства, указанные Г. Г. Шпетом для слова, можно отнести к узуальным смыслам (см. свойство 18).

ности проявляется и в том, что ребенок считает обязательным, необходимым «сказать» то, что он делает, или описать результат своих действий другому в том случае (именно в том случае), когда этот другой наблюдает за его действиями. Так же и взрослые, и это норма, а не отклонение от законов функционирования языка, постоянно говорят или «сказывают» то, что они делают или вместе наблюдают. (Безусловно, разночтения, в понимании наблюдаемого не исключаются так же, как и при понимании сказанного.) Достаточно часто мы что-то не договариваем, а показываем действием. Вероятно, каждый наблюдал ситуацию поиска или сам был ее участником. Ищущий в процессе поиска может несколько раз задавать вопросы: «где же она?», «куда она запропастилась?» и т. п. особенно в присутствии других. Он «сказывает» то, что делает.

Можно предположить, что у ребенка смысл вещи, действия, ситуации и смысл слов один и тот же, а возможно, что у него один смысл для вещи, действия и для сказываемых им слов.²⁵ Такое единение, отождествление имени и вещи сохраняется и у взрослых в достаточной степени. И не только у так называемых диких племен. (Возможно, у них это ярче проявляется.) Вот что писал Э. Сэпир по данному поводу, говоря о взаимопроникновении языка и опыта человека: «Об этом свидетельствует широко распространенное ощущение, особенно среди примитивных людей, того действительного (vertual) тождества или достаточно полного совпадения слова и вещи, которые приводят к ощущению магической, волшебной силы слова. Но и на нашем уровне обычно трудно полностью развести объективную реальность и лингвистические знаки, относимые к ней; и кажется, что вещи, свойства и события есть то, что есть их имена» (Sapir 1966: 8—9). У взрослого человека смысл высказывания разрешается практическим действием или переходит в иную смысловую плоскость или в смысл следующего предложения — высказывания.²⁶ Но во всех трех случаях смысл не вы-

²⁵ Позволим себе привести пример, показывающий, как ребенок двух лет осмысливает ситуацию, участником которой он является, как формирует смысл и как передает его словами наблюдающим за ним взрослым. Например, ребенок трогает струны гитары и говорит (произношение не воспроизводится):

1. «Тека гудит» (имя, 3-е лицо, начинает с себя, но понимает, что что-то не так).

2. «Гитара гудит» (но исключить себя из ситуации не может).

3. «Тека гитара гудит» (паратактическое построение предложения соответствует тому, что говорят о детской речи и даже о более ранних стадиях развития языка психолингвисты (Лурья 1979: 173 и сл.)).

²⁶ Мы говорили здесь более об эмпирической стороне вопроса, о том, как человек практически «обращается» со словом и вещью (фактом, делом). Проблема совпадения факта и сказанного о нем — давняя. В наше время лингвисты, писатели, философы исследуют родственные вопросы: прямого и непрямого смысла, новояза, «слова и дела». О последнем см., например, (Гадамер 1988: 444, 515); о диалектической связи слова и вещи, о мире как имени, следует читать (Лосев 1990).

ходит за пределы опыта человека, за пределы узуальных смыслов. Переход в иную смысловую плоскость не бывает бесконечным и практически ограничен, вероятно, двумя-тремя ступенями — не уходит в бесконечность. Примеры, подобные высказыванию ниже, редки и непонятны собеседнику: 5. "I think of course, but if he doesn't know I know he's watching the bridges he'll think we'll try to cross one without suspecting anything and then he'll be able to catch us, or may be he'll think I've thought up a trick to get us across, or may be he'll think I think he thinks I've thought up a trick and we don't try crossing any of the bridges because I know he knows, so it'll be a good place to cross after all" — "I didn't get a word of that" (Durand, 220). Ситуации очень разнообразны, и нет данных, доказывающих возможность их классификации. Поэтому мы ограничиваемся приведением примеров. Так, буквально может быть передан узуальный смысл при соответствующем построении предложения. Рассмотрим уже проанализированный нами смысл в другом месте (Варшавская 1984: 26). Предложение "The tea things were still on the table" (чайная посуда все еще была на столе) — локативное по построению, в нем локативная смысловая база: «что находится где». Вне контекста оно может быть понято в локативном смысле, т. е. буквально, прямо. Мы могли бы точно таким же образом осмыслить увиденное — чайную посуду на столе не совсем в урочное время. Точно так же мы могли бы понять фразу: "Look! tea things are still on the table,"²⁷ произнесенную человеком, с которым мы вместе увидели данное положение вещей. Напомним, что окказиональность смысла определяется относительно семантико-синтаксической структуры, или семантического типа предложения, а не смысла как такового. Окказиональным может оказаться и какой-то узуальный смысл в предложении, не предназначенном для его передачи.²⁸

Без большого преувеличения можно сказать, что человек находится постоянно в состоянии осмысления, понимания, интерпретации слов, поступков, окружающего его мира. Понимающая деятельность совершается им естественно, автоматически, как и другие виды его активности, — дыхание, зрение.

²⁷ Следует отметить, однако, в связи с данным предложением, что большинство испытуемых (студентов четвертого курса английского отделения), которым предлагалось предложение для анализа, интерпретировали его не в локативном смысле. Здесь могут быть, вероятно, две причины: 1) наличие временного *still* и знание источника и 2) сама ситуация теста — студенты догадываются, что, если их спрашивают о смысле такого простого предложения, то тут что-то кроется иное.

²⁸ Окказиональными чаще, вероятно, бывают смыслы, соответствующие тому, что выше было названо родовым положением дел. Разграничение смыслов на смыслы разного порядка — абстрактного, интеллектуального, духовного порядка и порядка «положение дел» — соответствует разделению жизни человека на духовную и материальную сферы.

Тем не менее человек, с одной стороны, понимает, что он Человек Понимающий, Мыслящий и часто говорит об актах понимания, оценивает и даже планирует их. Но с другой, — поскольку акты понимания для человека являются естественными, большей частью он не замечает их, как бы не анализирует, тем более что, как писал Р. А. Лурия, «трудно расценивать само осмысление и акт наблюдения над этим процессом. Трудно сознательно наблюдать протекание собственной сознательной мысли и продолжать мыслить» (Лурия 1979: 192).

Поскольку осмысливающая, интерпретационная активность человека является его постоянным и естественным состоянием, то богатый материал, описывающий ее, можно найти в художественной литературе. Петь, рисовать, рубить дрова свойственно не всем, а думают, осмысливают происходящее все люди. Авторы не всегда вербально эксплицируют факт мыслительной деятельности героев. Такие описания мы не включаем в анализируемый материал, хотя в них находит отражение ситуация понимания. В 3.3. анализируются высказывания — отрезки текста, описывающие ситуацию понимания, в которых акт понимания вербально обозначен, назван. При этом о понимании может говорить сам герой («Я понял, понимаю»), или об актах понимания героя говорит автор. И в том и в другом случае высказывание строится по схеме: «увидел / услышал нечто, понял что-то».²⁹ (Это смысловая база высказывания, его совокупно-узуальный смысл.) Высказывания делятся на два типа: первые организуются предикатами со значением «понимать», высказывания второго типа — предикатами со значением конверсным «понимать», т. е. «значить», «быть знаком». Ситуации, описываемые двумя типами высказываний, несколько отличаются друг от друга, поэтому рассматриваются отдельно. Ситуация первого типа организуется глаголами *to understand*; *make out*, *see*, *realize*, *guess*, *figure out* и др. в значении «понять» и др. К этой же группе могут быть отнесены глаголы, обозначающие другие виды умственной или интеллектуальной деятельности: выводы, предположения, глаголы пропозиционального отношения, употребляемые со значением «понимать». Для нас важно лишь то, что все они — глаголы умственной деятельности, и различия в их значениях здесь не принимаются в расчет. Реальная ситуация осмысления, понимания предполагает прежде всего мыслительный (ноэтический) акт, понимающего субъекта (*No-to sapiens*) и понимаемое — предмет, ситуацию, действие, звук и др., и результат понимания — мысль, смысл осмысляемого. Очевидно, что в ситуации две составляющие — осмысляемое и субъект осмысления — относятся к физическому, материальному

²⁹ Схема отражает строение когнитивной ситуации (фрейма) понимания, которая, кроме собственного акта понимания, включает в себя и перцептивные акты (увидеть, услышать, прочитав).

миру, и две составляющие — к ментальной сфере: мыслительный акт, и понятое, мысль, или смысл. Понимаемым может быть и уже осмысленное и сама мысль. Но, как отмечалось выше, мы выбирали специально ситуации «первичного» осмысления. Представляется, что в результате анализа таких ситуаций можно увидеть какие-то моменты в механизме понимания, которые затушевываются наложением смыслов, их взаимодействием, метафорическим осмыслением и другими фактами мыслительной деятельности. Для удобства ситуации осмысления (понимания) можно представить символически: Н — субъект осмысления (Homo Sapiens), Рн — поэтический акт осмысления, х — осмысляемое, то, что человек увидел или услышал (это может быть речь, но понятая буквально) и (SP) — результат осмысления (мысль, смысл). Символ SP показывает, что результат осмысления всегда пропозиционален по своему характеру, а скобки использованы с целью показать, что он не всегда равен суждению в логическом смысле.

Возьмем наиболее простой, как нам кажется, случай «первичного» осмысления, «первичного», с точки зрения героя, и, в определенном отношении, его опыта: он в первый раз увидел то, что увидел (но не в том смысле, что он первый раз совершает акт осмысления).

6. a) As he had walked along the road climbing, he had started many grasshoppers from the dust. They were all black. ... b) Nick had wondered about them as he walked, v) without really thinking about them. c) Now as he watched the black hopper ... d) he realized that they had all turned black from living in the burned-over land. e) He realized that the fire must have come the year before, but the grasshoppers were all black now. f) He wondered how long they would stay that way (Hemingway, 139). В отрывке текста представлена следующая ситуация осмысления: В предложениях под а) дано осмысляемое — черные кузнечики; в b) и c) — начальное фазы мыслительной деятельности, направленной на объект осмысления; вероятно, это фаза восприятия или чуть более высокая: Nick wondered — герой обратил внимание и даже как будто задумался над ситуацией, но «не по-настоящему». Акт осмысления (Рн) обозначен глаголом realize; субъект осмысления (Н) — герой повести Ник; результат осмысления представлен в предложениях d) и e) как причинное объяснение наблюдаемого факта: кузнечики черные от того, что жили на выжженной земле и все еще черные, хотя пожар мог быть уже год назад. Причинное объяснение — это довольно обычный и естественный способ осмысления наблюдаемого, воспринимаемого: человек так устроен, что он всегда ищет в жизни причину или цель. Очевидно, что результат осмысления представлен рядом пропозиций или пропозициональных значений: «черные кузнечики» и плюс «выжженная земля», «пожар» — событие и его

время (год назад), причина случившегося — «жизнь на выжженной земле». Для понимания причины или простого осознания факта безусловно нужен определенный опыт, накопленный раньше, хотя бы знание того, что кузнечики не бывают черными.³⁰ Герой правильно понял суть положения дел, которая заключается не в причинном объяснении, а включает причину в суть положения дел (смысл), которое можно представить так: (р+р+ч); где р — черные кузнечики, р — пожар, выжженная земля, ч — причина. То, что причинное объяснение не есть в целом суть дела, а часть осмысленного, доказывает предложение f). Герой продолжает думать о положении дел (р+р+ч). Это «пища для ума», а не только объяснение чего-либо. Его интересует, как долго кузнечики останутся черными. Это реакция на понятое, на результат осмысления.³¹ Но герой имеет дело с «положением дел», а не высказыванием. С высказыванием имеет дело читатель. В данном случае, как нам кажется, читатель буквально, в прямом смысле и правильно понимает слова автора и видит то же положение дел, что и герой. Отличие заключается в том, что читатель «видит», наблюдает и акт осмысления, который совершает герой и которого тот не замечает. Однако в данном случае последний факт не имеет большого значения для читателя. Смысл сказанного автором, понятого читателем и увиденного героем положения дел один и тот же (р+р+ч). В связи с рассмотренной ситуацией понимания можно заметить, что в подобных случаях, возможно в силу естественности акта понимания, не возникает ситуация типа: «читатель понял, что Ник понял, что...».

Рассмотрим еще один пример, где для одного из героев (Алины) осмысляемым является речь — сказанное другим:

7. "Gloves", murmured Brother C., "Stange, when you think

³⁰ В разделе не ставится цель анализировать сам процесс познавательной деятельности с каких бы то ни было позиций, кроме лингвистической интерпретации смысловой структуры высказывания. С целью яснее представить сам акт понимания подчеркивается различие между тем, что обозначают разные глаголы: wonder, think, realize, что важно с когнитивной точки зрения, т. е. структуры ситуации (фрейма) понимания в целом.

³¹ Философ или ребенок в возрасте от 4 до 7 лет углубились бы в причинные объяснения: почему становится черным, живя на выжженной земле, или почему от пожара земля становится черной. Ребенок к 7 годам перестает задавать подобные вопросы, а философы многие века пытаются установить различие между причинным (каузальным) и телеологическим объяснением, а также различие между пониманием и объяснением. Г. Х. фон Вригт пишет, что «в обычном словоупотреблении не проводится четкого различия между словами „понять“ и „объяснить“». Практически любое объяснение, будь то каузальное или телеологическое или какое-то другое, способствует пониманию предметов» (Вригт 1986: 45). Однако далее автор указывает на различия между пониманием и объяснением, важные в свете рассматриваемых им вопросов. С точки зрения обыденного мышления, различие, как представляется, заключается в том, что объяснить можно, если что-то понимаешь; можно объяснить, не понимая, и ложно и, конечно, можно понять что-то, когда объясняют.

of it, that it should be gloves she has on her mind, in the middle of summer". Aline was in no position to follow that thought, she took it at its surface meaning. "Why strange? We know there were some stolen from her, and here we are at one of the few fairs where rare goods to be bought, it follows naturally enough. But of course the glover is only a handy excuse" (Peters, 101).

Осмысляемым для другого героя, для Брата С., является положение дел — «покупка женщиной перчаток в середине лета». Брат С. как детектив хочет знать цель такого поступка и говорит об этом намеком, оценивая поступок как странный. Алина не поняла смысла сказанного Братом С., поняла слова буквально, она не видела ничего особенного в положении дел, кроме естественного факта покупки, и дала ему естественное объяснение. Ее понимание слов, факта и объяснение оказались неверными. В отличие от Алины читатель понимает правильно слова Брата С., улавливая в них намек на что-то криминальное в самом положении дел и оценивает неверную реакцию Алины. Представляется, что в описанной ситуации «суть», смысл, осмысляемое положение дел — «покупки перчаток» — никого не интересует: Брат С. ищет целевое объяснение поступка, Алина дает причинное объяснение. Читатель выбирает целевое.³²

В принципе в данном случае ни оценка читателя, его понимание текста, ни его реакция не имеют для нас значения, поскольку сами герои оценивают, осмысливают не только положение дел, но сказанное о нем. На месте Алины мог бы оказаться герой, который бы правильно понял слова Брата С., и мы бы имели ситуацию правильного, но не буквального понимания сказанного.³³

В примере 3 осмысляемым служат и слова, сказанные, и некоторое описываемое автором положение дел. Субъект осмысления — сам автор:

8. (a) The next day General Littlefield summoned me to his office. (b) He was swatting flies when I went in. I was silent and he was silent too, for a long time. . . He swatted some more flies. . . (c) "Button your coat!", he snapped. (d) Looking back on it now I can see that he meant me although (e) he was looking at a fly, . . . He stared out the window at the faraway figures of coeds. . . Finally he told me I could go. So I went. (f) He either didn't know which cadet I was or else he forgot what he wanted

³² Читатель оценивает также и реакцию героини, но эта оценка важна для автора романа, для развития сюжета и нерелевантна для рассматриваемого нами вопроса о буквальном, прямом понимании слов и поступков, или «положений дел». Оценить замысел автора, его домыслы, помыслы, мысли и смысл сказанного им — иная задача, возможно, литературоведческая.

³³ Описываемая ситуация интересна также тем, что в плане понимания здесь «приравниваются» не только факт и сказанное о нем, но и мысль (thought). Автор (а с ним и читатель — интерпретатор высказывания) не видит разницы между словами и мыслью: Алина услышала слова, а поняла мысль и поняла буквально.

to see me about. It may have been that he wished to apologize for having called me the main trouble with the university, or maybe he decided to compliment me on my brilliant drilling of the day before and then at the last minute decided not to. (j) I don't think about it much any more (Thurber, 122). Предложения (b), (c) и (d) описывают понимаемое положение дел, в предложении (c) осмысляемым являются слова, предложения (f) описывают результат осмысления положения дел; в предложениях (d) и (j) дана оценка результатов осмысления. В рассматриваемое положение дел входит и приказ застегнуть шинель, который автором «осмысляется» отдельно и неверно. И только после долгих лет «раздумий» понимается верно: приказ застегнуть шинель был дан ему, а не мухе, на которую смотрел директор в момент произнесения приказа (предложение (c)). В смысл речеактового высказывания, как указывалось выше, входит содержание иллокуции, в данном случае приказа, и содержание пропозиции — здесь «застегнуть шинель» и адресованность приказа, т. е. указание на адресата. Не поняв последнего компонента приказа, автор (герой) не смог его выполнить. Перлокуция оказалась неадекватной иллокуции.³⁴

Анализ только трех примеров уже показывает, что человек осмысливает и понимает реальную ситуацию или положение дел в природе, в социальной среде, сказанное и совместно сказанное и положение дел. Человек (писатель и читатель) имеет опыт и знает о стадиях осмысления. Нестрого говоря, он знает, что есть стадия наблюдения (увидеть, услышать), более высокая ступень «предпонимания» и стадия понимания. Во всех случаях, даже тогда, когда герой не выражает своих мыслей (пример 1), осмысление должно протекать (осуществляться) на мыслительно-языковом уровне, иначе писатель не мог бы об этом написать, а читатель, прочитав, понять.

Результаты понимания можно оценить: как буквальное

³⁴ Грамматическое значение повелительного наклонения глагола и соответствующего повелительного предложения имеет сложную структуру: включает в себя несколько отношений. В теории речевых актов, как известно, характеристикой речевого акта является и перлокутивный эффект, например физическое действие «застегнуть шинель». Учитывая этот самоочевидный факт переплетения и взаимодействия речевых и физических действий, а также структуру повелительного предложения, (обращенность к адресату, т. е. пресуппозицию практической реакции), можно говорить, вероятно, о том, что грамматизировано в данном случае отношение того, что выражает предложение, к тому, что должно быть практически выполнено. Грамматическим (синтаксическим) значением, которое задает форму повелительного предложения, будет не только отношение говорящего к адресату, но отношение речевого акта к перлокутивному акту и, конечно, отношение к глагольному действию, поскольку императив — глагольная инфинитивная категория. В структуру грамматического значения повеления входят два отношения, которые связывают высказывание с действительностью, представленной непосредственно говорящим и перлокутивным действием.

(прямое)³⁵ правильное понимание (пример 6); буквальное, но неправильное, понимание с последующим осмыслением и правильным пониманием положения дел (пример 7); альтернативное, различное понимание осмысляемого положения дел без окончательного понимания с последующим забыванием (пример 8). Во всех случаях осмысление осуществляется через те или иные узуальные смыслы в пределах опыта миропонимания человека или социального опыта и знания положения дел: человек (герой произведений) понимает причину, цель, цвет, время (пример 6) или вызов к начальству (пример 8), действия купли-продажи, кража (пример 7) и т. п. Вероятно, нет необходимости останавливаться на той мысли, что все люди понимают по-разному, т. е. каждый человек (читатель) видит свою «картину мира», свой черный цвет и величину кузнечика, пожар и выжженную землю и др., несмотря на узуальность смыслов и положений дел. Иначе, наверное, не было бы разных художников и писателей. Вопрос, как кажется, в другом: рисуем ли мы вообще всегда какую-либо картину, когда читаем или слушаем, что нам говорят? Кажется, что мы понимаем смысл (иначе мы не могли бы понимать лингвистическую литературу). Смысл — это то, что соединяет практический и языковой опыт человека, транслирует один опыт в другой.

3.3.2. Высказывания о ситуации «первичного» знакоприсвоения

Знаковая ситуация — разновидность ситуации понимания. Высказывания о ней организуются предикатом со значением, конверсным значению «понять», — со значением «быть знаком», «значить». К ним относится достаточно многочисленный класс глаголов и выражений с существительными типа «знак», «символ». Ниже будут рассмотрены высказывания преимущественно с существительным *sign* и глаголом *mean*. Рассматриваемые высказывания, как и высказывания с глаголом «понимать», описывают ситуацию понимания, осмысления. В общем виде описываемая ситуация также включает осмысляемое, акт осмысления (понимания), результат понимания и субъекта понимания. Отличие заключается в том, что к акту собственно понимания добавляется акт означивания осмысляемого или акт понимания усложняется актом означивания. Результат осмысления — смысл оказывается общим для обоих актов. Фактически речь идет о знаковой ситуации, но знаки существуют для того, чтобы что-то значить, чтобы их понимали. Поэтому обособить указанные акты трудно. В языке в семантической структуре

³⁵ Следует признать, что элементы (термины) обыденного метаязыка не отличаются строгостью и определенностью, как и лингвистические термины.

высказываний ситуация означивания—понимания бывает часто представлена в редуцированном виде. Предикаты «быть знаком», «значить» — двухместны и задают семантическую ситуацию вида: «Что + есть знак + чего» или «означаемое + значить + что значить» (смысл). Не указанным может быть субъект—творец знаковой ситуации: субъектом (1-м актантом) предиката оказывается осмысляемое — знак. Описываемая ситуация является семиотической, поскольку свойство «быть знаком» отсылает объект к семиотической системе; ситуация включает семиотический акт, который вербально эксплицитно выражен и задан как отношение между означаемым и знаком. В отличие от обычного случая вербального выражения, когда слово «знак» и то, что оно значит, не разделены явным образом, в рассматриваемой ситуации знак и означаваемое оказываются разведенными.³⁶ Знаковая деятельность, как и процесс понимания, является естественной для человека, совершается им «автоматически». В повседневной жизни человек как бы не замечает того, как он создает, творит знаки. Но тем не менее осознает этот вид своей деятельности, говорит о знаках, что подтверждается примерами сказанного о знаках и знаковой деятельности героями художественных произведений и, следовательно, писателями как субъектами естественного языка.

Как и в первом случае, при описании ситуации понимания ниже анализируются лишь ситуации «первичного» осмысления, первичного создания знака, или первичного означивания, т. е. ситуации, в которых знак создается «по случаю». Не рассматриваются ситуации, в которых используются конвенциональные знаки, культурологическая или религиозная символика с уже заданными смыслами (если они не переосмысливаются заново). Поскольку человек говорит о знаковой деятельности и поскольку в языке есть специальные средства для ее выражения (класс глаголов и класс существительных типа *sign, symbol*),³⁷ то можно признать, что «быть знаком», «значить» является узвальным смыслом (см. свойство 18) или родовым положением дел. Однако в рассматриваемых ситуациях знак создается, или объект означивается, неосознанно, не специально. Объектом-знаком может быть любой предмет, свойство, действие, посту-

³⁶ В этом высказывании о знаковой ситуации сходны с высказываниями о ситуации именования, в которой разведенными оказываются объект и имя.

³⁷ Класс существительных, которые имеют в структуре своего значения сему «знак», достаточно многочисленный и требует специального анализа, так как каждое существительное имеет свои отличительные черты в значении и употреблении. Это можно показать на примере слов «знак» и «символ». Наблюдения над языковым материалом подтверждают некоторые положения относительно становления знака и символа у человека, высказанные в работе Дж. Прибрама, в частности, момент заинтересованности, эмоциональной вовлеченности при создании символа (Прибрам 1975: 386—387 и др.).

пок, явление природы, любой звук, шум и т. д. Совершая большую часть своих знаковых (семиотических) актов неосознанно, человек тем не менее часто пользуется ими сознательно и даже выражает к ним свое отношение: 9. The phone rang. He listened to several rings before picking up the receiver, waiting it to be a sign. He liked signs. . . . This could be a sign (Leonard, 2).

Для того, кто звонил, создал знак физически, звонок не являлся знаком. Это средство общения, обычное действие с целью сделать деловое предложение. Для героя — это знак «делового предложения», связанного с его «профессиональной» деятельностью. Смысл знака: ему предложили сделать то, что он хотел и умел. В дальнейшем смысл разрешается практически в действиях героя (сюжет детективной истории). Герой правильно понял знак: ему было сделано предложение. Но этот знак нельзя считать условным, конвенциональным. Он значил то, что значил только в данном случае, для данного героя.

В результате семиотического мыслительного акта, акта означивания, предмету, поступку человека, явлению субъектом этого акта присваивается знаковая функция. Субъект осмысливает предмет или ситуацию, событие (как знак чего-то), иначе чем он делал до сих пор. Объект-знак значит для него нечто такое, что с данным объектом до сих пор не было связано. Это «нечто» мы рассматриваем как смысл знака. В реальной жизни субъект семиотического акта может не выразить словами свое «понимание» объекта-знака. Когда же он или кто-то другой (в нашем случае автор или другой герой произведения) сообщает о свершившемся акте означивания, мы получаем высказывание с определенной семантической структурой, в котором названы объект-знак, акт означивания и вербализовано то, что знак значит. Читателю не приходится решать, с каким смыслом он имеет дело, как осмысливать объект-знак. Смысл знака эксплицирован. В «стихийном» акте означивания знак-объект понят так, как он понят. Здесь нельзя ничего добавить, домыслить. Смысл знака ясен, по крайней мере, субъекту семиотического акта. Иначе быть не может. В противном случае мы имели бы дело с неосмысленным, несмысленным объектом, т. е. случаем, когда отсутствует знаковая ситуация. Так, ситуации в 3.1 нельзя называть знаковыми в строгом смысле слова, поскольку в них не обозначен семиотический акт, хотя сходство со знаковой ситуацией более чем очевидно. Вероятно, нельзя говорить о знаковой ситуации в тех случаях, когда субъект осмысления не знает, «что и подумать», не может понять увиденное однозначно. Он ищет объяснение, что имеет место и в ситуации понимания. Пониманий и объяснений может быть несколько, и, если ситуация оказывается знаковой, то, вероятно, следует говорить о смене знаковых ситуаций или замене одной ситуации другой, нескольких семиотических актов или сложном семиотическом акте. Акт означивания, как уже говорилось, в рассматриваемых

случаях, совершается не преднамеренно, а случайно, поэтому и смысл, как его результат, можно расценивать как окказиональный. Таких смыслов может быть неопределенно много: один субъект семиотического акта может означивать один объект по-разному, и у одного объекта может быть несколько субъектов означивания, знакоприсвоения. Но тем не менее при такой «стихии» знакотворчества оно совершается в пределах сферы узуальных смыслов или положений дел, не выходит за пределы опыта человека. Смысл объекта-знака бывает ситуативно, «контекстуально», обусловлен: в разных реальных жизненных ситуациях один и тот же объект может быть означен по-разному. Означивание, как и осмысление в целом, зависит от опыта человека. Как уже говорилось, в высказывании о знаковой ситуации объект-знак и его «означаемое», или то, что он значит, оказываются разнесенными, что затрудняет интерпретацию составляющих знаковой ситуации. Если сопоставить результат осмысления с компонентами в структуре значения словесного знака с денотатом и сигнификатом, то кажется, что он соответствует сигнификативной составляющей — смыслу. Этот способ задания, видения денотата, который в объекте-знаке, как можно признать, соответствует объекту означивания, осмысляемому объекту. «Означаемое» — результат окказионального акта осмысления, не закреплено за знаком; связано непосредственно с живым опытом, практической деятельностью человека, рождается из опыта и прагматически разрешается в нем.

В отличие от ситуации первичного осмысления (3.3.1) знаковая ситуация некоторым образом указывает на путь создания конвенционального знака. Субъект знака, присвоив какому-то объекту однажды знаковую функцию, может и дальше использовать знак с тем же смыслом, сделать знак «условным» лично для себя, «автоконвенциональным». Представляется, что в таком случае смысл переходит, или начинает переходить в значение, становится денотатом (денотативной составляющей). Объект-знак денотативно как бы приравнивается чему-то другому, другому объекту: ³⁸ 10. "If I know anything about anything, that hole means Rabbit", he said, "and Rabbit means Company",

³⁸ С точки зрения существующих классификаций знаков, в данном случае, вероятно, можно говорить о создании иконического или «промежуточного» знака между иконическим и индексальным. О невозможности провести четкую границу между видами знаков говорили многие исследователи. Литература о знаках весьма обширна и хорошо известна. Хотелось отметить другое. Мы допускаем, что отождествление знака-объекта и его «означаемого» в рассматриваемых случаях соответствует акту сигнификации в диалектике символа А. Ф. Лосева, а в целом акт означивания — семантическому акту (Лосев 1991. 266—267). Следует, однако, иметь в виду, что в акте отождествления задействован уже готовый знак (неважно, кем, когда и как созданный) и что исследователь, изучающий процесс семнозиса, идет одновременно в двух противоположных направлениях: в направлении создания знака и в направлении использования готового знака.

he said, "and Company means Food and Listening-to-me-Humming and such Like"... So he went down (Milne, 39).

В созданной Винни Пухом знаковой ситуации объектом-знаком является нора. Это — увиденное и осмысляемое. Это знак, который служит для замещения чего-то другого, что Пух знает, что есть в его сознании или концептуальной системе. В данной ситуации — это Кролик. Относительно знака — нора «Кролик» — есть, или интерпретация. Процесс осмысления на этом не заканчивается, за первым актом означивания следуют другие. Результат первого акта сам становится осмысляемым следующего акта. Процесс продолжается, пока не достигает предельного момента мыслительной деятельности Пуха — смысла «подкрепиться», к которому примешивается менее значительный, но достаточно важный в жизни Пуха смысл, «чтобы кому-то спеть свою песенку».³⁹ Очевидно, что осмысление увиденного совершается в пределах опыта Пуха, в котором смыслы «Кролик», «Хорошая компания», «подкрепиться» являются привычными, или узуальным. Осмысление завершается практическим действием: Пух полез в нору.

Следует отметить, что акты означивания у Пуха включены в контекст других мыслительных актов и состояний. Он проговаривает то, что он осмысливает и сообщает о наличии у него ментального состояния «знать что-нибудь о чем-нибудь», которое свидетельствует о том, что у Пуха есть определенный мыслительный опыт.⁴⁰ В рассматриваемой ситуации (как и в других примерах) акт означивания является окказиональным: если бы Пух не увидел нору, означивание не состоялось бы. В такой ситуации узуальный смысл оказывается окказиональным и ситуативно обусловленным. Кем-то другим нора могла бы быть осмыслена иначе, например, Тигрой, который неизвестно откуда появился в лесу и ничего не знает о его обитателях. Возможно и другое: смысл «Кролик», поскольку Тигра ничего о Кролике не знает, не является для него узуальным смыслом, но этот смысл он мог с помощью других приписать объекту-знаку, т. е. норе. Если такая знаковая ситуация (а речь идет лишь о знаковой ситуации) будет повторяться, то связь между знаком (нора) и смыслом (Кролик) станет конвенциональной для Тигры и Пуха или перестанет замечаться, станет восприниматься «автоматически», стереотипно — явление, достаточно обычное в практике человека. Повторение знаковой ситуации,

³⁹ В познавательной деятельности человека также можно выявить такие предельные моменты. К ним можно отнести акты классификации, характеристики и те смыслы, которые закреплены в грамматической системе языка.

⁴⁰ Замечательный художественный эффект в книге А. Милна достигается, как кажется, именно благодаря удивительно органичному «совпадению» у медвежонка Пуха слова, дела и мысли, совпадению, которое читатель воспринимает как вполне естественное и понятное.

фиксация связи знака и его смысла приводят к закреплению связи, которая приобретает определенную степень «условности», хотя бы для одного субъекта знака. Но при этом (при повторении ситуации) происходит и фиксация самого смысла: он закрепляется в сознании как отдельный автономный смысл, который может быть использован или узואально в соответствующей ему ситуации или окказионально, в какой угодно другой ситуации. Кроме того, сам смысл может быть осмысляемым, и знак может из осмысляемого стать частью смысла.

Так, для Тигры объектом-знаком мог стать Кролик, а смыслом — «нора». Такое осмысление стать также фиксированным, т. е. «фиксированной интерпретацией».⁴¹ Очевидно, что в случае с Тигрой фиксация связи могла быть и сильно мотивированной и сильно условной. В первом случае он мог установить, узнать, что все норы роются кроликами, а во втором — связь между кроликом-знаком и смыслом «нора» ему мог помочь установить Пух: они могли договориться о такой связи. Для знаковой системы, вероятно, более важным является факт автономности смысла, его независимости от знака и акта означивания, чем факт связи знака со смыслом. Можно допустить, что одной из причин разрыва связи между знаком и его смыслом может быть их отнесенность к разным сферам: соответственно материальной и ментальной. Для естественного языка проблема была, в частности, сформулирована Э. Сепиром в связи с его исследованиями истоков языка. Он писал, что «основная проблема происхождения языка заключается не в том, чтобы установить те звуковые (vocal) элементы, которые составляют историческое ядро языка. Она скорее заключается в том, чтобы показать, как случилось, что звуковые артикуляции (vocal articulations) утратили свою связь со своей изначальной выразительной значимостью» (Sapir 1966: 13). При такой способности к символической деятельности, при том, что смыслы становятся автономными, взаимодействуют друг с другом, создавая новые смыслы, и при том, что одному объекту-знаку (осмысляемому) можно приписать разные (новые и старые) смыслы, при всем этом становится очевидным, что все, что угодно, может быть мыслимо в этом мире. Любое мнение, любая самая фантастическая мысль или точка зрения о предмете, ситуации, о мнении или о другой мысли могут быть сформулированы в пределах смыслового пространства человека. Мифологичность мышления, о которой писал А. Ф. Лосев (1990), приобретает при указанных условиях в описываемых ситуациях явный характер.

⁴¹ Термин «фиксированная интерпретация» заимствован нами из работы (Парти 1983). Термин может быть использован для обозначения и связи между знаком и результатом означивания, того, что здесь мы называем смыслом.

Остановимся еще на одной составляющей знаковой ситуации (ситуации первичного означивания), уподобляющей ее естественноречевой, вербальной знаковой ситуации, а именно речеактовым высказываниям. В рассматриваемой знаковой ситуации знак не только создается, но одновременно и используется субъектом знакотворческого акта: за осмыслением объекта-знака следует реакция на знак со стороны субъекта. Понимание знака «разрешается» в прагматическом акте, подобном перлокутивному акту. В примере (4) такой реакцией на знак — телефонный звонок была цепь поступков героя. В этом смысле понимание объекта-знака не отличается от понимания обычного объекта (предмета, поступка), которым в строгом смысле не присвоена знаковая функция. Один и тот же знак может быть осмыслен по-разному, и соответственно реакции на него могут быть самыми разными, и одна и та же реакция может сопровождать разные знаки. Осмысление объекта-знака, реакции на него — индивидуальны, зависят от опыта человека, его культуры, отношений с окружающим его миром.⁴²

О том, что объекту присвоена знаковая функция, в рассматриваемых случаях мы узнаем со слов некоторого постороннего наблюдателя: сам субъект означивания не всегда сообщает об этом. Поэтому результат осмысления может быть не выражен. Выраженной бывает реакция на него в виде физических конкретных поступков или продуманной стратегии поведения. Реакция на знак вербализируется в высказываниях, а о смысле знака можно догадаться: автор всегда представляет возможность сделать это. Такой способ описания знакотворческой ситуации, как кажется, соответствует ее природе: внутренний, невидимый акт знакоприсвоения и явная реакция на него. Например: 11. The distant flat roof of the house came into sight over sea of trees ahead. The children stopped, as if the house was a sign that they should go no farther (Fowles, 166). Объектом-знаком в данной ситуации является дом, смыслом чувства детей, не названные в высказывании, и их понимание, что «идти дальше нельзя», выраженное словами наблюдателя, а также конкретная реакция на понимание — дети остановились. То, что автор описывает ситуацию как знаковую, позволяет расценивать ее как таковую, с точки зрения ее субъекта — детей.

Отношения, которые создаются в знаковой ситуации, близки по своему содержанию отношениям следствия, причины и ряду других понятийных (логических) категорий. Анализируя логику символа, А. Ф. Лосев отмечает среди понятий со знаковой природой следующие: удостоверение, засвидетельствование, указание, обозначение, примету, результат, следствие, проявление

⁴² Хотя знаковое осмысление мира не может выходить за пределы концептуальной системы человека (мыслится лишь мыслимое), смысловое пространство может быть увеличено в силу мифологического характера мышления.

ийе, симптом, команду, сигнал и др. (Лосев 1992: 260). Очевидно, что это достаточно обширное и гетерогенное смысловое знаковое поле. Одни ситуации, организуемые вокруг этих понятий, более уподобляются знаковой вербальной ситуации со словами-знаками (они и представляют лингвистический интерес), а другие не отличаются от обыденных житейских ситуаций, повседневной практики. Возможная недифференцированность знакового и причинно-следственных отношений связана еще и с тем, что, как указывалось в 3.3.1, при осмыслении чего-либо человек ищет смысл в причинном или причинно-целевом объяснении. Тем не менее смысл, заключенный в выражениях *быть знаком, значить*, является самостоятельным, отдельным узуальным смыслом.⁴³

Рассматриваемые высказывания о знаковой ситуации представляют своеобразную каталогизацию семиотического опыта, актов означивания, совершаемых человеком. Их можно расценивать как результат наблюдений над знаковой деятельностью, которую иначе, вероятно, наблюдать не удастся, во всяком случае, в той форме, в какой знаковая деятельность приближается к естественноречевой. Высказывания сообщают нам о том, какие объекты могут стать знаками и что они могут значить. Практически знаком может стать любой предмет, любой поступок, любое действие. Значит объект-знак может все, что угодно. Смысл знака беспредельно разнообразен. Он не бывает предметным и точечным. Смысл пропозиционален, динамичен, диалектичен, он разрешается в практическом поступке. Означивание объекта всегда есть процесс или акт замещения чего-то одного другим — знаком этого другого. В основе такого осмысления предметного мира (мира вещей, звуков, поступков) лежит способность к символической деятельности, способность человека воспринимать, понимать одно как знак другого.⁴⁴

Способность человека к спонтанной знакотворческой деятельности ситуативно интерпретировать объект-знак, по-разному означивать один и тот же объект сходна со способностью к разному осмыслению одного и того же высказывания на естественном языке, способностью понимать одно выражение в прямом и переносных смыслах, извлекать из него разные смыслы. Отметим еще ряд моментов знаковой ситуации, которые позволяют усмотреть в ней аналогию с некоторыми выражениями

⁴³ Анализ возможных окказиональных употреблений смысла *значить* предполагал бы изучение практических социальных ситуаций, связанных с указанными выше понятиями, или анализ лингвистического (конвенционально знакового) материала, что не входило в наши задачи. Поскольку примеры взяты из художественной литературы, то смыслом самих рассматриваемых высказываний в целом, как правило, является характеристика героев, о знаковой деятельности которых автор или другой герой делает высказывание.

⁴⁴ Сепир считал, что именно в этой способности, в частности, в привычной способности высших приматов понимать часть, деталь ситуации как знак всей ситуации, следует искать истоки языка (Sapir 1966: -14).

естественного языка. В строении знаковой ситуации объект-знак + мыслительный акт означивания + результат осмысления (смысл) видится сходство с предикативной предложенческой структурой, при том что акт предикации заменен актом означивания. Объекту-знаку может быть «приписано» столько же (неизвестно сколько) смыслов, сколько предикативных свойств может быть задано для подлежащего в сказуемом предложении. При этом объект-знак, как и субъект, принадлежит миру, а его смысл как результат мыслительной операции, как и предикат, — мышлению о мире (ср.: Арутюнова 1976: 377).

Представляется также, что есть сходство между знаковой ситуацией и субстантивно-аппозитивной структурой с существительным-классификатором при том, что акт означивания заменен скрытым актом классификации. Классифицирующее отношение входит в смысл именно группы с аппозитивом и определяет ее структуру и поведение. Сходным в рассматриваемых структурах является, на наш взгляд, то, что акты (субпроцессы), в результате которых они создаются, как бы разделяют соответствующие элементы: знак и его смысл, субъект и предикат, классификатор и классифицируемое. В отличие от аппозитивных словосочетаний обычные атрибутивные сочетания, как представляется, не обладают таким свойством. Субпроцесс атрибуции объединяет элементы в одну единицу, которая, в свою очередь, сводит смысл к единому понятию. Можно отметить и сходство знаковой ситуации с естественноречевой ситуацией именования: один объект + акт именования + все имена объекта (прямая, первичная, косвенная, вторичная номинации).

Анализ высказываний о смысле подтверждает наличие у смысла ряда черт, указанных в 3.1 и 3.2. Поскольку высказывания, в соответствии с критерием отбора материала, описывают ситуации «первичного» осмысления и «первичного» означивания, в подобных ситуациях не используются конвенциональные знаки, обладающие соответствующей семантической структурой и смыслом с соответствующими характеристиками.

Смысл самым непосредственным образом связан со знаковой символической деятельностью человека, способностью использовать нечто одно как знак чего-то другого; смысл — результат мыслительного акта осмысления, или понимания; он динамичен и диалектичен: он становится (формируется), наращается, преобразуется и разрешается в практической деятельности человека; смысл — часть опыта человека, зависит от него и ограничивается им; каждый человек обладает своим смысловым пространством; связь с опытом проявляется также в том, что один и тот же объект (предмет, процесс и т. д.) может быть предметом и осмысления и практического физического воздействия; в ситуациях первичного осмысления и первичного означивания смысл может быть узальным и окказиональным, но он всегда определяется ситуацией; несмотря на есте-

ственный и во многом стереотипный характер знаковой деятельности, сам акт означивания и осмысления, как и многие другие действия, может быть стереотипным или нестереотипным для ситуации.

Смысл содержательно не зависит от объекта-знака (осмысляемого); он автономен и оказывается независимым от акта означивания, что делает его подвижным: один смысл может быть задан для разных осмысляемых объектов (объектов-знаков), и одному объекту-знаку могут быть приписаны разные смыслы; смысл может быть старым (узуальным) или новым, создаваемым в результате взаимодействия смыслов. Высказывания о смысле, рассмотренные в 3.3, свидетельствуют о том, что смысл — это то, что человек включает в свой опыт как данность, как нечто реальное и практически значимое. Человек говорит об актах осмысления (понимания), о знаковой деятельности и их результате — смысле. Приведенные высказывания рассматривались лишь как передающие узуальные смыслы: «понять, что» и «быть знаком». Узуальный характер этих смыслов обеспечивается наличием в английском языке лексико-семантических групп слов со значением «понимать» и «быть знаком», «значить». Если приведенные высказывания допускают иную интерпретацию, то это лишь свидетельствует о естественной смысловой вариативности, неоднозначности языковых выражений. В лингвистическом плане анализируемый материал интересен как раз тем, что он показывает, что можно узнать из повседневного обыденного разговора людей об опыте осмысления и означивания, что человек знает и думает об этом виде своей деятельности.

Представляется, что все сказанное о смысле в 3.3 извлечено из исследованного материала (не без помощи лингвистического опыта) и подтверждает сказанное о смысле в 3.1 и 3.2. Хотя выше были рассмотрены высказывания, денотатом которых являются ситуации «первичного» понимания и «первичного» означивания, не следует забывать то, что они создаются, и то, что процессы понимания и означивания совершаются человеком, обладающим двумя взаимосвязанными определяющими его свойствами: (1) способностью к символической знаковой деятельности и (2) естественным языком. Только учитывая эти два свойства, имеет смысл говорить о смысле, как он здесь понимается. Смысловое пространство заключено между двумя крайними точками (пределами) — первичным осмыслением и означиванием и именем.⁴⁵ Между этими же предельными точками лежит сфера словесного общения.

⁴⁵ «Не всякое слово есть имя» (Лосев 1990: 20). «Слово — понятая вещь и властно требующая своего разумного признания природа. Слово — сама вещь, но в аспекте ее уразуменной явленности. Слово — не звук, но постигнутая вещь, вещь, с которой осмысленно общается человек» (там же: 177).

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Гоголь — Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1949. Т. 3.
Хармс — Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1991.
Токарева — Токарева В. Летящие качели. М., 1987.
Allen — Allen W. Side Effects. New York, 1990.
Beerbohm — Beerbohm M. A. V. Laidler // 50 Great Short Stories. New York, 1971.
Chandler — Chandler R. Stories. Moscow, 1983.
Christie I — Christie A. Selected Stories. Moscow, 1969.
Christie II — Christie A. Peril at the End House. New York, 1973.
Durand — Durand Z. Daddy. New York, 1986.
Eliot — Eliot T. S. Selected Poems. London, 1976.
Forester — Forester J. The Hostage // Modern American Short Stories. Sofia, 1972.
Fowles I — Fowles J. The Ebony Tower. Eludic. The Enigma. Moscow, 1980.
Fowles II — Fowles J. The Magus. New York, 1976.
Hailey — Hailey A. Strong Medicine. New York, 1986.
Hemingway — Hemingway E. The Snow of Kilimanjaro and Other Stories. Harmondsworth, 1964.
Irving — Irving J. The World According to Garp. New York, 1978.
Kesey — Kesey K. One Flew Over the Cuckoo's Nest. New York, 1972.
Kneale — Kneale N. The Putting Away of Uncle Quaggin // Modern American Short Stories, 1972.
Lederer — Lederer R. Anguished English. New York, 1990.
Leonard — Leonard E. Killshot. New York, 1990.
McDonald — McDonald R. The Chill. New York, 1986.
Milne — Milne A. A. The World of Winnie the Pooh. Moscow, 1983.
M. R. — Barsun J., Graff H. F. The Modern Researcher. New York, 1970.
Murdoch — Murdoch I. The Book and Brotherhood. London, 1987.
Nash — Nash O. The Winter Morning // Mozaika Angelska. New York; Warszawa, 1969.
Parkinson — Parkinson C. H. In-Laws and Out-Laws. Harmondsworth, 1968.
Peters — Peters E. St. Peter's Fair New York, 1989.
Plain — Plain B. Tapestry. New York, 1989.
Smith — Smith M. C. Polar Star. New York, 1992.
Steinbeck — Steinbeck J. The Winter of our Discontent. New York, 1973.
Skammel — Skammel M. Solzhenitsyn. New York; London, 1984.
Thurber — Thurber Y. University days // The Secret Shaver and Other Great Stories. New York, 1969.
Vassiltchikov — Vassiltchikov M. Berlin Diaries. New York, 1991.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / Отв. ред. В. М. Павлов. Л., 1988.
- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- Амосова Н. Н. Английская контекстология. Л., 1968.
- Аничков И. Е. Идиоматика и семантика: (Заметки, представленные Мейе, 1927) // Вопр. языкознания. № 5. 1992.
- Апресян Ю. Д. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира // Teoria tekstu zbior studiow. Wrocław, 1986.
- Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978.
- Аристотель. Риторика // Античные риторики / Общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978.
- Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
- Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопр. языкознания. № 4. 1982.
- Арнольд И. В., Дьяконова Н. Я. Авторский комментарий в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // Изв. Акад. наук. Сер. лит-ры и яз. Т. 44. № 4. 1985.
- Артемова А. Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: Автореф. докт. дис. СПб., 1991.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика: Проблемы референции / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1982.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М., 1988.
- Арутюнова Н. Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б. Процедурный метаязык в лингвистической семантике // Изв. Акад. наук. Сер. лит-ры и яз. Т. 49, № 1. 1990.
- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1987.
- Бацевич В. М. Референтная отнесенность имен субъектов и специфика проявления глагольного действия // Филологические науки. № 5. 1990.
- Бейтс Е. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика / Общ. ред. А. М. Шахнаровича. М., 1984.
- Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной

- лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1978.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди, и люди, которые играют в игры. Л., 1992.
- Библийская энциклопедия. М., 1990.
- Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1992.
- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.
- Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
- Богданов В. В. О перспективах изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика предложения / Отв. ред. И. П. Сусов. Калинин, 1982.
- Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. М., 1980.
- Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982.
- Бурлакова В. В. Функционирование индексных слов в научном тексте // Дидактико-педагогические основы обучения иностранным языкам научных работников / Отв. ред. Е. А. Рейман. Л., 1988а.
- Бурлакова В. В. Дейксис // Спорные вопросы английской грамматики / Отв. ред. В. В. Бурлакова. Л., 1988б.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л., 1984.
- Вежицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / Отв. ред. Т. М. Николаевой. М., 1978.
- Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12: Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1983.
- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е. В. Падучевой. М., 1985.
- Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Выготский Л. С. Собр. соч. М., 1982.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972 / Отв. ред. С. К. Шаумян. М., 1973.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Л., 1979.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. М., 1986.
- Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки. 1992. № 3.
- Гак В. Г. Фразеология в этнокультурном аспекте // Филологические науки. № 5. 1995.

- Гаузенблэз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1978.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Отв. ред. Л. М. Скредина. М., 1992.
- Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Отв. ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. М., 1988.
- Доннелан К. С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. Проблемы референции / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1982.
- Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. Проблемы референции / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1982.
- Ельмслев Л. Прологомены в теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1 / Под ред. В. А. Звегинцева. М., 1960.
- Емельянова О. В. Коммуникативные неудачи при идентификации референта // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка) / Отв. ред. В. В. Бурлакова. СПб., 1992.
- Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М., 1993.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кибрик А. Н. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (Универсальное, типовое и специфическое в языке). М., 1992.
- Кириллова Н. Н. Основы этнолингвистической фразеологии романских языков: Автореф. докт. дис. Л., 1991.
- Кифер Ф. Как объяснить феномен ситуативного значения? // Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии / Отв. ред. В. В. Петров. М., 1989.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М., 1986.
- Кобозева И. М. «Смысл» и «значение» в «наивной семантике» // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1991.
- Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Отв. ред. Д. П. Горский. М., 1975.
- Костюк В. Н. Интенсиональность и диалог как функции естественного языка // Философские основания научной теории / Отв. ред. В. В. Целищев, В. Н. Карпович. Новосибирск, 1985.
- Краже С. Г. Маркеры текстовой импликации: Автореф. канд. дис. Л., 1988.
- Куно С. Некоторые свойства нереферентных именных групп // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. Проблемы референции / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1982.
- Лебедева Л. Б. Референциальные критерии в типологии высказываний // Вопр. языкознания. 1991. № 6.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.

- Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. Проблемы референции / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1982.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990.
- Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Диалектика. М., 1992.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ред. А. А. Реформатский. М., 1960.
- Маслова Е. В. Сознание и бессознательное и их роль в психической деятельности человека: Автореф. канд. дис. М., 1990.
- Мельчук И. А. Опыт построения лингвистических моделей «смысл—текст». М., 1974.
- Минский М. Фреймы для исследования знаний. М., 1979.
- Михайлов Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990.
- Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
- Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Ред. Н. Ю. Шведова. М., 1972.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
- Парти Б. Х. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика / Отв. ред. Ю. С. Степанов. М., 1983.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Полянских Т. И. Контекстная реализация высказывания с модальностью возможности (на материале английского модального глагола *can*): Канд. дис. 10.02.04. СПб., 1992.
- Петров В. В. Структуры значения. Логический анализ. Новосибирск, 1979.
- Платон Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1968.
- Потебня А. А. Мысль и язык. Киев, 1993.
- Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
- Решетникова Н. В. Собирательность существительных и неопределенность/обобщенность местоимений в английском языке: аспекты взаимосвязи (синхрония и диахрония): Канд. дис. 10.02.04. СПб., 1992.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. Д. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е. С. Кубрякова. М., 1991.
- Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / Общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М., 1978.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. Проблемы референции / Отв. Н. Д. Арутюнова. М., 1982.
- Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1979.
- Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы: Функционально-семантический аспект. СПб., 1995.
- Усманов К. Категория определенности-неопределенности имени существи-

- тельного в современном таджикском и английском языках: Автореф. канд. дис. Душанбе, 1979.
- Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина. М., 1992.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семантика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия. Логика. Язык / Общ. ред. Д. И. Горского и В. В. Петрова. М., 1987.
- Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
- Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Отв. ред. А. Е. Кибрик. М., 1982.
- Шабес В. Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. докт. дис. Л., 1990.
- Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шмелев А. Д. Определенность/неопределенность в аспекте теории референции // Теория функциональной грамматики. Субъективность/Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.
- Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.
- Ыйм Х. Семантика и теория понимания языка: Автореф. докт. дис. М., 1983.
- Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. О. Г. Ревзина. М., 1972.
- Anderson J. Some proposals concerning the modal verb in English // Edinburgh, Studies in English and Scots / Ed. by A. Aitken, A. McIntosh and H. Palsson. London, 1971.
- Anscombe G. E. M. Intention. Oxford, 1957.
- Bakhtin M. M. Speech Genres and Other Late Essays / Ed. by G. Emersen, M. Holquist. Austin, 1986.
- Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Cambridge, Mass. 1983.
- Bishop N. A. Typology of Causatives // Language in Context. Essays for Robert E. Longacre. Summer Institute of Linguistics and The University of Texas in Arlington, 1992.
- Blundell J., Higgins J., Middlemiss N. Function in English. Oxford, 1985.
- Bolinger D. L. Extrinsic Possibility and Intrinsic Potentiality: 7 on MAY and CAN + 1 // Journal of Pragmatics. Vol. 13. 1989.
- Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge, 1983.
- Brugmann K. Die Demonstrativpronomen der indogermanischen Sprachen. Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung // Abhandlung der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Vol. 22. No 6. 1904.
- Bruner J. S. The organisation of Action and the Nature of Adult-Infant Transaction // The Analysis of Action / Ed. by M. Cranach, R. Harre. Cambridge, 1982.
- Buhler K. Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Buhler K. Theory of Language. Amsterdam, 1990.
- Carnap R. Meaning and Necessity. Chicago, 1956.
- Chiss J. L. La stylistique de Ch. Bally: de la notion de sujet parlant à la théorie de l'énonciation. The Hague; Paris. 1985.
- Coates J. The Semantics of the Modal Auxiliaries. London; Canbera, 1983.
- Cowie A. P., Mackin R., McCaig R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Oxford, 1983.
- Debating Political Correctness / Ed. by Paul Berman. New York, 1992.

- Davidson D. What Metaphors Mean // *Pragmatics* / Ed. by S. Davis. New York; Oxford, 1991.
- Davies E. The English Imperative. London, 1986.
- Dictionary of American Idioms / Ed. by A. Makkai. New York, 1987.
- Engel P. The Norm of Truth. New York; London, 1991.
- Ehlich K. Anaphora and Deixis: *Same, Similar or Different* // *Speech, Place and Action* / Ed. by R. J. Jarvella and W. Klein. Chichester, 1982.
- Ehlich K. Deictic Expressions and the Connectivity of Text // *Text and Discourse Connectedness: Proceedings of the Conference on Connexity of Text* / Ed. by M. E. Conte, J. S. Petofi, E. Sozer. Amsterdam, 1989.
- Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of "come" // *Foundations of Language*. Vol. 2. N. 3. 1966.
- Fillmore Ch. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington, 1971.
- Follesdal D. Essentialism and Quantified Modal Logic // *Merites et limites des methodes logiques en philosophie* / Ed. by J. Vuillemin. Paris, 1986.
- Frei H. *Sylvie est jolie des yeux*. Melange de linguistique offert à Ch. Bally. Geneve, 1939.
- Givon T. Forward Implications, Backward Presuppositions, and the Time Axis of Verbs // *Syntax and Semantics*. Vol. 1 / Ed. by G. Kimball. New York, 1972.
- Givon T. On Understanding Grammar. New York; San Francisco; London, 1979.
- Green K. A Study of Deixis in Relation to Lyric Poetry. Ph D Thesis. Sheffield, 1992a.
- Green K. Deixis and the Poetic Persona // *Language and Literature*. Vol. 1. No. 2. 1992b.
- Grice H. P. Meaning // *Philosophical Review*. Vol. 66. 1957.
- Grice H. P. Logic and Conversation // *Pragmatics* / Ed. by S. Davis. New York; Oxford, 1991.
- Gumperz J. J. Discourse strategies. London, 1982.
- Jackendoff R. Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, Mass., 1972.
- Jung Min Choi, Murphy J. W. The Politics and Philosophy of Political Correctness. Westport; Connecticut; London, 1992.
- Halliday M. A. K. Functional Diversity in Language, as Seen from a Consideration of Modality and Mood in English // *Foundations of Language*. Vol. 6. 1970.
- Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic. London. 1978.
- Halliday M. A. K. How Do You Mean? // *Advances in Systemic Linguistics* / Ed. by M. Davies, L. Ravelli. London; New York, 1992.
- Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.
- Hanks W. Indexical Ground of Deictic Reference // *Rethinking Context* / Ed. by A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge. 1992.
- Huston N. Dire et Interdire: Elements de Jurologie. Paris, 1980.
- Hymes J. On Communication Competence. Philadelphia, 1971.
- Ilyenkov E. V. The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx's 'Capital'. Moscow, 1980.
- Kiefer F. On Defining Modality // *Folia Linguistica*. 1987. Vol. 21.
- Kleiber G. Problemes de reference: discriptions definies et nomes propres. Paris, 1980.
- Kneale W. Modality de dicto and de re // *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Proceedings of the 1960 Congress. Stanford, 1962.
- Knuuttila S. (ed.) Reforging the Great Chain of Being. Dordrecht, 1981.
- Kreckel M. Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse. New York, 1981.
- Kripke S. A. Naming and Necessity. Oxford, 1972.
- Kripke S. A. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Contemporary*

- Perspectives in the Philosophy of Language. Minneapolis, Minnesota, 1979.
- Kryk B. How do Indexicals Fit into Situations? // *Linguistics Across Historical and Geographical Boundaries* // Ed. by D. Kastovsky and A. Szwedock. Berlin, 1987.
- Lakoff G. Stative Adjectives and Verbs in English // *The Computation Laboratory of Harvard University Report N NSF-17*. 1966.
- Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago; London, 1987.
- Lakoff G., Jonson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980.
- Leech G. N. *Meaning and the English Verb*. London, 1971.
- Leech G. N., Coates J. Semantic Indeterminacy and the Modals // *Studies in English Linguistics for Randolph Quirk* / Ed. by S. Greenbaum, G. N. Leech, J. Svartvik. London, 1980.
- Levinson S. C. *Pragmatics*. Cambridge, 1983.
- Levinson S. C. Putting linguistics on a paper footing: Exploration in Goffman's concepts of participation // *Erving Goffman: Exploring the Interaction Order* / Ed. by P. Drew and A. Wootton. Cambridge, 1988.
- Longman Dictionary of English Language and Culture. London, 1992.
- Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary. Longman, 1993.
- Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. London, 1977.
- Lyons J. Deixis and Anaphora // *The Development of Conversation and Discourse* / Ed. by T. Myers. Edinburgh, 1979.
- Lyons J. The Meaning of the English Definite Article // *The Semantics of Determiners* / Ed. by J. Van der Auwera. London, 1980.
- Lyons J. Deixis and Subjectivity: Loquor, ergo, sum // *Speech, Place and Action* / Ed. by R. J. Jarvella and W. Klein. Chichester, 1982.
- Muhlhauser P., Harre R. *Pronouns and People*. London, 1990.
- Mathesius V. *Cestina a obecny jazykozpyt*. Praha, 1947.
- Meyer M. *From Logic to Rhetoric* // *Pragmatics and Beyond*. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Nuchelmans G. *Late-Scholastic and Humanist Theories of the Proposition*. Amsterdam; Oxford; New York, 1980.
- Nuchelmans G. *Judgement and Proposition. From Descartes to Kant*. Amsterdam; Oxford; New York, 1983.
- Palmer F. R. *Modality and the English Modals*. London, 1979.
- Palmer F. R. *Mood and Modality*. Cambridge, 1986.
- Partee B. H. Opacity, Coreference and Pronouns // *Semantics of Natural Language*. Dordrecht; Boston, 1972.
- Partidge E. A. *Dictionary of Catch Phrases*. New York, 1985.
- Perkins M. R. *Modal Expressions in English*. London, 1983.
- Quine W. V. O. *From a Logical Point of View*. Cambridge, Mass., 1953.
- Quine W. V. O. *Word and Object*. Cambridge, Mass, 1969.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Grammar of Contemporary English*. London, 1976.
- Rauh G. Aspects of Deixis // *Essays on Deixis* / Ed. by G. Rauh. Tübingen, 1983.
- Rundle B. *Grammar in Philosophy*. Oxford, 1979.
- Russell B. *An Inquiry into Meaning and Truth*. London, 1963.
- Sadock J. M., Zwicky A. M. Speech Act Distinctions in Syntax // *Language Typology and Syntactic Description* / Ed. T. Shopen. Cambridge, 1985.
- Safire W. Sentence Non-starters // *International Herald Tribune*. 1985. May 20.
- Sapir E. *Culture, Language and Personality. Selected Essays*. Berkeley; Los Angeles, 1966.
- Schegloff E. A. Notes on Conversational Practice: Formulating Place // *Language and Social Context* / Ed. by P. P. Giglioli. London, 1990.
- Schoorl S. Opacity and Transparency: a Pragmatic View // *The Semantics of Determiners* / Ed. by J. Van der Auwera. London, 1980.

- Schneider F. Comment d'ecrire les actes de langage? De la linguistique pragmatique a lexicographie: "La belle affaire" et "Tu m'en diras tant". Tübingen, 1989.
- Searle J. Speech Acts. Cambridge Univ. Press, 1969.
- Searle J. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1983.
- Smith Q. The Multiple Uses of Indexicals // Synthese. Vol. 78. No. 2. 1989.
- Sweetser E. From Etymology to Pragmatics. Cambridge, 1990.
- Tahakowska E. Existential Presuppositions and the Choice of Head NP Determiners // The Semantics of Determiners / Ed. by J. Van der Auwera. London, 1980.
- Tracy R. Cognitive Processes and the Acquisition of Deixis // Essays on Deixis / Ed. by G. Rauh. Tübingen, 1983.
- Tregidgo P. S. Must and May: Demand and Permission // Lingua. Vol. 56. 1982.
- Voloshinov V. N. Marxism and the Philosophy of Language. New York, 1973.
- Weinreich U. Explorations in Semantic Theory. The Hague; Paris, 1972.
- Werth P. Articles of Association: Determiners and Context // The Semantics of Determiners / Ed. by J. Van der Auwera. London, 1980.
- Whorf B. L. Language, Thought and Reality. New York, 1959.
- Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction // Trends in Linguistics. Studies and Monographs 53 / Ed. by W. Winter. Berlin; New York, 1991.
- Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от редактора	3
Часть 1. Категоризация актуализации	7
Глава 1. Пропозиция, модус и модальность	—
1.1. Модальность в логике	—
1.2. Модальность в лингвистике	12
1.3. Природа языкового значения и контекст	16
1.4. Коммуникативная интенция	27
1.5. Пропозиция как результат представления пропозиционального концепта	32
Глава 2. Актуализация и именная детерминация: прагматический аспект	46
2.1. Теория актуализации. Категория определенности/неопреде- ленности как референциальная категория	—
2.2. Прагматическая интерпретация дескрипций с позиции го- ворящего и адресата	62
2.3. Роль межличностных отношений в успешной идентифика- ции референта	76
Глава 3. Философские и теоретические вопросы в исследовании дейксиса	82
3.1. Введение	—
3.2. Нормативная теория дейксиса	—
3.3. Теория дейксиса К. Бюлера	83
3.4. Эгоцентричность и нулевая точка	88
3.5. «Здесь», «Сейчас», «Я» как неэгоцентрические термины	91
3.5.1. Я	92
3.5.2. Сейчас	93
3.5.3. Здесь	94
3.6. Социально-интеракциональная природа дейктического поля: концепция К. Бюлера об упорядоченности гармоничной ори- ентированности	96
3.7. Альтернативный подход к изучению дейксиса	100
Глава 4. Дейксис и актуализация предложения	105
Часть 2. Актуализация смысла	124
Глава 1. Речевые стереотипы как актуализованное коммуникатив- ное знание	—
1.1. Функциональные особенности речевых стереотипов	—

1.2. Коммуникативно семантические особенности речевых стереотипов	132
Глава 2. Скрытые смыслы и способы их актуализации	145
2.1. Общие положения и классификация	146
2.2. Класс неинтенциональных скрытых смыслов	150
2.2.1. Неинтенциональные интерпретируемые скрытые смыслы	—
2.2.2. Неинтенциональные тавтологические скрытые смыслы	157
2.2.3. Неинтенциональные эксплицируемые скрытые смыслы	162
2.3. Класс конвенциональных скрытых смыслов	166
2.3.1. Конвенциональные интерпретируемые скрытые смыслы	—
2.3.2. Конвенциональные тавтологические скрытые смыслы	171
2.3.3. Конвенциональные эксплицируемые скрытые смыслы	173
2.4. Класс интенциональных скрытых смыслов	178
2.4.1. Интенциональные интерпретируемые скрытые смыслы	179
2.4.2. Интенциональные тавтологические скрытые смыслы	181
2.4.3. Интенциональные эксплицируемые скрытые смыслы	184
Глава 3. Смысл высказываний и высказывания о смысле	187
3.1. О смысле высказываний	—
3.2. Характеристики смысла	189
3.2.1. Группа А (свойства 1—6)	—
3.2.2. Группа Б (свойства 7—33)	190
3.2.3. Группа В (свойства 34—40)	202
3.3. Высказывания о смысле	207
3.3.1. Высказывания о ситуации «первичного» понимания	—
3.3.2. Высказывания о ситуации «первичного» заимствования	215
Сокращения источников	225
Литература	226